

Виктор Гридюшко

БРОУНИАДА

ИЛИ

путешествие

по

замкнутой

спирали

Вюрцбург
2023

Гридюшко В. М.

Броуниада или путешествие по замкнутой спирали: трилогия.

Книга третья: – В зоне рискованного земледелия. 2023г. – 350 стр.

Часть 1. Главы 1-33

В этой книге трилогии автор рассказывает о начале своей работы в Омской области и дальнейшей деятельности агрономом в зоне Северного Казахстана.

©Гридюшко В.М.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ЧАСТЬ 1

**В ЗОНЕ
РИСКОВАННОГО
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ**

Труженикам села с уважением

Содержание

ПОВЕСТВОВАНИЕ ПЕРВОЕ

Заливино	6
Тара	21
Я и Ленин	28
Господин, помни о массагетах	36
Егоровка	46
Ловец сновидений (теория.)	53
Ловец сновидений (практика.)	60
Цыгане и остальной интернационал	69
Начало таёжной жизни	76
Про лошадь и колхоз	84
Полевые работы	93
Про аристократизм «совка».	101
«Я уеду из этой деревни...»	113

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВТОРОЕ

Возвращение блудного сына	123
Был бы дождик...	132
Гроза буржуазии	145
Не могу молчать	152
Нас не нужно жалеть	172
Оптимистическая трагедия	180
Ликвидировать как класс	193
Великое противостояние	201
Потомки Чингисхана	218
По большевистски	234
Великие люди	249
Зимние будни агронома	258
Зимой агрономом, летом учителем	268
Где мы?	275
Писатель или не писатель?	284
Ненормальный 1979 год	298
Драма на море	308
О людях	319
Марк Григорьев	329
Дай бог, не последняя	339

ПОВЕСТВОВАНИЕ ПЕРВОЕ

Глава 1

ЗАЛИВИНО

Умер один человек и отправилась его душа в небесную канцелярию, чтобы получить вид на новое жительство. Там полистали «Дело», задали парочку уточняющих вопросов и постановили, что рая достоин. Люди с понятием, к мелочам не прикапываются, всякого за века насмотрелись. Иди, мужик, отдыхай, грызи свои яблочки.

Но тот не уходит, мнётся.

– Что-то непонятно?

– Разрешите спросить?

– Спрашивайте, но только коротко. Видите, какая очередь.

– Скажите, а зачем я вообще родился? Ведь в этом Мире всё predetermined Богом, значит и у меня было какое-то предназначение. Вы можете мне его открыть? Как я его исполнил, хорошо или плохо? Для меня это очень важно. В чём оно заключалось?

Дежурный архангел снова открыл «Дело», полистал.

– Вы спрашиваете о предназначении, извольте, оно задокументировано. Помните, в поезде «Москва-Владивосток», за столиком в вагоне-ресторане вас попросили передать соль?

– Слушай, Мир, а ты не мог бы по своим каналам пробить, какое оно моё, это самое, для чего я на свет появился?

– А что сам не спросил, когда по небесам шараялся, покой нарушал?

– Не у кого было спрашивать, там пустота кругом и только спираль откуда-то свешивалась. Вот я за неё ухватился и стал дёргать.

– Кота за хвост иди подёргай! Нет, ну это же надо, во всём великолепии Небесного чертога и Вечной жизни он только пустоту и какую-то непонятную спираль узрел! Хотя, чего ещё можно ожидать от атеиста? Блаженны нищие духом... Спираль, **спираль**?! Кажется, я начинаю понимать, что произошло в тот вечер. Ты и не мог ничего другого увидеть, вас так учили. Но зачем ты её оторвал и соединил концы? Что, самый крутой в этом мире?

– Гордыня обуяла.

– Засунь свою гордыню себе знаешь куда? Напился, иди, как все, на улицу, найди ещё более гордого, получи по морде и успокойся. Зачем ты на небо полез? Меня только одно поражает, почему тебя сразу не убило? А может всё-таки убило, но перевело в какую-то иную форму существования, в которой мы с тобой без особых проблем можем общаться? Если хорошо подумать, то получается, будто твоё предназначение состояло в том, чтобы ты соединил начало мира с его концом. (*Эй, мужики, а немного поскромнее можно?*) Не надо мне тут делать страшные глаза и корчить рожу. Я без тебя знаю, что Мир безначален и бесконечен. Речь идёт о периоде осмысленного существования человечества, отстоящего от вашего времени на 30000 лет и вплоть до лета 2005 года. У вас, атеистов, спираль начинает расти именно с того времени. Выходит, по каким-то неведомым соображениям ты замыкаешь цепь, остаёшься неожиданно жив, и ещё получаешь в придачу меня. Тогда что, у нас общее предназначение – написать вместе «Броуниаду...» и передать «соль жизни» из того времени в нынешнее? Вот уж не думал, что после Платона и Аристотеля придётся иметь дело с тобой.

– А тебя это напрягает?

– Не так сильно, как ты думаешь. В любом времени и месте есть свои авторитеты, их надо принимать и оказывать им знаки внимания. Они сами всю жизнь совершенствуются и создают поле притяжения. Поле, к которому тянутся другие люди. Не обольщайся, ты к этой категории относишься лишь отчасти, но, всё-таки, относишься, иначе я не стал бы с тобой разговаривать.

– Спасибо, Мир, я искренне тронут.

– Не за что. Подведём краткие итоги. Мы проболтались перед читателями, теперь они знают, **что ты натворил**. Может это и правильно, третью уже пишешь. Но оставь тайной, **зачем ты это сделал?** Я тоже пока этого не понимаю. После публикации твоих книг в интернете, появилось много лестных комментариев, должных придать тебе работоспособности. Люди жаждут видеть новую книгу. Итак, ты не стал дожидаться конца отпуска, оставил жену на попечение её матери и поехал на разведку к месту своей будущей работы...

Да, я поехал на разведку. Расстояние от Омска до Тары 300 км и рейсовый «Икарус» со всеми остановками преодолевал его за шесть часов. Село **Заливино**, центральная усадьба «ОПХ им. Фрунзе», располагалось рядом с трассой, не доезжая 12 км до города. Большое село, может быть, самое мощное в округе. Сразу бросалось в глаза, что идёт большое строительство. Но старые дома были в основном деревянными, и именно они пока определяли непривычную моему взору архитектуру.

Хозяйство было богатое, с миллионной прибылью. Здесь, в преддверии тайги, которая начиналась на другом берегу Иртыша, часто шли дожди, земля была плодородной, всё росло как на дрожжах и в прошлом, 1976 году, урожайность зерновых культур составила 42 ц/га. Это был испытательный полигон учёных СИБНИИСХоза для отработки рекомендаций хозяйствам подтаёжной зоны. Но и свои кадры были превосходны. Буквально в эти дни уходил на пенсию Иосиф Михайлович Беленок, главный агроном совхоза, кавалер ордена Ленина, заслуженный агроном России. На его место назначался Володя Лыткин, работавший до этого агрономом второго отделения, которого я и должен был сменить. Руководителем хозяйства был толковый человек, Владилен Федорович Носков, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, делегат 25 съезда КПСС. Личность легендарная.

– Чего же в нём было такого легендарного?

– А вот и было, раз до сих пор помнят и фонд его имени существует. У меня, Мир, сложилась достаточно стройная тео-

рия по поводу директоров совхозов и председателей колхозов, их обобщающих характеристик, но пока ещё рано её открывать, это материал для последующих страниц. Единственное, что я могу сделать в ответ на твой вопрос, это чуть-чуть приподнять завесу и сказать, что Владилен Фёдорович остался легендой потому, что обладал редким даром. Он был **агрономом-строителем**.

Счастьем для заливинцев было и то, что все три названных мной человека оказались агрономами с Божьей искрой.

За большим столом обширного кабинета сидел человек лет сорока в кожаном пиджаке и курил. Я представился. Он встал, пожал мне руку и жестом предложил сесть. Мы немного поговорили, и он вызвал Володю, моего будущего шефа, чтобы тот отвёз меня на отделение и показал квартиру. Небольшое село располагалось всего в трёх километрах от Заливино.

Новый двухквартирный дом был уже построен. Одна половина предназначалась нам с женой. Входную дверь фиксировал согнутый гвоздь, мы его повернули и вошли. Стены были побелены, но пол не покрашен.

– Нет краски, вот-вот должна поступить, тогда докрасят.

И не было электрической проводки. В целом остался доволен нашим будущим жилищем. На прощанье ещё раз зашёл к директору.

– Пока ты приедешь, всё будет закончено, – заверил он меня.

Окрылённый вернулся в Омск и рассказал, что видел. Первого августа я с чемоданом был уже в совхозе.

Оформил документы в отделе кадров, получил в кассе «подъёмные», и Володя повёз меня к месту нового жительства.

Дверь по-прежнему была закрыта на гвоздь и ничего не изменилось. Это было неожиданно, но я тогда ещё не понимал, что таково правило нашей жизни, а не исключение.

Меня поселили на время жить к одной женщине, которая работала на отделении заведующей складом. У неё была дочь, полная молодуха с выступающими вперёд зубами, которая вышла замуж в другую деревню, но теперь развелась и вернулась к

матери. Та души в ней не чаяла и всеми силами пыталась устроить её новое счастье.

Я сразу рассказал хозяйке о своей жизненной ситуации, о том, что женат, что жена на сносях, что рожать будет, вероятнее всего, здесь, в Таре, и вернётся с ребёнком в нашу новую квартиру. Мои слова произвели на неё не большее впечатление, чем шелест озёрного камыша при слабом дуновении ветра. В глубине её воспалённого материнского сознания родилась мысль «а вдруг?», и они перешли в наступление. Хозяйка метала на стол деревенские деликатесы и выпивку, а дочка при каждом удобном случае, хихикая, выставляла напоказ свои прелести.

Пять раз я был в кабинете директора, пока он, наконец, с матами, не заставил электриков заняться проводкой в моей квартире. Я и сейчас в этом никого не виню. Основная задача сельских электриков – обеспечение бесперебойной работы совхозных производств в части, их касающейся. Стройка – это дополнительная головная боль для них, а если учесть её размах, то они просто-напросто не успевали вовремя всё делать и, исходя из ситуации, устанавливали свою очерёдность действий. Меня же поджимало время, поэтому я был так настойчив, ломая их планы.

Да, время действительно поджимало. Скорее, это был уже цейтнот. Таня должна была родить со дня на день. В совхозе началась уборка урожая. Весь световой день я проводил в поле и на току. За краской уже не ходил, купил в магазине несколько банок и, ближе к полуночи, при свете электрической лампочки красил кисточкой полы. На кухню так и не хватило.

Когда дом принял более-менее жилой вид, я попросил машину и в середине августа мы с шофёром поехали в Омск, за женой и вещами. Бортовой ГАЗ-53 обслуживал ферму, мы сняли с него будку и в два часа ночи отправились в путь, чтобы к утру быть в городе. Долго плутали, пока попали на нашу улицу. Водитель знал правила, но, чтобы пробраться на грузовике через все эти Северные улицы и закоулки, он должен был нарушать все мыслимые и немыслимые запреты. Мы ехали навстречу машинам по улицам с односторонним движением, встречные шо-

фёры крутили пальцем у виска, и, чтобы не сойти с ума, этот добрый хороший парень сунул в рот незажжённую папиросу и яростно жевал её. Я ничем не мог помочь ему, по этим улицам я ездил только на трамвае. Хотя, кто знает? Может, и на машине рассекал.

Наверное, есть смысл немного отвлечься и рассказать, как я учился на шофёра. В институте проводились обязательные занятия по изучению автомобиля и практической езде. Плата была чисто символической. Учили ездить на грузовых автомобилях, что-то типа ГАЗ-91, или ГАЗ-93, неважно. Выезжали с инструктором в город и ехали по улицам в потоке машин. Правда, не в центре, а на окраинах, но и там движение было ого-го, особенно грузовое.

Я сижу за рулём и еду. Всё хорошо. Скорость небольшая и какой-то «Кировец» на полном ходу нас обгоняет. Я включаю левый поворот, выезжаю из ряда и начинаю за ним гнаться. Зачем я это делаю, не понимаю, но, тем не менее, делаю. Инструктор тоже не понимает, но молчит. Навстречу идут машины, «Кировец» прячется в правый ряд, я еле-еле успеваю юркнуть за ним. Места мало, и машина, которую я был вынужден «подрезать», яростно сигналил. Инструктор молчит. «Кировец» снова срывается из ряда, я, как на верёвочке, за ним. Через минуту мы опять еле успеваем увернуться от встречной машины. Инструктор начинает сопеть, но молчит. Но когда в третий раз, заметив, что трактор снова собрался куда-то улизнуть, я крепче ухватываюсь за руль и на моём лице явственно прочитывается мысль «Не уйдёшь, гад...», инструктор не выдерживает, хватается за руль, врубает правый поворот и останавливает машину на обочине. Руки его трясутся, он срывает с головы шапку, топчет её ногами и кричит:

– Ну, нах..., нах... он тебе нужен? Что ты за ним гонишься?

Открывает дверцу и вылетает из кабины. Через пять минут успокаивается и мы едем назад.

Приходит время экзамена. Теорию сдаю нормально, на практической езде в кабину садится гаишник. Те ребята, что

откатились раньше, предупреждают о провокациях со стороны экзаменатора. Допустим, въезд во двор запрещён, висит «кирпич», а он командует:

– Заезжай во двор.

Если поддашься, он с иезуитской улыбкой скажет:

– А ты что, знака не видел?

– Так вы же мне сами сказали!

– Мало ли что я говорю, правила нарушать нельзя.

Запоминаю предупреждение и решаю, что меня так просто не проведёшь. Сажусь за руль, плавно трогаюсь с места, делаю круг по институтскому городку.

– Достаточно.

Возвращаемся туда, откуда выезжали.

– Заезжайте во двор.

Шалишь, брат, не на того напал, ликую я, и проезжаю мимо. Милиционер думает, что я не расслышал или не успел сориентироваться и решает заехать в другие ворота, с противоположной стороны двора.

– Заезжай сюда, – громко и заранее командует он. Я хитро улыбаюсь и еду дальше. Тупик. Разворачиваюсь и останавливаюсь возле ворот. Жду похвалы, и, может, даже, крепкого рукопожатия, но натываюсь на странный взгляд экзаменатора. Поднимаю голову вверх и вижу, что никакого запрещающего въезд знака нет, как его, вероятнее всего, не было и на первых воротах.

Гаишник подходит к инструктору и что-то ему говорит. Тот издали смотрит на меня и понимающе кивает головой.

Права я получил последним в группе, когда мы все вместе с инструктором «обмыли» корочки (была тогда такая традиция) и девчата упростили его отдать мне документ. В дальнейшей жизни по полям я колесил без проблем, в город самостоятельно ездить боялся, да это было и ненужно, с 26-ти лет у меня уже были сменяющие друг друга персональные водители, которых я стеснялся, но иногда их услугами пользовался. Главное, чтобы машина всё время была на ходу. Урок из той истории вынес жёсткий. Не полагаться во всем на чужое мнение, а думать.

Ну, ладно. Добрались мы до дедова дома, погрузили вещи в машину, очень тепло простились с хозяином. Таня села в кабину, я залез в кузов, соорудил себе берлогу из тряпок, и мы поехали. По дороге ничего не случилось, и к вечеру мы добрались до своего нового дома. Кое-как переночевали, наутро пошли в магазин, купили деревянные кровати с матрацами, ну те, с полированными боковинами, диван, ещё что-то по мелочи, что в дом нужно. Да, просто пошли, и просто купили. Даже не в главном магазине, что на центральной усадьбе, а в нашем, отделенческом.

До полуночи во дворе вожусь, клетки в сарае колочу, туалет, что на улице, помню, целлофаном изнутри красиво оббил, чтобы не дуло. *(Вот надо было ему это? Жил бы в доме у родителей на всём готовом. Работал бы от души, сколько хотел, в клуб ходил, к девочкам неторопливо приглядывался. Желаться ему, видите ли, не терпелось. Совсем головы не было.)*

На работу иду, а сам всей душой дома. Каждую свободную минуту забегаю. И уследил. Как раз Володя на своей машине ко мне на отделение приехал, я его позвал пообедать у нас. Только сели за стол, как Таня ойкнула: «Кажется, началось!»

Мы её быстро в машину и в город, в Тару. Оставили в роддоме, а сами вернулись. Ночь прошла, какой там у меня сон?!

Еле дождался утра, побежал в контору. Хватаю трубку и звоню в роддом. Кричу какой-то девушке узнать положение. Она уходит, её долгое время нет, потом трубка оживает, и девушка говорит, что у меня родился сын.

Я не верю, мне кажется, что я ослышался. Заставляю ещё и ещё раз произносить эти слова.

На том конце провода смеются и советуют не терять времени даром, а идти «обмывать» сына.

Мужики, что толкуются возле конторы, с интересом смотрят на меня и жмут руку. Бессмысленно улыбаюсь, всем говорю: «Спасибо». Я откровенно счастлив. Звоню Володе. Он тоже искренне поздравляет, обещает побыстрее управиться с делами и подъехать.

Меряю шагами комнату, кажется, если остановлюсь, что-нибудь случится.

Володя сигналит, я выскакиваю из дома, и мы едем в город. Таня подходит к окну, бледная, с вымученной улыбкой. Кажется всё позади, но тревога не отпускает. Мы знаем, что ещё совсем недавно в роддоме свирепствовала инфекция, унёсшая жизни восьми младенцев. Молю все высшие силы, которые знаю:

– Пусть мой сын выйдет из больницы здоровым!

На обратном пути заезжаем в магазин, набираем вина и оставляем у меня дома. Надо бы выпить, но идёт уборка и мы должны быть на работе. Договариваемся на вечер, как стемнеет. Нас немного, человек 5-6, недолго сидим, утром рано вставать, но традиция соблюдена.

Через пять дней забираем моё пополнившееся семейство из больницы и привозим домой. Можно даже назвать точную дату. Димка родился 23 августа, значит был уже конец месяца. По ночам пошли заморозки, в квартире стало прохладно. Купил у Володи дрова, они с весны лежали у него чурками во дворе. За всё лето он так и не нашёл времени их поколоть. Да ему и не надо, его новый дом-особняк на центральной усадьбе будет подключён к центральному отоплению. Его семья будет жить на застраиваемой новой улице, которую за непривычные удобства и размеры строений жители называют *«буржуйской»*, такое наименование было распространено тогда по всем деревням и сёлам, где такие стройки имели место.

Позже, когда в Россию придёт дикий капитализм, такие поселения станут иронично-завистливо называть *«долинами бедных»*, или как-то так, похоже.

Володя жалуется мне, что вместо того, чтобы работать, он вынужден заниматься ещё и своей новой квартирой.

– Я никак не могу сосчитать, сколько в доме комнат, то ли шесть, то ли семь. Знаю только, что дверей должно быть одиннадцать, а их ещё нет.

Таскаю его чурки в свой двор. Наши дома стоят напротив, прямо на въезде в село, немного наискосок. Теперь по вече-

рам до первых звёзд колю дрова. В доме две печки. Одна обычная плита на кухне, а в спальне «голландка». Их и топлю, подбывая пока щепки и обрезки, оставшиеся от стройки, сырые дрова сушу рядом с печами. «Голландка» хорошо держит тепло, и в другой спальне, где Таня расположилась с Димкой, от пузатого бока железной бочки тянет уютом. Малыш спокоен, много спит, много ест и часто марает пелёнки. Их складывают в таз, а вечером начинаются постирушки. Стираю и я, потом ухажу рубить дрова.

Почему-то плохо запомнилась моя основная работа, видимо она вытиснилась из памяти более важными событиями, рождением Димки, обустройством дома. Осталось только ощущение, что я практически мало чего знаю. Это, как я теперь понимаю, было нормальное состояние, как и у любого другого молодого специалиста, столкнувшегося с глыбой реальности, главное, сделать из него правильный вывод. Кажется, мне это удалось. Я без особых комплексов пережил свою первую профессиональную встряску. Надо было опять засучивать рукава и учиться у действительности.

Мне повезло. У меня оказался хороший учитель. Володя Лыткин, уроженец здешних мест, старше меня на пять лет (армия), закончивший наш институт тремя годами ранее, был не совсем обычным человеком. Он был агрономом-фанатиком, в самом лучшем смысле этого слова.

Маленького роста, худой, скорее, щуплый, постоянно пыльный, с всклокоченными волосами, он и минуты не мог устоять на месте. Забирался на комбайны, лез на верхотуру мехтоков. Уборочные дни и ночи перемешались в его голове, он успевал буквально везде, кроме собственного дома. Сарай его почти развалился, огород пугал сорняками, дверь в дом держалась на одной петле. Володя был на работе, причём он был на ней всегда, даже когда сидел за обеденным столом.

Меня это совершенно не шокировало (*сам такой!*), к тому же я заметил, что никто из односельчан не упрекал его в этой безалаберности, даже в запале спора или ссоры. Подлинная страсть вызывает уважение, и его действительно уважали в селе,

гордились, что их Володя стал теперь главным агрономом. Жена его была тоже из сибирских, не местная, но откуда-то недалеко. Она молчаливо терпела, занималась по мере своих сил «баб-строем» и нянчила маленьких детей. Её терпение было вознаграждено, вместе со своим «непутёвым» мужем она получала особняк на «буржуйской» улице и статус одной из первых дам села.

Учил Володя меня своеобразно. Едет по дороге, свернёт на какой-нибудь пригорок или опушку леса, станет, мы из машины выйдем, а он воздух вдохнёт в себя и говорит мне:

– Смотри, Витька, да не дураком смотри, а чувствуй. Ты видишь, красота то вокруг какая!

И правда, дымка вечерняя, полупрозрачная, лес жёлтый и красный, а в нём сосны зеленеют, птицы в вышине к югу летят.

– Я никуда от этой земли не уйду, это же чудо настоящее!

Лупаю глазами, но такой страсти, как у него, в себе не ощущаю, видимо, не созрел ещё. Да и пейзаж, хоть и красив, а душу мою не переворачивает, простора не хватает. Поля маленькие, чуть глаза подымеешь, уже и лес. Непривычно после Куспека. Это потом уже, когда сам начал молодых учить нашему делу, и слова мог говорить, как тогда Володя, и верить тем словам.

И чудо виделось, и хотелось лечь на землю, обнять её руками и умереть счастливым в эту минуту. Но некогда было. То посевная, то уборка, то сенокос. А они только глазами моргали. Ничего, достанет и вас в своё время, думал я, только человека в себе не потеряйте, не умрите раньше смерти.

А ещё, если мы ехали мимо тех маленьких, по моему разумению, полей, он рассказывал, какая культура росла на них в прошлом, позапрошлом и позапозапрошлом году. Как тяжело было маленьким всходам, когда после посевной вдруг выпал снег и ударили морозы. Он даже передёрнулся от того воспоминания. Володя помнил урожайность всех этих клочков за все три года.

– Ты рассказываешь так, будто книгу истории полей перед собой держишь, – пытался и я вставить умное слово. Он стучал костяшками пальцев по своему косматому темени:

– Дурак ты, вся книга должна быть в голове, кто эти бу маги читает?

Женщины, которые работали на току, дней через десять после того, как я привёз жену из роддома, сказали мне, что придут к нам в гости проведать молодую мать. Была в том селе такая традиция, да, наверное, не только в нём. Но только женщины, мужики к этому мероприятию не допускались. Если какой по нахальству или незнанию на этот феминистский «шабаш» попадёт, то его на землю повалят, ширинку расстегнут и стакан водки в прореху выльют. *(Вот пусть кто скажет, что бедно жили.)*

Несостоявшаяся «тёща» обиды на меня не держала, и когда я с выпиской пришёл к ней на склад, отвесила мне такой кусок грудины от старой коровы, что я о том мясе вспоминаю до сих пор. Вкуснее его я в последующей жизни не едал, хотя и имел возможности выбора.

У неё новый квартирант поселился, тоже приезжий, разведённый. Дочка с ним под ручку по улице вечером гордо гуляла. Таня мясо отварила, я вина-водки купил. Пришли, посидели, попели, подарок какой-то подарили, дельный для малыша. Всё путём. Начали и мы уже к новым людям привыкать.

Дома тоже, вроде, всё нормально, Димка растёт, работа захватывает, знакомые появились, с соседями подружились, за столом стали вместе сидеть. За клюквой раз съездил, набрал ведро. Места там грибные, ягодные, рыбные. И всё поблизости. Хорошее такое сибирское место.

Люди в селе интересные жили. Трудились в полную силу, да и мало сказать, что просто трудились – мастерами были. Кормодобывающая бригада, которая гремела на весь район, полностью состояла из механизаторов отделения. Я, в основном, с ней и занимался, хотя они с таким же успехом и без меня бы справлялись. Но я был официальным лицом и обмерял те скирды, что они на своих «полянах» ставили. Да, это тоже было мне

непривычно, у нас сено свозили на совхозный сеновал, а тут скирдовали прямо в поле и вывозили зимой к фермам по мере надобности. Это оттого, что у них зимой сильных буранов не бывает, лес защищает. И скирда стоит чистая, не задутая с ветреной стороны до макушки, снег ровно лежит.

По окончании уборки у механизаторов появились свободные дни – воскресенья. И люди, не мудрствуя лукаво, в этот день отдыхали. Выпивали. Соскучились по вину. Село маленькое, можно сказать, что одна улица. И вот на этой улице, как в театре, давались представления силами самих жителей. После обеда на её середину выходил самый маленький и щедедушный тракторист из кормодобывающей бригады, которого никогда не было ни слышно, ни видно, рвал на себе рубаху до пупа, стучался в двери домов по обеим сторонам улицы и кричал:

– Выходи! Биться будем!

Никто, конечно, при виде столь страшного противника не выказывал желания пропадать зря, и только его жена, крепкая бабёнка, заслышав крики мужа, спохватившись, выбегала из дома, брала его одной рукой подмышку и несла домой. Драки видел, разборки, до которых в уборку руки не доходили. Один парень хотел другого косой подрезать. Вроде от сестры ухажёра отгонял, по-моему, оба были после отсидки, в деревне не только рабочие совхоза жили, некоторые в других областях по вахтовому методу работали, в Сибири это норма.

Пару раз в клуб довелось попасть, на вечерний сеанс. Электрика на ток вызывал. Тот хоть и не обязан был, но жену оставил и пошёл со мной. Совежливые люди были.

Все семечки грызут, на пол шелуху сплёвывают, техника завтра выметет. Мат через каждое слово, и женщины мужикам в этом деле не уступают, половина навеселе. Хорошие люди сибиряки, но только с культурой у них (не хочется обижать исключения), плоховато в то время было. А они и не замечали этого, привычное дело, что в полной мере их и оправдывает. Может сейчас что изменилось в лучшую сторону, не знаю, врать не буду. А правда, кто сейчас в деревне в кино ходит, тем более с семечками? Времена, они, брат, склонны меняться.

Два месяца я на отделении проработал, как, вдруг, на току находят меня первый секретарь Тарского горкома ВЛКСМ и секретарь парткома нашего ОПХ и начинают сватать на должность заведующего организационным отделом горкома комсомола с последующим ростом до секретаря.

– Дело живое, интересное, а агрономом всегда успеешь, – искушал меня улыбчивый Гена Пантелеев. У нас поработаешь, а если не понравится, потом тебе сразу колхоз дадут. Вольной птицей станешь, без отработки, ты только попробуй.

И ведь заронили, гады, сомнение в душу. Какое-то тоскливое беспокойство в ней поселилось. А может, кто Высший сверху поглядел и решил, что пусть он ещё и через это пройдёт, чтобы, наконец, хоть немного поумнел.

Тане дома про предложение рассказал, она ответила, что решай, мол, сам, тебе работать. Но вижу, что особых возражений у неё нет и даже какой-то интерес в глазах появился. Всё-таки скучновато на отделении жить, а там город.

– Ты ведь писал, что не любишь городов?

– Да, не люблю, но меня смутило то, что он небольшой, около 25000 жителей. Я тогда не знал, что зло, которое обитает в городах, не зависит от количества людей, в нём проживающих. К тому же остальные 25000 жили в сёлах.

(Я должен извиниться перед читателями за автора. Он с таким маниакальным упорством ищет в городах злобные черты, что становится на пути прогресса и смущает неокрепшие души селян. А куда же сегодня бедному крестьянину податься, чтобы жить по-человечески? Только в город. Или на вахту. Сам то, вот, в городе живёт, пусть и немецком, но городе. И зла, почему-то, не замечает. Надо будет нам с вами как-нибудь посадить его напротив яркой лампы да задать парутройку конкретных вопросов: где, когда, и кто, конкретно, завербовал? Посмотрим, как начнёт юлить и изворачиваться этот хренов деревенщик.)

С Володей посоветовался. Он в своей манере обозвал меня дураком и начал скорее на свою сторону перетягивать. Но уже поздно было. Сомнения в голову впились. Молодой был,

дурной, жизни не понимал. Вот так просто взял и всё хорошее, что меня окружало и поддерживало, по глупости похерил. Стипендиат, бля, Ленинский.

Нет, не карьера интересовала меня. А вдруг, я мимо своей удачи пройду, может общественная работа и есть моё призвание, ведь получалось же у меня в институте? И решил я рискнуть. Но надо теперь увольняться, значит к директору идти. Зашёл, глаз от пола не подымаю. Не стал он меня ни уговаривать, ни ругать, видать ему уже из горкома партии позвонили, чтобы препятствий не чинил. Подписал он мой расчёт, потом устало в кресле откинулся и сказал:

– Большую глупость ты, парень, делаешь, ну да потом поймёшь. Я ведь кое-что о тебе знаю, мне рассказали, да и работать ты правильно начал. Сидел бы через семь лет в таком же кресле, – и на стул свой показывает, – да, видать, не хочешь. Пропадёшь там. Если ты агроном, то никогда не сможешь у них работать.

И «до свидания» не сказал, выдавил брезгливо: – «Иди».

Это что же я такое делаю, что уже второй авторитетный человек меня за неполные два года в глупости обвиняет?

г.Тара

Глава 2

ТАРА

Стал я работать заведующим организационным отделом Тарского горкома комсомола. Кабинет отдельный, стол, телефоны и два инструктора, мне подчинённые. Всё солидно, я в костюме с галстуком, ни пыли, ни соломы в волосах нет. Сижу, инструкторов по организациям рассылаю, обедаю строго в ресторане. Там все работники учреждений, выходящих на площадь, кто домой не ходил или с собой не брал, кушали, благо, что дёшево. В полтора рубля легко укладывались. Я до сих пор вспоминаю порцию маринованных маслят из местных лесов со сметаной за 28 копеек, которая с трудом умещалась на тарелке и уже одна гарантировала сытость. Не, не привилегия «коммуняка», обычный потреб кооперативный ресторан, который предлагал обед любому желающему покушать. Столовые были дешевле, но до них надо было ещё идти.

Вечером на рейсовом автобусе или попутке ехал домой, а утром, рано, часиков в семь, выходил на дорогу и «голосовал», чтобы в город добраться.

Квартиру мне ещё не подобрали, но я терпел, не делается же всё сразу. А уже и морозы стали поджимать, холодно на дороге стоять.

Организация большая, «первичек» только в городе 80, да ещё по району 23. На хорошем счету в обкоме, недаром же нашего первого секретаря Пантелеева избрали делегатом 18 съезда ВЛКСМ.

Ротация кадров в комсомоле невероятно быстрая, кто был в «теме», может мои слова подтвердить. Не годы, – месяцы. Вот и 1977 не стал исключением.

Секретарём по школам (третий секретарь) стала Людмила Вандышева, работавшая до этого инструктором горкома партии, сменившая Любовь Кичанову, к наследию которой относилась с подчёркнутым уважением. Люда была широкой натурой и не жадничала.

Вторым секретарём в конце прошлого года стал Лёша Ценёв, мастер из ПМК-110, который был так удивлён этим предложением, что от удивления согласился.

– Если не получится, всегда сможешь вернуться назад. Зато какой опыт!

У Алексея была двухкомнатная благоустроенная квартира от своей организации, которую он ни в каком случае уже не терял, к тому же, в отличие от некоторых глупцов, он был холост, так что терять ему и в этом плане тоже было нечего.

До меня заведующим орготделом работал Коля Ефимов, уроженец здешних мест, выпускник нашего агрофака, спокойный умный парень, какой-то весь положительный, на парутройку лет старше меня, но я его по сельхозу совершенно не помнил. Он со своей должности уходил главным агрономом в колхоз им. Ленина на левобережье, очень успешный, кстати, так что за его дальнейшую судьбу не стоило беспокоиться.

Одновременно со мной в аппарат горкома инструктором школьного отдела пришла Надя Аскаленко, которая, закончив педагогический институт в Омске, решила сменить профессию. Она была красивой девчонкой, с симпатичными такими веснушками, очень похожей на популярную тогда артистку Евгению Симонову, ну, ту, из «Афони». Несмотря на то, что мы были ровесниками, я непроизвольно признавал её старшинство, так умно и строго смотрели на людей её внимательные глаза. Если бы я уже знал о Маргарет Тэтчер, я бы не раздумывая назвал Надю «железной леди». К тому же она была уже замужем. Хотя и я в холостяках не числился.

В орготделе было два инструктора. «Старожил» Иван Шамара и новенький, который своей совестью нравился мне больше, но фамилию его я запомнил, знаю только, что начиналась она на букву «К». (*Крюков, Клыков? Прости меня, Володя!*) Они были со средним образованием, но Володя хотел и Работать, и заочно учиться.

Финансовой частью горкома заведовал толковый парень по фамилии Павлов, который имел соответствующее высшее образование, но от скуки своей технической должности пома-

леньку выпивал на работе и, боясь быть наказанным, виновато суетился в присутствии своего непосредственного шефа Гены Пантелеева, который многое прощал тому за профессионализм.

Был ещё шофёр пятиместного «ГАЗ-69».

Вот, собственно, и весь аппарат Тарского горкома комсомола на осень 1977 года.

Кабинет орготдела неспроста назывался «штабом». Именно мы собирали всю информацию из комсомольских организаций города и района и обрабатывали её. Выполнить это в полном объёме было физически невозможно, хотя у нас и было два отдельных телефона: один на моём столе, другой на столе инструкторов. Дело в том, что обком комсомола ежегодно рассылал по горкомам и райкомам формуляры отчётности, сброшюрованные в довольно пухлый фолиант, с обложкой чёрного цвета. Отчётность была еженедельной, декадной, месячной и квартальной. На практике выходило так, что, принимая во внимание внеплановые и экстренные запросы, мне ежедневно приходилось посылать в обком какие-то сведения. Сначала честно звонил по организациям, просил и требовал. Потом я понял, что это и есть тот самый сизифов труд из мифов древней Греции. Тогда положил на стол корешки прошлогодних отчётов и стал с них списывать, благоразумно добавляя, где рубль, где члена, где тонну. Страна строила развитой социализм, правда, ещё без *«человеческого лица»*, и каждый последующий день должен был быть лучше предыдущего.

Но существовали два момента отчётности, по которым фантазировать было нельзя. Это данные о численности комсомольцев в районе и показатели передовиков производства, участвующих в областном соревновании молодых тружеников. Обком требовал роста рядов, требовал жёстко. Прочёсывали район и город частым гребнем, резерв был только среди учащихся ПТУ и ГПТУ, остальные поголовно вступали в школе. Не брезговали никем, разве только самыми отмороженными, по которым плакала будущая тюрьма. Контроль за приёмом осуществлял орготдел, может быть поэтому, из-за важности вопроса, заорг обязательно избирался членом бюро горкома.

Они заходили в кабинет первого секретаря, где уже сидели члены бюро, и, насупившись, не поднимая головы, становились перед столом. Школьники, те смотрят открыто, с волнением, но открыто, в этом главная разница между ними, хотя было достаточно исключений с обеих сторон. Они стояли, как партизаны на допросе, многие уже с наколками и на вопрос, зачем вступают в комсомол, лаконично отвечали: – Надо. Принимали всех, гнали план.

Надо!

Вечером они это дело «обмыли» и устроили драку в общепитии. Милиция прислала бумаги, пришлось исключать. Но в отчётности я сначала показал «рост рядов», и только в следующем месяце их убыль.

Правильной была эта политика всеобщего привлечения молодёжи в комсомольские организации или нет?

Я затрудняюсь однозначно ответить на этот вопрос, но склоняюсь к тому, что правильной. Осуществлялся хоть какой-то контроль над неокрепшими душами, которых манила сладость стаи, силы, улицы и блатной романтики. Оглядывались. В первичных организациях ведь тоже жизнь существовала, пусть на первый взгляд скучная, но те ребята, что закончили училище и хорошо работали, на встречах рассказывали, что люди к ним с уважением за это относятся, а комсомол так прямо на руках носит. Всегда существовали коллективы, где молодёжная жизнь просто кипела, вовлекая в свой бурлящий поток всех неравнодушных. От секретарей на местах многое зависело, от их авторитета и живости характера. Я не буду дальше углубляться в эту тему. Приведу лишь слова моей сестры Людды, которая с середины 80-х годов вместе со своим мужем Алексеем, окончив Омский сельхоз по специальности «Технология обработки молока и молочных продуктов», оказалась в городе Тобольске.

– Знаешь, Витя, мне часто приходилось домой поздно возвращаться, по разным причинам. И вот идёшь ты, трусишь, а навстречу тебе группа ППТУшников, молодых людей, в общем, это не важно. Явно нетрезвые. Что делать, как мимо них безопасно пройти? И я делала вот что. Поднимала глаза и старалась

поймать их взгляды, а, когда ловила, смотрела прямо и мысленно приказывала: – Не смейте! Они расступались, и я проходила. Ещё вменяемые были. А в 90-е взгляды уже не ловились. Наркоманы откуда-то объявились, да много... Идёшь, и не знаешь, что им сейчас в голову взбредёт. Страшно, Витя, было, понастоящему страшно.

А что касается социалистического соревнования, то тут, как говорится, молодым талантам все карты были в руки. Трудись, не ленись, комсомол всегда тебя морально поддержит. Вы не верьте тому, кто говорит, будто деньги – самое главное в жизни. Это сегодня мешанское мурло со своей гнидовской философией из щелей повылезло. Пусть тогда жили небогато по сравнению с развитыми капиталистическими странами, но существовали ещё в государстве честь, достоинство, гордость, добрая слава, уважение, творчество, наконец. Было соревнование на предприятиях, в районе, в области. Лучших отмечали, выделяли, награждали. По труду, справедливо. А как ещё иначе? Комсомол за своих, молодых, горой стоял. Знали, что не всегда им под силу с опытными работягами тягаться, поэтому было своё соревнование, среди молодёжи (до 28 лет).

Я в горкоме этот вопрос среди кучи других курировал, сведения собирал и обрабатывал.

Что такое комсомольская работа в аппарате райкома, горкома, обкома? Это было самое **собачье** занятие среди всех общественных занятий канувшего в Лету СССР. И тот, кто ту школу успешно прошёл, потом уже мало чего боялся на этом свете. Другие сферы деятельности кроме голого энтузиазма опирались все-таки на какое-то материальное основание.

Не верите мне, завистники, поверьте Н.А. Некрасову. Прочитайте его поэму «Кому на Руси жить хорошо». А я приведу слова Юрия Порфирьевича Гудкова из сборника, посвящённого памяти С.И. Манякина. С Ю.П. судьба свела меня в Таре в том же 1977 году, когда он с должности первого секретаря обкома ВЛКСМ был назначен (избран) первым секретарём Тарского горкома КПСС. Это довольно редкий случай, говорящий в первую очередь о деловых качествах Гудкова. Обычно

«первые» комсомольцы довольствуются более скромными должностями. Я абсолютно верю его словам, потому что он знает, о чём говорит. В 24 года стал самым молодым председателем колхоза в области, попросившись «на передовую» с поста второго секретаря Омского райкома комсомола. Отработал председателем 8 лет, выведя колхоз в передовые. В 32 по настоянию Манякина избран с должности председателя первым секретарём обкома ВЛКСМ. Вот его слова:

– Первым секретарём обкома я **«отдубасил»** пять с половиной лет. Более тяжёлого периода в своей жизни я и не припомню. Честно говоря, после этой работы сил у меня уже никаких не было.

Юрий Порфирьевич не был *задохликом*, он был атлетом под 2 метра ростом.

За работу «на галерах» платили немного. У меня, как у заведующего организационным отделом оклад был 150 рублей, это, конечно, на 10 рублей больше, чем у агронома отделения, но расходы... Кроме того мы получали какие-то премиальные. Небольшие, рублей 20, и не каждый месяц. Я так полагаю, что среди райкомов тоже шло соревнование по результатам труда, вернее по показателям, отсылаемым в обком. Оттуда нас стимулировали. Нет показателей – нет премии. Начнёшь мухлевать – получишь по морде. В обкоме была ревизионная комиссия.

На работе находились столько, сколько было нужно. Подошло время городской отчётно-выборной конференции. Серьёзное мероприятие, именно на нём делегаты могли совершенно официально разнести нас (бюро) по косточкам. Причём голос «снизу» был равен голосу «сверху».

Принципа демократического централизма никто не отменял, и комсомол, как серьёзная организация, чтил свои основы.

Работали в тот период до 9-10 часов вечера, порой засиживались до полуночи. То есть днём была обычная текучка, а вечером вопросы конференции. Готовили необходимые бумаги, писали свою часть отчёта. В воскресенье обязательно какое-нибудь мероприятие в городе, надо присутствовать. Зачастую и по деревням «культурно» гуляли. Разъезжались, кто куда, заго-

дя, или в воскресенье, на рейсовом автобусе. Надо было пару слов народу сказать, благословить праздник. Прибавим сюда отчётно-выборные собрания в организациях и смотры художественной самодеятельности на местах. Плюс вечера отдыха.

Дома я практически не жил, приходил только переночевать, да и то не всегда, если были командировки в сёла. Какой жене это понравится? Правильно, только вдове.

Квартиру мне дали, в конце ноября, наверно. Деревянный барак, их много было тогда в Таре, оставшиеся 50 и сегодня являются головной болью руководства города. Это я недавно в интернете прочитал, когда решил из-за записок поинтересоваться местом, в котором прошли мучительно-интересные месяцы моей жизни. Руководит районом и городом Надя Аскаленко, мой добрый товарищ той поры, вернее, она избрана первым заместителем главы администрации района, но Надя, без сомнения, решает множество основных вопросов. Теперь, вроде бы, представляет район в правительстве Омской области. Сенатор местного разлива.

Там был один сюжет, где люди говорили о ней, наверное, в честь юбилея. Хорошо говорили, с теплотой. Сын её, тогдашний майор Тарской милиции, с уважением и какой-то гордостью за мать, рассказывал, что она, будучи председателем городской призывной комиссии, имея полную возможность по какой-либо причине оставить его дома, подписала все полагающиеся бумаги и отправила служить. А ведь это были страшные 90-е.

– Живи своим умом, – сказала она ему.

Глава 3

Я И ЛЕНИН

В покосившемся и скрипучем от старости деревянном бараке мы занимали на втором этаже комнату и кухню, в которой стояла печь. Туалет и сарайчик для дров на улице. Вода из колонки. Красиво. Контрастно. Чёрные стены деревянных срубов и белый снег зимы. Северные виды начали покорять меня, особенно в таёжных сёлах. Без сомнения, я полюбил бы Сибирь, как уже любил североказахстанские просторы с их степями, лесами, сопками и озёрами. Нужно было только время, покой и умиротворение. Ни того, ни другого, ни третьего тогдашняя моя жизнь предоставить не могла.

У нас были солидные соседи. Две квартиры из четырёх занимали начальник финансового отдела Тарского горисполкома со своей красивой женой, которая руководила отделом культуры. В одной из квартир они жили, другая была под завязку заставлена мебелью. Другой наш сосед, Владимир Непомнящих, с замечательно умными глазами, бывший секретарь парткома совхоза, закончивший ВПШ (Высшую партийную школу), в настоящий момент был назначен заворготделом горкома КПСС и жил в бараке один, без семьи, в ожидании окончания строительства нового благоустроенного дома, в котором ему была обещана квартира. В этом волшебном доме квартиры были обещаны всем, в том числе и мне. И только финансист со своей, действительно, прекрасно выглядевшей, несмотря на предпенсионный возраст, женой, не смотрел в его сторону. У них был свой собственный (государственный) деревянный особняк в центре города, который сейчас капитально ремонтировался за государственные же деньги, но настолько тщательно, что реставрация должна была занять год, включая подключение к системе центрального отопления и водоснабжения.

В этом не было чего-то противозаконного. Большая часть жилого фонда СССР принадлежала государству, и оно должно было заниматься его эксплуатацией и ремонтом. Это

был подарок уважаемым людям перед выходом на пенсию. Но, как всегда, сам факт особых льгот для чиновников вызывал неприятие и осуждение остальных жителей города. Хотелось всё-таки равноправия и справедливости, дух которых витал в тогдашнем гражданском обществе. Это очень интересная тема: о справедливости, равноправии, и льготах в условиях дефицита жилья. **По справедливости для того, чтобы восторжествовало равноправие, особняк нужно было снести с лица земли, чтобы он никого не смущал.** Станный вывод, но он напрашивался сам по себе. Особняки органично смотрелись в царской России, неплохо украшают землю и сегодня, правда, вынуждены отгораживаться от ненависти менее предприимчивых, а, может быть, более совестливых людей, монументальными оградами. При социализме особняки не смотрелись и не приветствовались, глаз больше радовали дворцы (пионеров, культуры, спорта, съездов, бракосочетаний и т.д.), и это при том, что одним из основных революционных лозунгов большевиков был **«Мир хижинам, война дворцам!»**. Развернулись в марше, оправдываясь тем, что современные дворцы, по справедливости, принадлежат всему народу.

Я, теперешний и вчерашний одновременно, утверждаю, что сегодня развитым капиталистическим странам, той же Германии, такие базовые понятия социалистического общества, как равенство и справедливость, присущи в большей степени, чем уважаемому мной СССР. Но это только из-за богатства, случись что нехорошее, одеяла на всех не хватит. Тем и величественна моя Родина, что пыталась под своим лоскутным обогреть всех.

За год до смерти отца Лёша и Люда забрали наших родителей из Куспека и купили им дом в зверосовхозе рядом с Тобольском. *(Не пугайтесь названия, оно означает лишь то, что хозяйство занималось разведением и выращиванием пушных зверей.)* В один из дней, за столом у нас был разговор, и я сказал, что благодарен судьбе за то, что она позволила мне **власть поработать**. Я имел в виду не только сам труд, но и **творчество**, которое присуще моей профессии.

Уважаемые читатели. Должен обратить ваше внимание

именно на эти слова, потому что без их осмысления будет непонятна логика всех последующих событий. И ещё. Моё восприятие окружающей действительности и живущих в ней людей осуществлялось по очень простой методе: **или ты с Лениным и со мной, и мы вместе строим новый светлый мир, или ты наш враг.** Оно родилось и жило во мне. Это было интуитивное ощущение планетарного масштаба, что-то вроде $E=MC^2$, и то, что Эйнштейн показал миру язык, а я потом попытался подёргать за хвост время, является его следствием.

Ленин справа

Ленин у меня был не конкретно Лениным, хотя и им тоже («фотографией на белой стене»), но олицетворял собой всё

то самое хорошее, доброе и человеческое, что было в социализме, при воспоминании о котором сегодня у нормальных людей **яснеют** лица.

Что касается меня самого, то здесь ситуация выглядела сложнее. В отличие от тибетского Далай-ламы я жил на земле в первый раз и добросовестно наступал на раскиданные повсюду грабли. (*Подумаешь, он наступал, а другие, что, по воздуху порхали и шишек себе не набивали?*) У людей есть кожа, у некоторых она очень толстая, у меня, как мне казалось, её не было совсем. Или содрали незаметно, или просто не выросла. Я был очень восприимчив к несправедливости. Это больно и неудобно. Я бы скоро пропал, но Ленин меня спас. Мы создали собственную организацию, очень мощную. В неё вошли все работающие люди, талантливые, самоотверженные, пусть не всегда, но, в трудные минуты, забывающие о себе и думающие только о деле, короче, такие, у которых «понедельник начинался в субботу» или неделя не кончалась никогда. Вы видели гранит с его спрессованными частичками? Это были мы, и гранит находился внутри меня. Монолит, покрытый плотью без кожи. Я оценивал людей только по степени их **искренней самоотдачи ради общего дела** и никакие, даже самые высокие чины, не могли на эту оценку повлиять. Себя судил точно так же, не понижая планки. Дом и личное благополучие в моей системе не котировались, я знал, что самоотверженный труд рано или поздно вознаградится сам по себе, и не стоит на этом заикливаться. Это не важно. (*Господи, бедные жёны, какую змею на груди пригрели.*)

И в то же время я никогда не был фанатиком, я был обыкновенным человеком, робко и любопытно ступающим по полю жизни. Все страсти человеческие кипели во мне, мир пробовал на прочность обнажённые нервы, и я реагировал на эти прикосновения. Как меня воспринимали другие люди, я не могу сказать. Наверное, неоднозначно: это я был с Лениным, у других могли быть союзники и попрактичнее. Скажут – приму к сведению, к святым меня отнести трудно.

Я настороженно относился к Ивану Шамаре, хотя и жалел его. Они с женой потеряли новорождённого ребёнка, эта

боль мучила его, я воспринимал это особенно остро, пережив страх инфекции Тарского роддома, но что-то меня в Иване смущало. Он не был с Лениным и со мной, он не был крупинкой нашего гранита, он был только попутчиком. И, не имея глубоких знаний, позволяющих поступить в институт, выбрал для плацдарма построения своей будущей благополучной жизни горком комсомола. Иван был по своей сути боец, и это мне в нём до сих пор импонирует, хотя цели у нас были разные. Он женился на своей же тарской девчонке, мать её была торговым работником, на свадьбу им подарили цветной телевизор, огромная бандура, с трудом помещающаяся на столе их маленькой каморки, полученной Иваном от организации.

Иван хотел стать мещанином, хотел страстно. Он, как и многие другие, не видел в этом определении ничего плохого, но для меня тогда, да и сейчас, пожалуй, этот образ жизни был как красная тряпка для быка. Конечно, мы вели в кабинете какие-то разговоры, и каждый высказывал свою позицию по жизни.

– У вас философия голодранца, Виктор Михайлович.

У меня нет претензии к Шамаре, я просто хочу на его примере показать, что в аппарате горкома работали разные люди. Он покрутился два года перед глазами городского начальства и когда возникла вакансия на место директора банно-прачечного комбината, предложил свою кандидатуру. Его утвердили, и я был рад за него. Из Ивана должен был выйти толковый управляющий. Чему, чему, а работе с людьми комсомол учит.

Как ни странно, но к попутчикам я относил и нашего первого секретаря Гену Пантелеева. «А судьи кто?», – вправе возмутиться Гена. Мне интуитивно не нравились два момента. Гена, как и Иван Шамара, по своему телосложению был пухлым, что вызывало у меня при взгляде на них образ Мальчиша-Плохиша, со всеми вытекающими отсюда негативными ассоциациями, кроме того, он неискренне улыбался. После хромовых сапог на гражданских ногах пухлость персонажей (если это не было следствием болезни) и неискренность улыбок вызывали во мне устойчивое неприятие. Вторым моментом было то, что тот

и другой думали, кем они станут, когда истечёт срок их сегодняшних полномочий. Карьерные устремления тоже вызывали во мне некую насторожённость. Их прощали только военным и милиционерам, то есть тем, кому хромовые сапоги полагались по службе.

Я тогда ещё не читал Булгакова, но, откуда-то, совершенно точно знал, что никогда не надо ничего просить, особенно у тех, кто сильнее тебя. Работай с полной отдачей и в какой-то момент **они** придут и дадут тебе всё.

Они нуждаются в тебе больше, чем ты в них.

(Да, это верно, но есть один момент. Ты должен наряду с работоспособностью обладать ещё и талантом.)

После секретарства Геннадий Пантелеев был возвращён в аппарат горкома партии заведующим отделом пропаганды, потом стал 3-м секретарём, затем учился в ВПШ, дальше его следы для меня теряются. В отношении Гены у меня тоже нет претензии, скорее я отдаю дань его интеллектуальным и деловым способностям. Неискренность улыбки же можно отнести лично ко мне, поскольку я оказался не совсем таким заворгом, какого он желал, а непонятным котом в мешке.

Нет, всё нормально, выбрал профессию партийного работника, очень непростую, кстати, и время затратную. Вполне возможно, что другие соратники оценят его иначе, чем я, что меня только порадует.

Лёша Ценёв тоже стал партийным функционером, но для меня он с самого начала был **«свой»**. Алексей «дорос» до должности второго секретаря Тарского горкома, а успел ли достаточно потрудиться в этом качестве, не знаю. Партия «сдулась».

Но настоящей звездой на комсомольском небосклоне Тарского района была Люда Вандышева. Ярчайший человек, искренний, толковый, работающий. Глядя на неё, верилось, что всё, чем мы тут с утра до ночи занимаемся, не напрасно, а служит какой-то величественной цели, в суть которой она, единственная из нас, была посвящена. Это мы таскали тяжёлые камни, проклиная, порой, всё на свете, а Люда, нагруженная вдвое, втрое больше, строила свой заветный собор. Таких людей вооб-

ще мало, и я благодарен судьбе за встречу с ней. Заглаза её называли Лизой Разгуляевой, в честь учительницы из села Мартюшово, убитой кулаками во времена коллективизации, для увековечивания памяти которой Вандышева сделала много. Ни у кого не было сомнения, что живи Людка в то время, она кончила бы так же.

Сейчас я покажу вам фотографию. Она из той поры.

Здравствуй, Люда.

В 2018 году, в честь 100-летия со дня образования комсомола, местная газета взяла интервью у Людмилы Алексеевны Вандышевой. И она сказала:

– В ту пору молодёжь жила интересной и удивительной жизнью. Тарская комсомольская организация всегда была на хорошем счету. Был такой задор, такая закалка. Старались жить не столько для себя, сколько для людей. Только теперь, спустя

много лет, понимаешь, что комсомол был для нас не просто организацией, это была многогранная форма нашего бытия.

Мне нечего добавить к её словам. Люда знает об этом больше и лучше других.

Такие люди не делают больших карьер, они сгорают ещё там, на «передовой», но задают такую планку высоты, которая предостерегает других от простых решений, продиктованных сиюминутной выгодой, и вообще предостерегает, в качестве совести. *(Ей хорошо было, она с учениками работала. Самая благодарная и организованная часть молодёжи. Они взносы платили по 2 копейки).*

После секретарства Люда работала в аппарате горкома, наверное, инструктором, потом секретарём парткома «ОПХ им. Фрунзе», где мы с ней опять же могли бы встретиться, не затай я своего «комсомольского» эксперимента. В дальнейшем, по сведениям интернета, руководила Центром детского творчества в г. Таре. Умерла от инфаркта 5 июня 2021 года, на семидесятом году жизни.

Глава 4

«ГОСПОДИН, ПОМНИ О МАССАГЕТАХ»

Но вернёмся к моей жизни. Обстановка в доме накалялась. Наверное, многие мужья могут рассказать истории и страшнее, но мне хватает своей. Жена называла меня теперь только по фамилии, в речи её всё чаще стали проскакивать злобные выражения (она выросла в Сибири), и я явственно ощущал, что все её чувства ко мне спрессовываются в ненависть. *(Такой личный неприязнь она испытывала к потерпевшему, что кушать не могла.)*

– Это к тому образу жизни, который ты ей предложил, – прокомментировала Лида записи в тех, погибших потом, тетрадях, которые она внимательно прочла «с карандашом в руке». Однако это не помешало ей самой в куда более комфортных условиях той же жизни со мной, затеять бракоразводный процесс, поэтому я её словам не верю.

Я вообще сегодня настороженно отношусь к женщинам. Мелкие, злобные, вздорные, лживые, завистливые, поперечные существа. *(Похоже, что у него всё либидо закончилось, один холестерин остался.)* Мужики, они ведь простые и добрые по своей сути, если и обидят, то не со зла. Так получилось. У женщин в природе больше звериного, чем человеческого. Правда, говорят, будто проявлять эту их звериную сущность им помогаем именно мы, мужчины, а они, светлые, заботятся о продолжении рода, поэтому им позволительно делать всё, что заблагорассудится. Может и так, но не надо смотреть на все упрощённо. Была голубка и, вдруг, стала змея.

Была голубка, не спорю, но и змея в ней жила, ждала своего часа, свернувшись клубком на дне души. Да и голубка тоже сомнительный образ для выражения непорочной женской сущности. Вы видели, как голуби заклёвывают до смерти своих ослабевших товарищей?

Нельзя доверять им мир. Лучше он под их началом никогда не станет.

– Остановись, неразумный! – гласом с Олимпа восклицает Мир. – Ты на кого слово поднял, они ведь тебя растерзают и следа не оставят. Все знают о том, кто такие женщины, и то, что они тайно говорят друг о друге – истинная правда. Но, молчи, молчи, несчастный, этого не произносят вслух. Извинись сейчас же, может тебя и оставят в живых. О, боги, куда он свой нос сунул?!

– Не бойсь, Мир, не такой вода плавал. Я не самоубийца. Враг силен и злобен, но в его рядах нет единства. Брось Слово разъярённым фуриям, и они уничтожат друг друга за право называться самой доброй, самой кроткой, самой мудрой, самой заботливой, самой красивой. Что, думаешь, не бывает хороших женщин? Бывают, ещё как бывают. Матери, сестры, иногда дочери и все те, которых мы близко не знаем. Отдельным списком проходят Эммы. Их, вайберов, вообще трудно классифицировать, и они этим пользуются, создавая свои лживые мифы, опровергать которые никому не разрешают. Такой вой поднимут, что лучше с ними не связываться, себе дороже. У, спутницы жизни!

Ну как ты их рассортируешь, если она одному жена, другому мать, третьему сестра, четвёртому дочь, пятому любовница, шестому бабушка?

Самое тяжёлое для меня – писать о своей тогдашней семейной жизни. Меня просто выворачивает наизнанку, когда я о ней думаю. Пытаюсь вспомнить хотя бы пару светлых дней подряд без надрыва, и не могу. Только когда дети рождались. Уже больше месяца бьюсь над этими страницами и не могу сдвинуться с места. Мозг защищается и не хочет воспалённый бред сумасшедшего переводить на человеческий язык. А надо. Иначе грош цена будет моей книге.

Мои попытки объяснить сложившуюся ситуацию спецификой работы вызывали лишь встречный поток слов. Красивая соседка, знавшая изнанку чиновничьей жизни не понаслышке, жалела нас и всегда соглашалась побыть с Димкой, чтобы Таня могла сходить в магазин или ещё куда надо. Она приветливо мне улыбалась, подбадривала, но однажды я заметил, что

улыбка сошла с её лица и взгляд стал подозрительным, хотя я никаким боком перед ней не провинился. Это спутница моя приступила к своему излюбленному в дальнейшем занятию – оговору.

Свою часть семейных обязанностей я исполнял. Зарабатывал деньги, покупал еду, приносил воду из колонки, растапливал печь, стирал пелёнки, по ночам караулил Димку и качал кроватку.

Не буду утверждать точно, что один из этих барачков был местом нашего проживания в славном городе Таре, но сам тип домов очень похож.

Много разных неприятных моментов случалось. Жили так, что и врагу не пожелаешь.

– Ну так развелись бы, – слышу я голос Мира.

– Ты что, совсем уже очумел? Там ведь ребёнок мой, как я их мог бросить? Как потом людям в глаза бы смотрел?

– Но ведь разошлись же? Пять лет ещё промучились, кому от этого лучше стало?

– Ты прав, никому, но ситуация сложилась иная. Она сама задумала расстаться. Слава Богу, у меня хватило ума не переубедить её и особо не препятствовать.

– А чего она от тебя вообще хотела, там, в Таре?

– Знаешь, Мир, чужая душа – потёмки, а душа женщины, которая не любит своего мужа, это вообще мрак. Наверное, она хотела всё и сразу, а спроси, чего именно, не смогла бы ответить.

– Ну, нах..., нах..., Дарвин обезьян изучал? Надо было баб изучать, хоть знали бы чего от них ожидать, – в сердцах вскричал, обращаясь ко мне, степенный хозяйственный мужик Коля Швеглер, буквально ни за что получивший скандал от своей миниатюрной жены. *(Это они для профилактики делают, чтобы мужики страха не теряли и жизнь им мёдом не казалась, ну и перед другими бабами свою крутость показать, по-выделяться.)*

Мне кажется, она хотела иметь через меня благоустроенную квартиру, причём, желательно, новую, чтобы не возиться с ремонтом. Мысль о разводе, несомненно, посещала её, даже если она её и отгоняла, и одной с сыном ей хотелось остаться в приличной квартире, в которой не надо было заботиться ни о воде, ни о дровах. Не буду этого утверждать категорично, но женщины, желающие сохранить семью, не ведут себя так, как вела себя она. *(Не надо искать во всём злой умысел, иногда причиной является самая обыкновенная дурость, а поговорить по-человечески, по-доброму, не могут, злоба их душит.)*

Ещё она хотела, чтобы я ей беспрекословно подчинялся. Как та дрессированная собака. *(А это вы умоетесь!)* Ты меня, Мир, знаешь, я человек лояльный, и, если ко мне с добром и по понятиям, я горы могу своротить. Но, чтобы по понятиям, чтобы светлое человеческое начало присутствовало. А его, этого светлого начала, как раз и не наблюдалось. Вместо него была белёсая муть, которая клубилась вокруг меня, и я блуждал в ней, натываясь то на острый угол мебельной стенки, которую уже,

как явствовало из полученного ею от однокурсницы письма, купил для своей жены Гена Руль, то на вывеску санатория, то на бампер машины. Мне не нравилось быть собакой, которой дали команду «Ищи!», я хотел руководствоваться своими приоритетами. Что, думаешь я против материальных благ? Нет, конечно, но **сначала дело.** *(Ведь врёт же всё, гад, следы путает. Знаем мы его «материальные блага». Накупил бы книг на все деньги, расставил по полкам вдоль стен и радовался, как дурачок. Таким тоже волю давать нельзя, построже надо.)*

Ну ведь можно было жить! Временные трудности, да и какие трудности то? Жизнь обычная. Перед моими глазами вставали картины детства: переезд, землянка, крысы, болезнь, сугроб снега перед кроватью, скандал при вселении в дом, вечное отсутствие работающего в бригаде отца. И бесконечные хлопоты нашей терпеливой матери, которая ни разу не упрекнула своего мужа в отсутствии. Нет дома, значит зарабатывает деньги.

В голове не сходились концы с концами, я недоумевал, но и представить не мог, что всё запутается ещё больше.

– Иди, и добивайся квартиры, – это была её дежурная фраза по утрам.

– Был, спрашивал, сказали, что сейчас, зимой, никакой возможности нет, вот весной ПМК дом сдаст, будет движение.

Я не ходил и не добивался, мне было стыдно просить, хотя после очередного скандала я и был близок к капитуляции.

Горком комсомола располагался в здании горкома партии. Естественно, люди встречались, здоровались. Несколько раз я ловил на себе доброжелательно-испытующий взгляд Гудкова, но ни разу не обратился к нему со своей просьбой.

– Молодец, Виктор, выдержал, – сказал Юрий Порфирьевич при очередной встрече в коридоре здания. На этой неделе состоится заседание жилищной комиссии горисполкома. Будет вам квартира.

– Вот смотри, Мир, я ему ни разу про это не говорил, а он всё знал и ко мне приглядывался.

– Ну, значит, толковый руководитель. Есть такие, что всю картину сразу целиком видят.

В новом доме квартиры нам не досталось. Да и не могло достаться, иначе это было бы несправедливо по отношению к другим людям, которые работали давно и довольствовались худшими условиями жизни. Не всё сразу. Вот ты мне что хочешь говори про Советский Союз, но я знаю, что он по сути своей был справедливым.

Не велика птица – заворг горкома комсомола. Сказали идите, смотрите своё новое жильё. Мы пошли. Квартира, как квартира, однокомнатная в «хрущёвке», но зато в центре. Рядом с работой, все удобства: и ванна, и туалет, и отопление. Маловата, конечно, но до нас там семья с двумя детьми жила, умещались же как-то.

Жена на дыбы: – Не пойду я сюда жить, пусть лучшую дают.

А мне, если наперекор, я за словом в карман не лезу:

– Тебе вообще никакую не дают, ты ещё не работаешь.

И я только пять месяцев, большего мы не заслужили. Будем трудиться, будут и другие квартиры, не век тут жить.

Взвилась она ласточкой и полетела в кабинет Первого секретаря.

– А мы вас не знаем, уважаемая. Мы знаем вашего мужа и даём ему пока эту квартиру. Будет работать дальше, будут у вас и другие варианты.

– Не пойду я туда жить, хоть вы меня убейте.

Уткнулись мы в задницу жизни. Затаила она на меня злобу ещё сильнее, хотя, казалось, куда ещё больше. Но нет предела совершенству.

Здесь самое время сказать, что стал я уже, как и прежде, жаловаться на Носков, тяготиться своей работой. Заскучал я. Не каждый получает удовольствие в штабе работать, хоть и осознаёт всю важность этой деятельности, кого-то тянет и на передовую. Надоело мне собирать сведения из организаций, обрабатывать их и посылать в обком. Если бы тыл мой был надёжным, я бы перетерпел, в комсомоле ротация кадров не годами измеряется, а месяцами. Получил бы новую должность, а с ней новые заботы, куда бы и скука делась, но не суждено было.

Разрулил ситуацию случай. В колхозе им. Свердлова секретарём парткома был избран (назначен?) главный агроном хозяйства и образовалась вакансия. Не помню уже сейчас точно, сам ли я туда попросился или мне эту должность предложили, но этот вариант устроил всех, или почти всех. Гена недолюбливал меня за излишнюю, не по чину, независимость, так что расставание было без слёз. Отпадал квартирный вопрос. Меня поощряли и одновременно наказывали за то, что я не могу держать в руках свою бабу. Сам я был полон энтузиазма. Перспектива нового дела бодрила. Оставалась жена, и её реакция на переезд меня волновала. Не на сам переезд, а именно туда, в Егоровку. Дело в том, что она, в отличие от меня, в этом колхозе уже однажды побывала. И было это пять лет назад. *(Автор не хочет вдаваться в подробности этого события и оставляет за собой право умалчивания.)* К моему удивлению, она не стала возражать, видимо, решив, что это будет уже перебором.

Но, напоследок, прощаясь с Тарой, оглянувшись дружелюбно на здание Горкома партии и спрошу сам себя беспристрастно, а что я, собственно, видел на той работе? А видел я, друзья мои, множество замечательных людей, живущих в том краю. Это было то самое «быдло», как его сегодня, сходя с ума от безнаказанности, самовлюблённо величают некоторые записные сатирики с «Эха Москвы», которые сами больше напоминают бешеных собак со стекающей с клыков ядовитой слюной. Хорошо ещё, что Венедиктов адекватен и держит равновесие.

Нет, Мир, ты только подумай. Ненавидишь власть и кусаешь её по любому *(любому, Карл, поводу, хорошему или плохому)* – ты молодец, орёл. Судись объективно, относишься с пониманием к проблемам и трудностям, помогаешь их решать, трудишься – ты быдло. И орут ведь только потому, что им не дают порулить. Так давали же. Обделались до не могу. Бандитизм пропустили, который оказался сильнее их власти. Я вспоминаю город Тобольск 1997 года (шесть лет демократии), стену пятиэтажного дома, на которой альпинистами прижалась к штукатурке дюжина молодых серых крысят, ползущих к открытым форточкам окон. И сегодняшний Тобольск – жемчужину в «ко-

роне Сибири». На смену демагогам пришли люди, умеющие работать, или вернули старых, но пришла воля, пришли средства, и страна вышла из маразма. Коррупция? Следствие преступной приватизации, когда основная масса людей по действиям тех же демократов была элементарно ограблена и все богатства перешли в руки кучки олигархов и проворных «новых» русских капиталом поменьше.

– Говорят, они хорошо разбирались в цифрах.

– За цифрами, Мир, нужно уметь видеть живых людей, только тогда они будут верными. Счетоводы, мать их за ногу. Завоеватели относились к побежденным гуманнее, чем либеральные демократы к народу своей страны. Ломать – не строить. Слепые с топором в посудной лавке. Бездарно калечили судьбы миллионов людей. Что люди? Навоз истории, на котором должен произрасти капитализм. Произрос. Ну и что? Веселее стало жить? Прав Путин, что держит олигархов при себе, в друзьях, на коротком поводке и когда нужны деньги для государственных нужд, предлагает раскошелиться. Делиться надо. А те, кто этих правил не хотели соблюдать и возомнили себя финансовыми гениями, забыв, что получили основные средства производства за копейки, тех уже нет, или они далече.

У нас нет богатых людей, у нас есть люди, назначенные быть богатыми. И они знают об этом.

Правительство не обязано заглядывать каждому мудаку в зубы, его главная задача обеспечить приемлемую жизнь и функционирование хозяйства на огромной территории. Учить, лечить, защищать. Критиковать просто, для некоторых ещё и выгодно в материальном плане, а предложи им практическую работу, они ведь не пойдут, потому что тут же из разряда критиков перейдут в разряд критикуемых. Оно им надо? Как говорил один президент США, если я утром пройду по водам Потомака как посуху, вечером все газеты напишут, что их президент не умеет плавать.

Была **идея** – были **люди**, а когда на её место поставили **деньги**, т.е. капитализм, к которому они сами так рьяно призывали, человеки у них, вдруг, куда-то исчезли. Не зди, Шендеро-

вич, люди всегда останутся людьми, как бы их судьба ни трепала. Даже если они не ходят на митинги протеста. Как там у Пелевина?

– Вы присутствуете на разгоне несанкционированного митинга в Москве. К вам обращается находящийся там же депутат Европарламента с просьбой прокомментировать ограничение вашей свободы, свидетелем которой он стал. У вас возникает следующий ответ на сущностном уровне:

– Мою, блять, свободу ограничивают не мусора, которые раз в месяц приезжают сюда, чтобы перед десятью телекамерами свинтить на два часа трёх евреев и одного гомосека, которые с этого живут, а как раз ваш ё... Европарламент... (ну и так далее, кому интересно, найдите «Зенитные кодексы Аль-Эфесби» и почитайте, получите массу удовольствия.)

А чтобы вы поняли, что такое сущностный уровень, сошлюсь на его книгу ещё раз:

– Любой дипломатический или публицистический дискурс всегда имеет два уровня:

1) *внешний, формально-фактологический (геополитический),*

2) *«сущностный» – реальное энергетическое наполнение дискурса, метатекст. («Дебилы, бля...», – как проговорился Лавров.)*

Манипуляции с фактами служат просто внешним оформлением энергетической сути каждого высказывания. Представьте, например, что прибалтийский дипломат говорит вам на посольском приёме:

– Сталин, в широкой исторической перспективе, – это то же самое, что Гитлер, а СССР – то же самое, что фашистская Германия, только с азиатским оттенком. А Россия, как юридический преемник СССР – это фашистская Германия сегодня.

На сущностно-энергетическом уровне эта фраза имеет приблизительно такую проекцию: – «Ванька, встань раком. Я на тебе верхом въеду в Европу, а ты будешь чистить мне ботинки за десять евроцентов в день».

На этом же уровне ответ, разумеется, таков: – «Соси, чмо болотное, тогда я налью тебе нефти – а если будешь хорошо сосать, может быть, куплю у тебя немного шпрот. А за то, что у вас был свой легион СС, еврейцы ещё сто лет будут иметь вас в сраку, и так вам и надо».

Но на геополитический уровень сущностный ответ проецируется так: – «Извините, но это довольно примитивная концепция. Советский Союз в годы Второй мировой войны вынес на себе главную тяжесть борьбы с нацизмом, а в настоящее время Россия является важнейшим экономическим партнёром объединённой Европы. И любая попытка поставить под вопрос освободительную миссию Красной Армии – это преступное бесстыдство, такое же отвратительное, как отрицание Холокоста».

Глава 5

ЕГОРОВКА

27 апреля 1978 года я был освобождён от своей комсомольской должности, а 29 решением правления колхоза им. Свердлова принят на работу главным агрономом хозяйства. Накануне, то есть 28, было совещание в райисполкоме (в Тарском районе был один Горком партии, но два исполкома, городской и районный), и на этом совещании присутствовали председатель колхоза и председатель сельсовета из Егоровки. Мы встретились, познакомились и мужики решили, что до села я доберусь с председателем сельсовета и переночую у него, а у Копотилова в Таре дела и он приедет завтра.

Уже смеркалось, когда мы с сельсоветчиком подошли к площадке, на которой среди других различных транспортных средств нас ожидал синий МТЗ-50 с красной тракторной тележкой, укрытой до половины натянутым на деревянный каркас брезентовым тентом, дно которой устилал толстый слой соломы. Десяток человек, мужчин и женщин, с укором накинулись на председателя:

– Ну сколько можно ждать?

А поскольку тот не счёл нужным на этот вопрос отвечать (государственное дело), то ропот сразу затих и все полезли в кузов занимать мягкие места.

– Наш новый главный агроном, – представил меня председатель. Посмотрели с интересом, но расспросами допекать не стали.

Татарин уже утонул (примета местная такая), поэтому через Иртыш переправлялись на пароме, там, за Екатериновкой. Могучая река, очередь, терпеливые, привыкшие ко всему люди. Возле воды было холодно, подступающая ночь грозила заморозком. Я был одет по-весеннему легкомысленно, поэтому вскорости совсем продрог на пронизывающем ветру.

Наши попутчики разделились. Кто-то в ожидании парома лежал в соломе, кто-то беседовал со знакомыми из других те-

лег и машин. Мы с председателем стояли немного в отдалении и разговаривали. К нам подошёл невысокий седой мужчина в дорожном брезентовом плаще с капюшоном, протянул мне руку и, представившись бывшим учителем школы, сказал:

– Это замечательно, что вы к нам едете. Интеллигентные люди на селе очень нужны. Я вижу, вы совсем замёрзли. Вот, возьмите, согрейтесь.

С этими словами он полез в свою сумку и достал из неё початую бутылку вина и стакан. Налил мне, потом председателю, остатки себе. Таясь, чтобы не видели окружающие, прикрываясь друг другом, мы по очереди выпили. Пустую бутылку учитель положил обратно в сумку:

– Нельзя где попало разбрасывать стекло.

Причалил паром. Переплыли реку. Поехали. Посреди мощной просеки, рассекавшей подступающий с обеих сторон лес, лежала широкая грунтовая дорога с зарастающими кустарником и наполненными талой водой кюветами. Полотно представляло собой слой тёмной грязи, перемежающийся колеями. После оттаивания земли и болот, подъёма грунтовых, и стока талых вод ожидать иной картины было бы просто наивно. Происходило то, что должно было происходить.

Отсыпать и укреплять полотно было нечем. В Казахстане был щебень, с помощью которого решалась проблема внутрирайонных дорог, была дресва, по крайней мере по высоким грейдерам можно было проехать на любом транспорте в любое время года и в любой дождь. Зимой, конечно, в бураны и их переметало, но на то и бульдозеры в хозяйстве держались.

Привозного гравия и ресурсов асфальтовых заводов Омской области с трудом хватало только на поддержание в более или менее, (*скорее, менее*), приличном состоянии межобластных и межрайонных трасс, остальные селяне должны были жить в гармонии с природой.

Расстояние от Тары до Егоровки 65 километров. Телегу мотало из стороны в сторону. Встречного транспорта практически не было. Основное препятствие ожидало возле Бобровки, где дорога резко поднималась в гору.

Это снимок зимней дороги на Егоровку, недалеко от въезда в село.

А это дорога на Юрьевку весной.

На неё действительно можно было забраться только на тракторе или вездеходе.

До села добрались около десяти часов вечера. Часть пассажиров, в том числе и учитель, слезли в Курляно-Дубовке и Юрьевке. Тракторист дождался, пока освободят его телегу, и покати́л на ферму за свежей соломой. Завтра ему предстоял тот же маршрут.

Подморозило, и небо вызвездило. В какой-то нереальной тишине, нарушаемой лишь нашими шагами, мы ступали с председателем по этим звёздам, отражённым грязью улицы. Что-то непонятное, волнующее происходило со мной в эти минуты, но я не мог понять, что? Грязь под звёздами? Да, это красиво, но не новость для меня. Не слышно лая собак? А может они тут все охотничьи и зря не брешут. Потом неожиданно сообразил, что мне не хватает воздуха. Я дышал полной грудью и не мог надышаться. Это было восхитительно, явственно ощущать чистоту воздуха. На десятки километров кругом простирались леса.

Через несколько дней это ощущение прошло, оставив лишь добрую память, коей я сейчас и делюсь с вами.

Дом председателя ничем не отличался от соседних домов, такой же пятистенок. Сам он из учителей, избран на должность недавно, по национальности немец, женат, пятеро детей дошкольного и школьного возраста. Спокойный, рассудительный, скромный. Жена, уложив детей, ждала мужа. Увидев гостя, тут же пошла на кухню и, пока мы раздевались, быстро приготовила ужин – яичницу с салом, хлеб, молоко.

Хозяйка переложила детей в спальне и постелила мне на железной кровати с сеткой. Рядом, вдоль стен, стояли точно такие же кровати и на них сладко сопели ребяташки.

Я до сих пор по-хорошему удивляюсь неприязнительности быта сибирских деревень той поры. Ничего лишнего. Каждая вещь исполняет свою функцию и её ценность заключается именно в этом исполнении. Простота. И в то же время красота, дизайн, выверенный веками. Вполне возможно, что я ошибаюсь, но, мне кажется, всё зависит от материала, из которого построен

дом. Буду говорить лишь о том, что видел своими глазами. Множество людей куда компетентнее меня в этом вопросе, но я за годы жизни выработал в себе умение мысленно собирать материалы о самых разнообразных сферах человеческой жизни, анализировать их и делать выводы, порой неожиданные. «В мировом масштабе», – как говорил Петька.

В Куспеке только дома первых поселенцев были построены из дерева, и слово «дерево» в данном случае означает породы хвойных деревьев, и, за малым исключением, именно сосну. Потом строевой лес закончился и дома начали строить из всего, что можно было для этой цели приспособить: самана, кирпича, камня, шлакоблоков, осины, поставленной вертикально. Стены насыпали землёй, рыли землянки, позже, во времена Никиты Сергеевича, появились сборно-щитовые конструкции, так называемые «финские домики», в общем, кто во что горазд.

Совсем не то в Сибири, тем более Сибири лесной, таёжной. Там дома почти 100% строились из дерева, и это искусство передавалось из поколения в поколение. Вот дом. Это сруб, где сосновые брёвна укладываются друг на друга, перемежаясь моховой прокладкой. Пол – это, чаще всего, толстые широкие лиственничные плахи, грубовато уложенные. Порой не закрывались и фронтоны чердака, в тайге нет буранов, снег падает вертикально.

Дом дышит. И это дыхание должно происходить в такт с дыханием людей, которые в нём живут. Или вы дышите вместе, или кто-то из вас дышать перестаёт, и это одинаково относится как к дому, так и к людям.

Я думаю, что сибирский быт и сибирский дизайн тех лет брали своё начало от формы внутренних стен дома. Они, если не пытаться их спрямить специально, выглядят точно так же, как и наружные. Их белили извёсткой. Шиком считалось подсинить её. Видел и небелёные стены. Они вначале золотистые, а с годами тёмные. Коврики с оленями и богатырями над железными или самодельными деревянными кроватями. Железные – это уже современность, мягче спать. Полатей не встречал. Мебель простая, но крепкая, изготовленная местными мастерами. Сто-

лы, стулья, лавки, табуреты, комоды, кухонные и платяные шкафы. Покрашенные краской или подморённые. Всё просто, без излишеств.

– А где же твоя заявленная красота и выверенный веками дизайн?

– Красота, Мир, на мой взгляд, и крылась в этой самой простоте. А если говорить о дизайне, то вот его приметы. С волнообразностью стен контрастировала прямолинейность домотканых половиков, с их сине-бело-красной жизнерадостно перемежающейся палитрой, покрывавших всё свободное пространство пола. Вышитые занавески на окнах, ажурные салфетки, горки подушек, накидки. Комнатные цветы, тот же клятый фикус, например. Настольные часы или «кукушка» на кухне. Телевизор на комод, под накидкой, не в каменном веке жили. Многого зависело от аккуратности хозяев, и кто как красоту понимал. Вот для меня, например, красота – это книги, много книг, которые стоят в моей комнате на открытых полках, пылятся, конечно, но я протираю их периодически и не хочу прятать за стекло. Они в моём понимании живые, и мы открыто смотрим в глаза друг другу. Чтобы им было приятно, я постелил в своей комнате на паркет домотканый немецкий половик и увидел, что они оценили этот жест. Когда я по утрам с ними здороваюсь, они приветливо улыбаются, а Антуан де Сент-Экзюпери, как военный (он в пилотке) и правофланговый, выражает общее пожелание: – «Доброе утро, месье, желаем вам удачного дня».

Если не хочешь выглядеть снобом в глазах других, должен всегда руководствоваться одним верным правилом. Никогда не судить безапелляционно о том, чего не знаешь, не видел своими глазами, и не пережил сам. И вообще, меньше судить. Но это правило применимо только к людям и неприменимо к паразитам, которых надо носком ботинка брезгливо подвигать обратно к щели от которой они, вдруг, заткнув уши наушниками плеера, опрометчиво решили отдалиться, подумав, что и они такие же, как все, раз государство их содержит. Если вас из деликатности сразу не пнули ногой в зад, это не значит, что можно ползать там, где захочется. В другой раз пнут обязательно. От

угла до угла короткими перебежками! (*Паразит – он ведь только кажется безобидным, на самом деле рядом с ним умирают люди, за счёт которых он живёт.*)

Есть место, есть время, есть человек и есть люди, которые его окружают. Сам по себе человек мал – и перед местом, и перед временем, и перед людьми, с которыми ему пришлось встретиться.

В моей памяти Егоровка – это что-то особенное, как Беловодье для старообрядцев. Только те искали да не нашли, а я не искал, да оно само в душу влезло. По правде судить, где та Егоровка и где то Беловодье, но, если она во сне соединяется с Новосветловкой, то и правда, что-то волшебное рождается.

– Так, остановись, замри! Ты написал слово «сон». Мне думается, есть смысл посвятить этой теме отдельную главу. И именно сейчас, не откладывая на потом. «Потом» может и не быть. Помрёшь ненароком от какого-нибудь коронавируса и пропадёт, считай уже готовый, материал. Обидно будет. Я знаю, что одной главы для этой темы мало, но, хоть штрихами, а будешь дальше жить, тогда уже подробнее расскажешь.

– Да я и сам про это думал, не чужая, ведь, тема – своя.

– Ну вот и ладненько, – радуется Мир.

Глава 6

ЛОВЕЦ СНОВИДЕНИЙ (теория)

Я прожил три жизни. Первая, которая уже закончилась, осталась в СССР. Вторая проходит сейчас в Германии, а третья – во сне. Если мне суждено закончить свою «Броуниаду», то она станет памятником им обоим: и почившему в Лете Союзу и моей первой жизни. Следующую книгу, которая теоретически возможна, я, не мудрствуя лукаво, назову «**Вторая жизнь**». Третья жизнь тоже заслуживает отдельного пересказа и материала достаточно, но это потом, потом. (*Когда потом?*) Сейчас только выжимки.

«Приснилось как-то одному человеку, что он бабочка. Ощущение было настолько сильным и убедительным, что, проснувшись, он засомневался, был ли это сон. Может он бабочка, которой снится, что она человек?». Лао-цзы. (6 век до н. эры)

Сны я вижу практически каждую ночь и наутро, при желании, часть их могу вспомнить и более-менее связно пересказать. Осознание обладания этим качеством подтолкнуло меня к мысли исследовать природу своих снов и выяснить, какие именно факторы определяют их содержание. Ведь наряду со спокойными, добрыми снами существуют и кошмары. Почему это происходит?

Некоторую пикантность, а отсюда и определённую научную ценность моим исследованиям придаёт тот факт, что я пытаюсь найти прямую связь между количеством выпитого вина и последующими сновидениями.

Период исследования охватывает время с 1 февраля по 26 сентября 2005 года, затем два осенних месяца 2008 года и, наконец, зиму 2011.

Моё эмоциональное состояние в эти дни оставалось достаточно стабильным – обычная жизнь прифронтового города, поэтому в расчёт я его особо не принимаю и определяю как константу, а это значит, что на первый план выходят в основном физиологические факторы. Я пытался быть предельно откры-

венным и точным в описаниях, что делает мне честь, но не делает краше.

Конечно, я искал в различных источниках рассуждения о феномене сна. Вкратце теория выглядит следующим образом.

Сны видят все, даже слепые и глухие, по мере их возможностей. Лишь немногие говорят, что никогда не видят снов. Однако большинство людей лишь с трудом могут вспомнить сон более или менее подробно. На способность запоминать сны негативно влияют определённые лекарства, алкоголь и наркотики. *(Это какие откровения он бы нам поведал, если бы ложился в постель трезвым?)*

Сны длятся от пяти до сорока пяти минут. Обычно они не открывают нам ничего нового, а говорят о том, что мы так или иначе знаем. Осознанное сновидение представляет собой такой сон, во время которого спящий осознаёт, что он спит. Некоторые даже могут, *и я в том числе*, влиять на ход такого сновидения и совершают в нём действия по своему желанию, например, уменьшаются в размерах или летают. **Осознанное сновидение – восхитительный процесс.**

Отмечено, что сновидения становятся более интенсивными у недавно разведённых или собирающихся развестись людей, у потерявших работу или заболевших. Это подтверждает тесную связь между эмоциями и сновидениями.

Научные исследования свидетельствуют о том, что мы очень неэффективно используем свой мозг – всего на 20% его возможностей. Ясно также, что многим творческим озарениям был дан толчок во сне. «Утро вечера мудрёнее» – все мы не раз слышали эту поговорку. Во сне мы пребываем в расслабленном состоянии, а поэтому обретаем способность прибегать к различным способам мышления, шоры спадают с наших глаз, мы начинаем видеть вещи с различных точек зрения.

Спящий ум сортирует и обрабатывает разнообразные дневные ощущения и задачи и пытается найти решения. Независимо от характера вашей проблемы, творческого или практического, если вы, перед тем как лечь спать, сосредоточитесь на ней, то вам будет легче найти ответ во сне.

Лауреат Нобелевской премии физиолог Альберт Сент-Дьерди (1893-1986), который нередко черпал вдохновение в снах, сказал: «Моя работа не заканчивается, когда я вечером покидаю свой рабочий стол. Я постоянно думаю над моими проблемами, и мой мозг продолжает работу, когда я сплю, потому что просыпаюсь я... с ответами на те вопросы, которые не давали мне покоя».

О том же говорят и Д.И. Менделеев, «Периодическая таблица элементов» которого окончательно сформировалась во сне, и немец Фридрих Кекуле (1829-1896), гений органической химии.

За то, что одежда выпускается теперь промышленным способом, мы тоже должны быть благодарны сновидениям. Элиас Хауи (1819-1867), изобретатель современной швейной машины, отчаянно искал такую конструкцию иглы, которая могла бы эффективно захватывать нить с катушки. Долго он не мог найти надлежащего решения, но вот ему приснился сон, в котором на него напали дикари с пиками, на наконечниках которых были отверстия. Он этот момент отметил и применил его для решения своей проблемы. Переместив отверстие в иголке к заострённому кончику, он смог создать первую действующую швейную машину.

Один из величайших изобретателей Томас Эдисон (1847-1931) считал, что идеи приходят из космоса и когда у него возникали трудности, ложился на кровать в своей мастерской и сосредоточивался на стоящей перед ним проблеме. Потом он засыпал, а просыпался зачастую уже на подступах к решению.

Мелодия лучшего хита 20 века, песни «Yestredya» пришла Полу Маккартни во сне. Сновидения вызвали к жизни многие произведения Рихарда Вагнера, а также рождественскую песню «Тихая ночь».

Известные произведения мировой литературы были написаны по вдохновению, полученному во сне. Кто знает, в какой степени оно в них присутствует? Но можно с уверенностью назвать имена Льюиса Кэрролла, Мэри Шелли, Роберта Льюиса Стивенсона.

Творческое воображение человека не знает границ, но не каждому из нас дано натолкнуться во сне на судьбоносное открытие или создать шедевр. Сновидение может действовать только в рамках опыта конкретного человека и на основании того материала, которым он владеет. И тем не менее, в сновидениях может быть скрыто и нечто большее. Вероятно, сновидения перекидывают мостик от известного к неизвестному, опираясь при этом на незадействованные возможности мозга – его стремление к мудрости, творчеству, изобретательству.

(Наш уважаемый автор в горячке может заявить вам, что и его «Броуниада» навеяна снами. В этом, безусловно, есть какая-то доля правды, но, с большим основанием можно утверждать, что всё происходило с точностью до наоборот: это книга определяла лад его снов. Да, она создавалась ночью, но только не во сне, а в периоды бодрствования, которые длились обычно 2-3 часа после полуночи. В субботу и воскресенье итоги недельных бдений только переносились на бумагу или печатались в компьютере. Естественно, эти размышления потом оказывали влияние на увиденное во сне. Но никаких особых откровений за эти годы автор из снов не почерпнул, хотя, надо отдать ему должное, внутри них работает очень активно. Ту мелодию, что мы ему наигрывали, слушал внимательно, но воспроизвести утром не смог, и человечество потеряло шедевр, слушая который, Пол Маккартни заплакал бы от зависти. Во сне много пишет, и прозу, и стихи. Очень хорошие, кстати. Его можно образно сравнить с мастерами Медной горы Хозяйки. Но из той величественной поэмы, что мы с гордостью предъявили начальству в качестве доказательства, что не зря просиживаем свои беспольные задницы, а по-настоящему работаем с доверенными нам людьми, он запомнил только две строчки:

*Когда развяжется вместиимость
И воды выйдут из нутра...*

Теперь вот гадает, что это, описание момента рождения или смерти?)

Для правильного понимания сновидения необходимо знать личные обстоятельства человека – его характер, профессию и настроение, в котором он пребывал, когда увидел этот сон.

Индуисты считают, что человек видит сны, когда его душа покидает тело и путешествует по другим мирам.

Зигмунд Фрейд (1856-1939), один из основателей психоанализа, (вторым был Карл Юнг (1875-1961), анализировал сновидения, как собственные, так и его пациентов. Он выявил важные структуры снов и по ним определял, что мешает больным выйти из своих неврозов.

Он считал, что каждый сон – это желание, как правило, имеющее сексуальную подоплёку. Ещё он полагал, что, поскольку, сексуальные желания и фантазии приходится подавлять, вытеснять из сознания, они проявляются в виде сновидений. Впоследствии Фрейд признал, что подспудный материал сна может быть также связан с чувством вины или с агрессией.

Узость подхода Фрейда к толкованию снов стала одной из причин, в силу которых Карл Юнг отмежевался от круга его последователей. Он утверждал, что толкования Фрейдом его (Юнга) снов оказались настолько неадекватными, что он решил разработать собственную теорию.

Это привело его к исследованию того, что он назвал «процессом индивидуализации», подразумевая **путешествие человека к своему «Я»**.

В ходе этой работы Юнг исследовал около 80000 снов и пришёл к выводу, что в течении человеческой жизни сновидения изменяются в соответствии с изменением личности, её взрослением. Он считал, что о переходных моментах в жизни человека свидетельствует появление в снах **архетипов** (узнаваемых символов).

Юнг полагал, что современный человек много потерял, когда отказался от первобытной веры в символы, мифы и легенды, но что остатки этих «природных» творческих направляющих сил по-прежнему остаются доступными для нас благодаря символике снов.

Возможно, наиболее полезной современному человеку идеей Юнга является его идея о «**тени**» – тёмной стороне человека, которая может проявлять себя в сновидениях как угрожающая или деструктивная сила. Он полагал, что, если человек не признаёт существования тени, это может привести к разрушению его личности.

Говоря об отличиях своего подхода от фрейдовского, Юнг подчёркивал, что Фрейда интересовали определения комплексов (подавленные чувства или мысли, ведущие к ненормальным умственным состояниям или поведению), тогда как он, Юнг, хотел узнать, что душа (разум) делает с этими комплексами.

Пока наш сознательный разум отдыхает, остальным частям разума предоставлена свобода. Вот в этих-то частях и формируются сновидения. Когда мы спим, наши заботы и желания не исчезают. Напротив, важные чувства и мысли начинают прорываться на поверхность. Самые разные образы и воспоминания о важных для нашей жизни людях и местах, а также какие-то бытовые подробности пережитого в минувший день сплетаются в замечательный ковёр, и плетение это есть продукт нашей эмоциональной и креативной сути.

Во сне, когда окружающий мир исчезает, с нами могут начать беседу наши подспудные тайны и повести нас в самое трудное путешествие... Сновидения подобны зеркалам, в которых мы видим самих себя. Они отражают наше скрытое «Я», обнажая истинное лицо нашей природы.

В снах мы видим секреты, красоту и ужасы нашего внутреннего мира. Посредством снов мы можем узнать эту неизведанную и в то же время знакомую землю. А когда мы просыпаемся, наши сны могут стать дверью, сквозь которую мы можем вернуться в наш внутренний мир – в ландшафт души.

В заключение теоретической части добавлю ещё, что по исследованиям учёных Гейдельбергского университета власть над нашими сновидениями имеют и запахи, которые мы вдыхаем во время ночного сна. Так что, по возможности, спать надо с открытым окном. Особенно весной, летом и осенью.

Всю свою работу я озаглавил фразой великого русского физиолога Ильи Михайловича Сеченова «**Сновидения – невероятные комбинации бывалых впечатлений**», которая на мой взгляд наиболее полно выражает её суть. Сеченов считал, что все акты сознательной и бессознательной жизни являются рефлекторными и в основе сложных психических явлений лежат физиологические процессы, которые могут быть изучены объективными физиологическими методами.

В следующей главе я познакомлю вас лишь с очень малой частью своих записей, только чтобы показать, как это выглядит.

Глава7

ЛОВЕЦ СНОВИДЕНИЙ (практика)

Кажется, я начинаю понимать, из чего складываются сновидения.

Во-первых, из внутренних раздражителей: «тяжёлый» желудок, позыв к мочеиспусканию, болезнь, конфликты на работе, беспокойство о чём-либо.

Во-вторых, из внешних раздражителей: шумы, свет, комары, чистота воздуха, температура в помещении, мягкость матраца и т.д.

В-третьих, из мыслей, промелькнувших неожиданно в течение дня, хотя они могут быть и более ранними, недельной давности.

Сначала снится первый сон, его, как правило, к утру забываешь. Но где-то около трёх часов ночи начинаетниться другой, который идёт с продолжением. То есть ты можешь проснуться или повернуться, сон пропадёт на какое-то время, но затем опять продолжится, с тем же сюжетом.

То, что отовсюду выглядывают физиологические «уши» ясно настолько, что не нужно даже к бабке ходить. Выпил за вечер литр вина, поужинал с аппетитом, особенно если это мясо или грибы, вот тебе и «тяжёлый» желудок. Правда, народная мудрость гласит, что на полный желудок спится лучше, чем на пустой, да кто её, эту мудрость сегодня почитает? Сегодня одна забота – как бы похудеть или, в крайнем случае, не поправиться.

Если в сновидении появляется образ воды и её становится всё больше вокруг, это явный сигнал того, что сейчас ты проснёшься и поплетёшься в туалет, чтобы отлить. Нормальная физиология. Закон природы. На его фоне очень затейливо звучат рекомендации современных телевизионно-компьютерных врачей-консультантов:

– Ни в коем случае не вставайте с постели, иначе у вас перестроится вестибулярный аппарат, и вы потом долгое время не сможете заснуть.

Да, это так.

Но они что, не понимают, что если я не буду вставать, то тоже не смогу заснуть. Или у них дома под кроватью стоит специальный герметичный горшок со шлангом и воронкой на конце. Так дайте описание своего изобретения и особо разъясните, как им пользоваться женщинам.

10 января 2011г.

Сегодня иду к домашнему врачу на профилактический осмотр. Возможно, придётся ещё раз сдавать кровь на анализ. Поэтому вчера весь день воздерживался. Утром овсяная каша, в обед пельмени, вечером – ничего. И ни капли спиртного. Лёг спать около 9 часов, долго не мог заснуть.

Ночь провёл с княгиней Глорией Турн-унд-Таксис.

Без комментариев. Вчера смотрел по телевизору документальный фильм о ней.

12 января.

Нет, что-то есть интересное в том, что ложишься спать трезвым и на «лёгкий» желудок. Правда, в отличие от «нормального» состояния, долго не можешь заснуть и пару часов читаешь или размышляешь о жизни.

Мы с А.С. Грибоедовым прибыли с Кавказа в Петербург. Он инкогнито, в облике генерала Громова, меня и так никто не знает. Сидим за столами в дворцовой зале, обедаем. Одежда на всех присутствующих соответствующая – времён начала 19 века. Все косятся на Александра Сергеевича, тот как-то заметен, но не могут понять, кто он. Моя соседка по столу, какая-то княгиня, возможно, Дашкова, хотя она в то время уже и не жила, (а ты, выходит жил?) спрашивает:

– Наверное до вас туда государственные указы доходят в искажённом виде?

Я мгновенно парирую:

– Указы к нам доходят в самом надлежащем виде, это мы их там искажаем.

Смех, вызванный моим ответом, переходит в гомерический хохот. Смеются так, что чуть не падают со стульев. Так заразительно смеялась в фильме Глория.

Грибоедов смотрит на нас и завидует. За его столом скучно.

Откуда что взялось? Последний месяц урывками смотрел фильм «Смерть Вазир-Мухтара» по книге Юрия Тынянова. Да и сама комедия «Горе от ума» мне очень нравится, я её несколько раз перечитывал. Выходит, если не пить и не есть избыточно, приснится что-то аристократическое, интеллектуальное? Надо как-то проверить эту догадку.

28 января.

Холестерин у меня 305 каких-то единиц при максимально допустимых 240. Надо менять режим питания. Алкоголь усиливает аппетит, поэтому хочу сократить его потребление в 2-3 раза. Совсем от него отказываться не хочу. Моя работа предполагает неофициальную возможность насладиться «бокалом красного вина», и я ей пренебрегать не хочу. Холестерин холестерином, а наслаждение наслаждением.

Ну и пусть помру раньше, зато будет на том свете что вспомнить, или забыть, как говорит Станислав.

Оскорблённый моими экспериментами организм затаил обиду:

– Я с ним как с человеком, всё ему прощаю, почти 50 лет не знает, что такое больница. А он? Пьёт за мой счёт, закусывает, с княгинями хохочет. Я тебе покажу интеллектуальность, аристократ хренов.

Ночью приснилось, что мы с бывшим Первым секретарём Арыкбалыкского райкома партии В.П. Осипенко проникли в ставку Гитлера и зарезали его. Во время доклада Виктор Петрович протянул ко мне руку как бы за необходимыми документами, я вложил в его ладонь раскрытый перочинный нож, и он этим ножом перерезал Адольфу горло. Я в это время кончал дёрнувшегося генерала.

Шансов уйти у нас не было, мы тоже были смертниками, но организм не стал убивать меня кошмаром. Я так думаю, что свою спасительную роль сыграл причитающийся ему бокал. Двери бункера распахнулись, подоспели наши и всё закончилось благополучно.

Потом приснилась мелодия – чудесная, я такой ещё никогда не слышал. Пытался запомнить, заставлял себя это сделать, но не суждено было.

Смотрел по телевизору интересный документальный фильм. Группа немецких отпускников и пенсионеров на туристическом автобусе отправилась из Фрайбурга в Шанхай. Стоило это удовольствие что-то около 10000 евро на человека, но автобус был полон. Такое случается раз в жизни, и натасканные на путешествия немцы сделали стойку. Они пробыли в дороге 73 дня и проехали 19000 километров, через Австрию, Италию, Грецию, Турцию, Иран, Туркменистан, Афганистан, Узбекистан, Киргизию, Китай. Ехали, правда, по 200-250 километров в день, посещали все встречавшиеся по пути достопримечательности, ночевали в отелях. Назад вернулись самолётом. У них было в пути несколько интересных моментов.

12 дней, потраченных на пересечение Ирана путешественники вынуждены были соблюдать «сухой закон». Полиция зорко следила за ними. С каким же удовольствием они пили пиво и вино в Туркменистане, где законы в этом отношении мягче.

В Узбекистане на них поголовно напал понос, потому что ели в придорожных столовых. Как они делили остатки туалетной бумаги, буквально по несколько клочков на человека!

В Китае были вынуждены пользоваться придорожными туалетами, ну, теми дощатыми сооружениями с настилом, «очками», выгребной ямой. Это было для немцев сильным потрясением, особенно их угнетал запах, исходивший из ям. Дело было летом.

К чему весь этот рассказ. А к тому, что он стал основой одного из моих сновидений. Я так же, как и они, путешествовал на автобусе, был в Италии, купался в море. (Много воды – повод проснуться и сходить в туалет.) Потом, правда, оказался в Иране и был вынужден соблюдать их обычаи. Организм намекает, чтобы я не выделялся со здоровым образом жизни, а вернулся к прежнему, что, собственно, в дальнейшем и произошло. Кроме физического здоровья существует ещё и душевное. Да и вообще, пока толстый сохнет, худой сдохнет.

29 января.

Прозвучит странно, но приснился сон о **магической и фаустовской** душе русского народа.

На тумбочке, стоящей возле кровати, среди других, лежит книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Это следствие влияния Яржембовского Станислава Юрьевича, который курировал моё второе образование – историческое. Ту, первую книгу, что он мне дал, я прочёл, что называется, от корки до корки, хотя это чтение не для слабонервных людей. Теперь у меня две своих, в разных переводах и одна в оригинале. Почитываю иногда перед сном.

Сначала была гражданская война. Мы, красные, воевали против белых и помогавших им немцев. Моё участие в сне двойственное: я и участник, и летописец. Полное раздвоение личности. Я проживаю во сне жизнь, а тот, кто её наблюдает, стоит в стороне. Но это тоже я! В этой войне сильно отличился один снайпер: своими меткими выстрелами он переломил ход боя и обеспечил победу.

*Далее мы живём в тайге: наша семья и родители отца. Я ещё мальчик, лет 12-13. Жизнь вокруг кипит, идёт промышленная стройка, все при деле (**фаустовская душа**). Затем строители садятся в вагоны и уезжают, чтобы начать строить в другом месте. Наша семья на грузовике следует за ними. И вот мы уже выезжаем из леса, но отец, вдруг останавливается и говорит:*

– Как же мы оставим деда одного?

*Совецаемся и решаем вернуться обратно. Задним ходом сползаем по просеке вниз, входим в дом деда. И так нам хорошо всем вместе, что и выразить нельзя (**магическая душа**). Явственно ощущаю ту любовь, что разлита вокруг: отец до боли любит своего отца, а я до боли своего. Всё, что происходит в доме – правильно, ибо так повелось издревле. Огурцы лежат на деревянной полке в шкафу, и отец говорит, что так и должно быть, потому что их туда положил дед.*

Наверное, в этом сне шла речь о правильности того патриархального уклада жизни русских людей (магическая душа),

которую насильно разрушил Пётр 1. Хотя ведь ясно, что фаустовская душа – это прогресс.

6 февраля.

Приснилось, что я «челнок». Вернее, собираюсь им стать, поэтому обращаюсь за советом к более опытным людям. И вот мы в пути. Легально переходим границу Чехии? и закупаем там товары. А вот обратно, с грузом, надо идти глухими тропами, через лес, чтобы не попасться пограничникам. Что и делали всю ночь, к тому же надо было обойти ещё и бандитов, которые тоже не прочь поживиться. Моя «воинственность» в последнее время пошла на убыль: я лучше спрячусь или постараюсь убежать. Но если уж выхода нет, то бьюсь до последнего или просыпаюсь.

И был ещё один сюжет. Он часто возникает в разных вариантах, но это один и тот же сюжет. Я приезжаю с первой женой и маленькими детьми на работу в деревню, где мы поселяемся в доме. Дом не совсем в порядке, надо кое-что подлатать. В сегодняшнем сне, например, надо было оббить входную дверь, чтобы через неё не тянуло холодом. Приближается зима. Я знаю, что это надо сделать, что это необходимо, но, с другой стороны, я должен быть на работе, иначе люди обвинят меня в лени и несерьёзности. И я разрываюсь между этими двумя выборами. Если во сне присутствует первая жена – это всегда тяжёлый сон, впрочем, если вторая, то тоже не лёгкий. Они совершенно справедливо от меня что-то требуют, но мне надо идти к людям, на работу. В реальной жизни я так и поступал. Возможно, теперь, это какая-то расплата.

Если бы мне пришлось сегодня выбирать, я бы лет до тридцати наработался всласть, а потом бы только женился.

Как мои противоречия между домом и работой разрешались на практике, вам станет известно из дальнейшего повествования. Все сталкивались с этой проблемой, особенно в деревнях, где она (работа) никогда не кончалась, плавно перетекая из одной в другую. Каждый выкручивался как мог, исходя из своего положения и какого-либо общего решения просто не существовало. Если в одном месте прибывало, то в другом убывало.

Удивительно, я жил в Германии, но немецкая жизнь мне не снилась. Первые десять лет вообще никак, потом стало что-то проскальзывать, но это мизер по сравнению с другими местами, присутствующими в сновидениях. Я мог провести ночь в Лхасе или на о. Кирибати, где никоим образом не был и быть не мог, но Вюрцбурга в том подлунном мире не существовало. Я напрямую общался с Лениным, Сталиным, Путиным, Назарбаевым, Сагдиевым, Ким-Чен-Иром, но коллег по работе в Юлиус-шпитале мой размягчённый мозг воспроизводить не желал. Эта жизнь что, такая бесконфликтная по сравнению с предыдущей, что даже во сне не отражается?

– Я вижу, ты намерился тему снов закрыть. Верно, книга не резиновая, но, пожалуйста, освети ещё два момента. Те сны, что ты привёл выше, родились на фоне, так сказать, низкого содержания алкоголя в крови. А как выглядят твои кошмары? И что тебе снится, если ты выпьешь много?

– Знаешь, Мир, понятия «много» и «мало» очень относительны. Во-первых, какая закуска, а во-вторых, «мало» в будний день, когда тебе утром надо вставать на работу, может оказаться больше, чем «много» перед выходным днём. Но не будем увлекаться софистикой, я понял твой вопрос и отвечаю конкретно.

Количество выпитого вина не оказывает особого воздействия на последующий сон, он может оказаться как хорошим, так и плохим. Важнее тяжёлая еда, простуда, день недели. Выпито одинаково (около 1 литра сухого вина), а сны разные. Литр вина, по моим многолетним наблюдениям, лучше, чем пол литра. В первом случае ты засыпаешь сразу, как только щека касается подушки, во втором ты мучаешься, ворочаешься, злишься. А ночью всё равно проснёшься. Поэтому лучше перепить, чем недопить, утром встанешь болеет отдохнувшим.

*Иногда мне снится **страшный сон**: я работаю агрономом, но отсиживаюсь в конторе, не бываю на полях и люди, работающие в бригадах, презирают меня, хотя раньше безоговорочно верили, я им так помогал! Это самые тяжёлые мои сны, если не считать тех, в которых исполняю роль директора.*

Я многое могу, но не отдаю своих знаний людям, которым они нужны. От того, что стал тыловой крысой, мне стыдно и больно. Мне страшно стыдно во сне от того, что не делаю своей работы. Вспоминается время, когда дневал и ночевал на полях, советовался с управляющими, бригадирами, механизаторами, экспериментировал и был результат. Повышение урожайности в полтора раза по сравнению с предыдущей пятилеткой вернуло людям уважение к самим себе, к своему труду и дало, что тоже важно, возможность получить в конце года хорошую дополнительную оплату. Ну а мне, тоже немного больше денег, но, главное – ощущение сладости творческой удачи.

Теперь я бросил их и они, как слепые котята, ищут меня, а меня нет.

4-5 мая (среда-четверг) 2005г.

Пример хорошего сна.

Сегодня церковный праздник Вознесения Христа (Christihimmelfahrt), на работу идти не надо. Вчера лёг по режиму в 9 часов, встал в 6, хорошо выспался, хотя два часа после полуночи бодрствовал. И был то, где? Там, в волшебной стране Егоровке-Новосветловке, приехал проведать. Боже мой, как тепло начинали светиться лица людей, когда они меня узнавали. Я тоже вглядывался в их лица, все постарели, но я угадывал черты. Быт тех времён: комнаты для командировочных с железными кроватями, человек на двадцать, убогая обстановка, каменные магазины-лабазы с неожиданным изобилием продуктов по меркам того времени.

Сидели за столом, угощались. Заходили люди, присаживались. Приличное вино, самогон. У меня было с собой 200 рублей, четыре пятидесятки. Размеренно, неторопливо разворачивалось действие. Проснулся абсолютно отдохнувшим.

– И ещё. Но это, Мир, последнее замечание по поводу сновидений. Смешивая различные виды алкоголя и мысленно настраивая себя на определённую тему, я научился «заказывать» сны. Если, к примеру, хочу во сне повидаться с отцом, то это означает, что я должен в течение двух часов выпить литр **хорошего** белого сухого вина, а затем в течение получаса пол литра

сухого красного и лечь в постель в 7 часов вечера. Вероятность исполнения желаемого очень высокая. Видимо, в начале был прецедент, а потом он где-то «отложился в памяти».

Этот пацан мне кого-то здорово напоминает. Тот, правда, выглядит постарше, но суть у них одна.

Глава 8

ЦЫГАНЕ И ОСТАЛЬНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Ранним утром мы шли с председателем по всё ещё подмороженной грязи в контору, и я радовался, что могу в своих туфлях, скача, как заяц, передвигаться. Мой сопровождающий, как и все встречные люди, которые доброжелательно нас приветствовали, были обуты в резиновые сапоги. По дороге председатель вводил меня в курс деревенской жизни.

Колхоз им. Свердлова переживал одну смерть, два убийства и нашествие цыган. Умерла дочка заведующего МТМ, красавица-выпускница, которая пошла с подружками в лес и там её укусил энцефалитный клещ. В Егоровке нет больницы, есть только ФАП. Что-то пошло не так, не сразу среагировали, а может и дороги до Тары не было в тот момент. Менингит и смерть.

Про убийства в подробностях мне позже рассказывал директор Егоровской средней школы, мой тёзка. Так уж получилось, что он в обоих случаях оказывался первым, кто это видел: и ту бочку с известью, в которую был засунут труп с отрезанной головой, и кочегара из школьной кочегарки с окровавленным ножом в руке. Кочегар дождался, когда Виктор подойдёт к нему и совершенно будничным голосом попросил: – «Иди, посмотри, он там живой, или нет, хотя вряд ли, у меня удар смертельный». Его потом летом судили выездным показательным судом в здании сельского совета, и я там был, смотрел. Стриженный под ноль, худой, какой-то весь жалкий, он смотрел на людей виноватыми глазами, как бы извиняясь за то, что ради него они оторвались от своих дел, но какого-либо большого раскаяния я в нём не заметил. Он считал, наверное, что по своим понятиям поступил правильно, и виноват только в том, что у него «удар смертельный». Где-то же он руку набил?

Таёжные сёла, в том числе и Егоровка, привлекали уголовный элемент. Здесь можно было относительно спокойно отсидеться, не привлекая особого внимания милиции, которой поблизости не наблюдалось. Плюс весенние и осенние «мёртвые

сезоны» бездорожья, ледохода и ледостава Иртыша. Возвращались домой бывшие сидельцы, звали к себе своих приятелей по тюрьме, прибывались на зиму и те, что были в бегах, беспаспортные. Просились на работу в кочегарки, на фермы. Их брали, закрывая глаза на отсутствие документов. Дефицит кадров на селе: свои готовили лес для будущей стройки, уходили в тайгу на охоту, ремонтировали технику. Чаще всего всё заканчивалось благополучно, но, как это случилось в тот год, произошли блатные разборки.

Цыгане появились осенью, небольшой табор, несколько семей. Попросились пожить до весны. Брались отремонтировать колхозные бороны.

Свезли бороны со всех бригад, свалили во дворе дома. Борона только кажется самым простым орудием сельскохозяйственного производства, на самом деле в ней заложено много возможностей её использования, их только надо знать. Основной рабочий элемент бороны – зуб, который имеет активную и пассивную стороны. Активная – это когда зуб остриём вперёд, он выдирает всё из земли, пассивная – когда он только разравнивает землю. А если зубом вбок? Никто не пробовал?

Чтобы извлечь зуб из бороны, её надо раскрутить. Всё заржавлено и просто так раскручиваться не желает. Поливают маслом, соляжкой, размягчают, откручивают гайки. Вот, он, вожделенный, теперь его надо накалить докрасна в горне (видимо у цыган была портативная кузница) и придать ему с помощью молотка первоначальную форму, закалить. Затем опять вернуть на прежнее место, закрутить заржавленные гайки, полить мазутом, чтобы дальше не ржавело.

Трудоёмкая работа.

На представление первой отремонтированной бороны было приглашено почти всё правление колхоза.

Она оказалась единственной. Остальные для видимости действий переложили одну на другую, облили мазутом и оставили лежать до весны.

Время для расчёта выбрали с умом – начало ледохода, когда связь с районом только по телефону и радиии, никто ника-

кой комиссии для разрешения спора и, тем более, милицию, не пошлёт. Кому охота связываться с цыганами?

Табор оккупировал контору и требовал денег. Председатель колхоза сказал, что х... вам, а не деньги и попытался укрыться в кабинете, чтобы сообщить о налёте, но не успел, и за ним ворвались несколько цыганок с маленькими цыганятами. Цыганки захватили телефон, а цыганята носились по помещению, рвали бумаги и портили мебель. Рация тоже оказалась в руках пришельцев. Это те факты, о которых мне потом рассказывали. На их основе можно было бы создать увлекательную историю о том, как местные жители с ружьями пытались отбить у, тоже вооружённых цыган, своё руководство, но я не буду это делать. Никто никого не отбивал. Это было *конторское* дело, а конторских обычные работяги не очень-то жалуют.

После многочасовой осады председатель был вынужден сдаться и дать команду бухгалтеру выплатить грабителям деньги. Не все. В результате переговоров был достигнут компромисс, чтобы стороны могли сохранить лицо, но цыгане выиграли больше. Получив деньги, они тут же засобирались и отбыли восвояси по дорогам правобережья в направлении Омска, ища новые жертвы.

Мне оформили документы, я тут же получил какие-то подъёмные, видимо, в размере месячного оклада. Каков был мой оклад? Убей, не помню. Могу только предполагать, что если в Казахстане в те годы главный агроном совхоза получал 180 рублей, то здесь, где площадь пашни в пределах хозяйства была на порядок меньше, оклад тоже подвергался коррекции. Наверное, я получал 160 рублей в месяц, в лучшем случае 170. Деньги меня никогда особо не интересовали. Я знал, что их не хватает, а сколько не хватает, какая разница, не хватает – и всё.

Впервые чувство, что мне стало хватать денег, я испытал в Германии. И это при том, что я всегда беру то, что мне нравится, невзирая на цену. Естественно, речь идёт о предметах первой необходимости.

По получении денег я тут же пошёл в магазин, их было в селе два, продовольственный и хозяйственный, и купил пару резиновых сапог и фуфайку.

Мы все умные. И вы, мои уважаемые читатели, и я, ваш автор, раз вы меня продолжаете читать. Но мы все ничто перед историей и сонмом наших неведомых предков. Что такое деревня? Как она образовалась? И почему именно там, а не в другом месте?

Егоровка – село, центр Егоровского сельского поселения, расположено в лесной подтаёжной зоне на берегу реки Колонсаса (Кава, как называют её старожилы) – правого притока реки Уй, на правом берегу Иртыша (ах, какие вкусные слова!), в 65км. северо-восточнее райцентра. Расстояние от Омска 361 км. Сегодняшнее транспортное сообщение через р. Иртыш по Самсоновскому мосту, который был сдан в эксплуатацию в 2004 году.

Основано в 1896 году вольными поселенцами из Витебской, Гродненской и Минской губерний (зямляки!) на месте, свободном от леса, прозванном Золотой горой. Первоначально селились хуторами.

Число жителей сегодня – 295 человек. Было на сотню больше. Рельеф холмистый, изрезанный. Почвы дерново-подзолистые. Растительность древесно-кустарниковая (хвойно-лиственные породы).

В ту пору, о которой я вспоминаю, в состав колхоза им. Свердлова кроме самой центральной усадьбы входили ещё Курляно-Дубовка, Юрьевка, Межевная и Кошкуль. Сегодня Кошкуль и Юрьевка существуют только в памяти.

В Курляно-Дубовке жили преимущественно латыши. Деревня была основана в начале 30-х годов в период коллективизации, когда происходило сселение жителей многочисленных эстонских, латышских и немецких, так называемых Верхне-Бобровских хуторов в более крупные населённые пункты. Число сегодняшних жителей – 132 человека.

– История появления латышей в Тарском районе напрямую связана с реформами Столыпина. Латышские переселенцы

служили примером обособленного ведения хозяйства. Как привыкли у себя к хуторам, так и продолжили эту традицию в Сибири. Получив землю в зоне рискованного земледелия, латыши сумели очистить участки от деревьев, оградить их от подступающей тайги и выжать из имеющегося реально возможные урожаи. *(А белорусы и русские, что, не очищали, не ограждали и не выжимали?)*.

«Столытинские» переселенцы получали бесплатную землю, подъёмные деньги и помощь при переезде, а уже потом, освоившись на новом месте, забирали родственников и соседей из Латвии, то есть миграция проходила в сносных и даже комфортных условиях. Хотя латыши вели хозяйство хуторами, здесь они строились тесными группами и образовывали центральный посёлок, в котором размещалась контора управляющего, клуб и изба-читальня. Всего таких посёлков было два десятка и каждый объединял до полусотни хозяйств.

Раскулачивание, коллективизация – хутора ликвидировались, а крестьяне объединялись в крупные посёлки с колхозом, обучение на латышском языке прекратилось. К настоящему времени осталось всего две деревни: Бобровка и Курляно-Дубовка. В последней латышей уже совсем мало, зато в Бобровке – половина жителей».

Текст писался людьми, которые приехали из Латвии посмотреть, как живут их соплеменники. Ничего, живут и чтят национальные традиции. Меня в их исторических экскурсах заинтересовали цифры. 50 хуторов, в каждом из которых проживало, скажем, по 5 человек, умножить на 20 посёлков, получается 5000 латышей. Полез глубже, в диссертации историков и там нашёл 13 латышских селений. По переписи населения 1926 года в Тарском районе проживало 2188 латышей, в т.ч. на селе 2072. В 2002 г. – 316 человек. По эстонцам цифры, приблизительно те же: 1926 год – 2081 человек, 2002 – 336.

Юрьевка была чисто эстонским селом, и если в Курляно-Дубовке дома строились по-латышски, с оглядкой на местные особенности, то в Юрьевке по-чухонски, по крайней мере надворные постройки. Совсем другая архитектура. И если кого-то

нервирует это слово, тот должен обратиться к истории и выяснить, что чухной в народе называли карело-финское население окрестностей Петербурга, к которому относили и эстонцев (чудь, меря, весь, сету и прочие). От термина происходит также «Чухляндия», место, где живут чухны.

По мшистым, топким берегам
Чернели избы здесь и там,
Приют убогого чухонца.

В. И. Даль в своём «Толковом словаре» особо подчёркивает честность этого народа. Во времена перестройки где-то проскакивала информация, что в Эстонии было самое большое число легальных миллионеров во всём СССР.

Характерной чертой стереотипного чухонца Даль считал **пьянство**. «Сначала чухонец требует выпивки, потом выпивка требует выпивки, потом выпивка требует чухонца». И в то же время он в своей статье отмечал, **что чухон отнюдь нельзя называть пьяницами, но, напротив, народом весьма трезвым**. Запомним, друзья мои, этот далевский парадокс, он очень нам пригодится, когда мы будем всматриваться в повседневную жизнь сёл, в которых автору приходилось бывать. Возможно, в нём кроется разгадка тайны и русской души.

В Межевной и Кошкуле население было скорее русским, но это были небольшие деревни.

Итак, пять интернациональных деревень образовывали колхоз, в котором было 2,5 тысячи гектаров пашни и 50 тысяч гектаров леса, болот и кустарников. По пашне – половина второй полеводческой бригады первого отделения совхоза «Аканский», по общей земельной площади – два таких хозяйства.

*Вверху лес возле Курляно-Дубовки, а внизу дорога на Межевную.
Ты смотри, как времена изменились. Гравием отсыпана.*

Глава 9

НАЧАЛО ТАЁЖНОЙ ЖИЗНИ

Председателем колхоза был Копотилов Александр Максимович, мужчина лет сорока, личность трезвая и серьёзная. До избрания председателем он работал главным агрономом Тарского районного управления сельского хозяйства, был кандидатом сельскохозяйственных наук, но это не редкость для Тары, где есть своя опытная станция.

«Свердловчане» охотно проголосовали за него, поскольку он не был чужим для них, в своё время проходил в колхозе практику агрономом, будучи студентом ОмСХИ. Носил вместо майки тельняшку, имел золотой зуб, вёл себя независимо и солидно, как и подобает настоящему председателю. Что-то сродни герою Н. Караченцева из прекрасного фильма перестроечных лет «Колхоз интертейнмент».

– Союзные знамёна брали за вывоз навоза на поля, – ностальгически вспоминал он свою прежнюю работу.

Эти тарчане и вправду были такими, им везде хотелось быть лучшими, во всех сферах деятельности. И зачастую это удавалось. Компетентные люди в руководстве. Спрос по полной программе. И в то же время помощь, не оставляли одного перед проблемами. Этот заряд от Манякина шёл, Первого секретаря Обкома партии. Четыре ордена Ленина по итогам четырёх пятилеток, звезду Героя получил за пятую. С кадрами работали поумному, ценили руководителей и специалистов, если видели, что есть толк, боролись за человека до конца. А неожиданных житейских ситуаций было сколько угодно.

Копотилов, например, уже третий год жил в доме одной пожилой женщины, рядом с конторой. Семья его оставалась в Таре, в одной из тех, похожих на соты улья, квартирках, что государство построило для сотрудников опытной станции и жена ни за какие коврижки не собиралась переезжать бог знает куда. По мнению большинства людей Егоровка находилась на краю света и это, отчасти, было верно, так как за границами

колхоза начинались сотни и сотни километров безлюдных Васюганских болот.

Для мужчин это не имело большого значения, они тешились работой. Не играло это особой роли и для местных жителей, в том числе и для тех, кто, как, скажем, учителя, получали образование и возвращались домой. Это была их родина, их привычный мир и они чувствовали себя в нём комфортно. Учителя – они вообще к любым условиям приспособляемы. Стиснут зубы и сеют разумное, доброе, вечное. Да как сеют! Если интернет не врёт, то из 536 выпускников Егоровской средней школы 220 в дальнейшем получили высшее образование. Но жёны специалистов, вынужденные последовать за мужьями, к тому же сами окончившие средние или высшие учебные заведения, в душе ненавидели эту деревню: им предстояло здесь, как они сами мне рассказывали в порывах откровений – «**обабиться**».

Александр Максимович не сидел сложа руки. Вот уже второй год бригада приезжих строителей из Западной Украины наряду с другими объектами строила рядом с конторой кирпичный дом для председателя, вернее для его жены, и дело шло к завершению. Когда он с гордостью решил мне его показать, и мы вошли, я подивился фантазии хозяина. Стены комнат, по крайней мере в коридоре и кухне не предназначались для будущих обоев, они были неравномерно оштукатурены и покрашены в перетекающие друг в друга цвета. Дом должен был стать западнёй, попав в которую его жена не смогла бы сопротивляться и дала бы согласие на переезд. Отапливаться он должен был от школьной котельной, большого огорода не предусматривалось, только палисад и огородчик. Ну и надворные постройки, естественно. Амбар, баня, сарайчики. Насчёт туалета точно не помню, но что-то в доме планировалось, видимо с учётом септика.

Дом как дом, по сегодняшним меркам – халупа, но, я думаю, хотя и не буду утверждать это безоговорочно, он был в то время единственным зданием колхоза (после школы, наверное), построенным не из брёвен. Видимо по его поводу «капали» в район, но начальство хранило мудрое молчание. Как председатель Копотилов их устраивал, попробуй, найди другого

подходящего, который поедет к чёрту на кулички и будет тянуть там воз. Наоборот, торопили с домом и настаивали на скорейшем воссоединении семьи, чтобы не нарваться на действительно настоящий скандал.

– А что, во всей Егоровке не было ни одного подходящего дома для председательской семьи? – удивляется Мир.

– Ну как не было? Был. Крестовый. 10 на 10, а может быть даже и 12 на 12. Самый большой в селе. В нём прежний председатель с семьёй жил. Места много, попробуй натопи зимой. Огород, хозяйство. Председатели – они редко дома бывают, работа такая, а если ещё человек перед людьми совестливый, то бедная его семья. Всё на плечи жены ляжет. И не захочешь, а обабишься. Прислуги ни у кого не было, не те времена на дворе стояли.

– И что, крестовый пустовал, а председатель на квартире жил?

– Пустовал, пока он жену уговаривал. Потом отдал его главному зоотехнику, своему заместителю. Прекрасный парень, организатор от бога, живой такой немец. Образование у него было среднее специальное, потому он в колхозе и задержался. А будь у него высшее, давно бы ему колхоз присмотрели на нашей правой стороне. Не выпускали из орбиты. На левой с кадрами было всё-таки полегче, цивилизация. Вот знаешь, когда латышами заинтересовался, то на один интересный факт наткнулся. Оказывается, во времена коллективизации кулаков из центральных и южных уездов Омской губернии (или тогда уже область была?) ссылали в Тарский уезд и именно на правобережье, то есть в наши края.

– Я вижу, ты совсем уже в образ вошёл – «наши края». Говори, да не заговаривайся. Так, и что зоотехник? Зачем ты его в крестовый дом поселил? Ты помнишь про чеховское ружьё, которое в первом акте висит на стене, а в последнем обязательно должно выстрелить?

– Я никого в крестовый дом не селил, это Копотилов так решил. А если ты уж такой педант, то будет тебе и ружьё, и охотник и шкура убитого поделом медведя, которую я сначала

вознамерился взять с собой в Казахстан, но она была тяжела и нехорошо пахла. К тому же на плечах моих висел пудовый мешок с образцами семян в Тарскую контрольно-семенную лабораторию, а в руках сумка и чемодан с вещами. Лёд был ещё ненадёжен. *(Автор забегает вгорячах вперёд на полгода, во времена, когда неожиданно был вынужден покинуть эту деревню.)*

У главного зоотехника была своя проблема, не менее драматичная, чем у председателя. Он сам был живчик, но жена его была ещё живее, такая красавица-брюнетка, с горящими глазами. Не буду утверждать точно, но, мне кажется, горели они от ненависти к Егоровке. В любом случае, она её не любила и поставила своей целью вырвать своего мужа из этого болота и переехать куда угодно: – «Ты умница, мы с тобой нигде не пропадём (у них было два чудесных мальчугана дошкольного возраста), только давай уедем отсюда. Куда хочешь. Давай в Тару. Там хорошо, в Таре». Наверное, она была оттуда родом. Её желание было настолько велико, что зачастую переходило в истерики. Речь шла о навязчивой идее. Вот говорят, что москвичи нос задирают по отношению к остальной России, но это вы не знаете всей глубины презрения дамочки из райцентра в адрес деревни своего мужа, в которой ей по воле судьбы приходится прозябать.

Короче, она достала его со своей идефикс и он, не выдержав, побил её. Мужики тоже не железные. Может и не сильно, но она со времён побоев гордо ходила по селу и всем говорила, что муж её теперь работает только на лекарства, хотя по её внешнему виду это было трудно заметить. С одного раза они только расцветают. Раз бьёт, значит любит.

Конечно, районное начальство было в курсе. В селе до святой троицы не хватало ещё одного человека, и вот я появился.

Александр Максимович, переночевав в своей тарской квартирке со строптивой женой, к обеду вернулся в колхоз и самолично повёз меня на преседательской ГАЗ-69 показывать будущее жильё. До нас там проживала семья бывшей заведую-

щей молочным блоком, которая купила дом в Таре и переехала туда жить.

Дом был не отдельным, он занимал половину общего строения, но считался достаточным по сельским меркам. Весной, летом и осенью в доме только ночуют, а зимой, чем теснее, тем больше тепла от печи.

Всё оставалось на месте и Копотилов гордился этим порядком, поскольку дом был не собственным, а колхозным, и в отношении него действовали особые внутриколхозные правила. Единственное, что ему и мне не понравилось – отсутствие в бане котла для нагрева воды, который был выворочен со своего законного места и увезён в чуждый нам город.

– Наверное, они его за свои деньги покупали, вот и забрали. Ничего, и вы купите, они часто в магазинах бывают.

Перед вами фотография части села. Это Егоровка. В левой стороне жилые деревянные дома, за ними дворовые постройки, а уже за ними, до самого правого края снимка – огороды.

Их 180 штук, за счёт которых сегодняшние егоровцы и выживают. Плюс, конечно, пенсии, бюджетные оклады, у кого есть, ну, ещё охота, собирательство и изделия народного творчества.

На месте целого колхоза одно фермерское хозяйство. На заднем плане лес, из которого могут прийти нежеланные дикие гости, поэтому практически вся деревня огорожена.

– Пока ещё есть возможность, тебе надо заготовить дрова. Я поговорю с мужиками, они помогут.

На заготовку дров поехали на двух мотоциклах. Ивану Адольфовичу, как парторгу, полагался «Урал», у зоотехника был служебный «Иж». Я и зам. директора по хозяйству, эстонец, сели на задние сиденья, в люльки были погружены три пилы «Дружба», канистра с бензином, топоры и нехитрая деревенская снедь, взятая ими из дома. Моё материальное соучастие в предстоящем действе было нулевым, разве что я купил в магазине пару бутылок водки.

Своенравная по весне Колонсаса уже ослабевала, и мы смогли переправиться в сторону густого леса. По ведомым только нашим водителям лесным дорожкам недолго елозили колёсами весеннюю грязь и остановились на краю поляны.

Огромные, под 20 метров, берёзы окружали её. Кроны их терялись в вышине.

– Ну, что, место неплохое, начнём, пожалуй.

Надсадно завывали пилы и полтора десятка белых исполinov легли верхушками на поляну. Я обрубал немногочисленные ветки, а мужики пилили стволы на чурки.

Меня интересовали два вопроса: почему «пока не поздно», и как мы эти чурки будем отсюда вывозить? Оба вызвали снисходительные улыбки:

– «Пока не поздно» поймёшь через месяц, а вывозить твои дрова никто не собирается. Придёт зима, подморозит, тогда и перевезёшь.

Мы выпили, пообедали, поговорили; это всегда эстетично и красиво, особенно на природе, если венчает труд или часть его. Потом дело продолжилось.

Чурки раскалывали на большие куски, и укладывали в поленницы. Вниз клали сляги, чтобы дрова не соприкасались с землёй и не плесневели, а готовые поленницы укрепляли с боков кольями. За день, вчетвером, мы заготовили кубов 25, если не больше. Я был так благодарен своим товарищам, что просто не знал, как проявить переполнявшую меня признательность. Заметив это смятение, они стали успокаивать меня:

– Всё нормально, Виктор, сегодня мы тебе помогли, а завтра ты нам поможешь. В одиночку здесь не выжить.

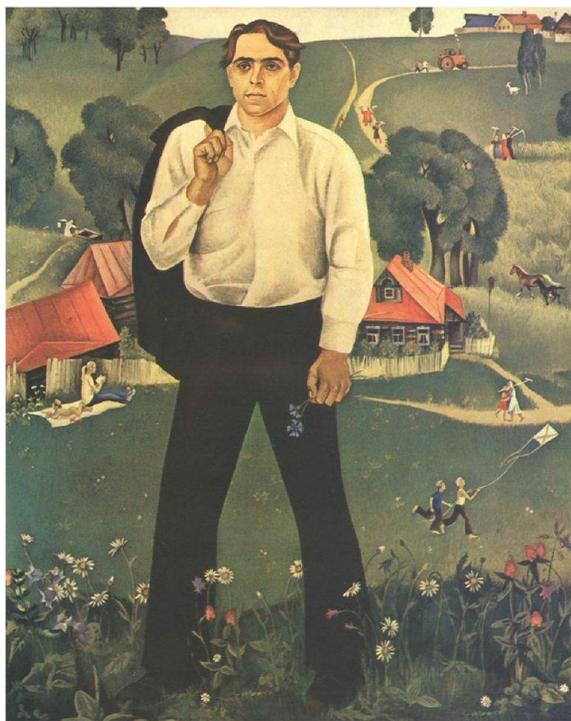
Мы не были браконьерами. На другой день я пошёл, не помню, правда, куда, то ли в сельсовет, то ли в колхозную кассу и заплатил за порубочный билет.

– Не вздумай платить за 25 кубометров, скажи, что пять, этого достаточно, все так делают. Не для того люди в тайге живут, чтобы ещё за дрова переплачивать.

Итак, главная деревенская проблема была решена. Я выписал с колхозного склада газовую плиту, баллон и установил на кухне. Вода была в колонке. Егоровка хоть и располагалась на краю света, но свой водопровод, слава КПСС, имела. Смущало отсутствие котла в бане, но я заказал его продавцу хозяйственного магазина и, рано или поздно, его должны были привезти из Тары. Всё остальное было в порядке: и стайки, и амбар, и огород, и дощатая будка туалета. Крыша не протекала, все окна были целы. Я вооружился тряпками и навёл полный порядок.

Можно было перевозить семью. Копотилов выделил свой «газик», трактор с телегой я организовал собственной властью. Хоть и укоряла меня жена, что живём, как нищие, но вещей набралось порядочно, едва уместились в кузове. Приехали, выгрузили, расставили. Подошли соседи, помогли и вещи носить, и готовить. Мясо со склада выписал, попросил, подвезли в нужный момент. Что сварили, что в морозильник положили про запас. Посидели по-людски за приезд. Я протопил печь. В потоках расслабляющего домашнего тепла мне показалось, что всё в порядке и я пошёл на работу.

Вернулся с неё только в марте 1991 года.

Картина называется «Председатель». Вроде рано её вставлять в повествование, но очень часто «председателями» становились именно агрономы. Посмотрите в его глаза. В них нет радости от должности. Есть только забота.

Глава 10

ПРО ЛОШАДЬ И КОЛХОЗ

Май вступал в свои права. Нужно было проводить предпосевную обработку почвы, вывозить семена на площадки для теплового обогрева, сеять. Дни перемешались с ночами. Пять деревень, пять токов, поля, культуры, сроки сева, нормы высева. Утверждённый план посева лежал на моём столе и должен был неукоснительно исполняться. У меня была помощница, агроном-семеновод, спокойная такая, ответственная девушка, в положении. Её молодой муж часто заходил за ней в контору и ревниво на меня поглядывал. Хрен их знает, этих таёжников, что у них на уме, места глухие, оружие в каждом доме. Старался наедине с ней не оставаться, и никуда вдвоём не выезжать, чтобы ни у кого даже мысли не появилось сплетню.

Копотилов, не обременённый личным хозяйством и проживающий напротив конторы, взял за моду проводить планёрки в 6 часов утра. Это имело под собой основание, поскольку животноводы начинали свою работу ещё раньше. Этика трудовых отношений. На каждой ферме рация. Начальство тоже не спит, беспокоится о производстве. Может, и правильно. Почти все специалисты жили недалеко от конторы, мне же, чтобы по грязи до неё добрести, требовалось полчаса. То есть вставать я должен был в пять часов утра и, крадучись, как тать, чтобы не разбудить жену и сына, одеваться в темноте, оправляться в будке и умываться. Всё бы ничего, но у меня была своя этическая норма – не прекращать работы до тех пор, пока механизаторы не покинут поля. Наверное, глупость, но я готов повторить её снова, чтобы иметь право открыто смотреть людям в глаза. Домой возвращался с первыми звёздами, то, сё, вот тебе и полночь. *(Не тянуло нашего автора домой. Ох, не тянуло. Подождём, может на каком предложении и расколется.)*

Жена моя в неделю прозрела и поняла, как счастливо ей жилось в Таре. Там она могла терзать меня относительно часто,

здесь же привычная жертва всё время куда-то исчезала. Её заветной мечтой стало удержать меня хотя бы ненадолго в доме, чтобы я что-то в нём сделал, или посидел с Димкой, пока она домашнюю работу делала. Делал, сидел, но не долго. Не было столько времени. Я существовал уже в другом мире, и этот меня только хватал за ноги. «Завод хлеб выпекать может!»! Главное я сделал, с деталями разбирайся сама. Кроме меня есть ещё и соседи, они помогут в случае крайней необходимости.

– Что, Мир, страшно? Оставил молодую женщину с девятимесячным ребёнком одну в доме, а сам ушёл работать? Ты ещё тех послушай, которые из своих благоустроенных квартир, с нормированным рабочим днём с 9 до 5 и двумя выходными в меня камни начнут кидать. Что я ещё мог сделать? У местных были родители. Вместе легче. Нам надо было терпеть и приспособливаться. К тому же у деревенской жизни свои законы: чтобы выжить, надо обзаводиться хозяйством.

Война не для всех одинакова.

Пускай меня не было дома, но семья моя не голодала. Я выписывал со склада те продукты, что в нём были и привозил. Мясо, крупы, макароны, яйца. В магазине прикупал. Соседи молоком и маслом делились. Скоро своя зелень пошла.

Как обрадовалась она, когда на току на мою ногу упало крыло зернопогрузчика и порвало бедро. В ФАПе красивая фельдшерица забинтовала рану, не сделав ни малейшей попытки её зашить, и этот широкий шрам до сих пор украшает меня. Сам я идти не мог и меня привезли домой. Неделя покоя.

– Ой, как хорошо!

– Какая неделя? Вы что, очумели? Посевная идёт!

Утром вышел с костылями за ворота, попросил соседа довести до конторы, а дальше, как уж получалось, руководил по рации, потом перебрался на центральный ток, куда приезжали те, у кого возникали вопросы по поводу посева.

Как главному агроному, мне полагалась лошадь. Я мог запрягать её в повозку или ездить верхом, в седле. Это обладание сразу подняло мой авторитет среди соседей. Наряду с колхозной посевной кампанией началась посадка частных огородов,

тех самых, огромных, которые сегодня спасают село. Землю пахал трактор. А сажали картофель с помощью специальной сохи, которую тянул конь. Первым проходом делалась глубокая борозда, в которую бросали семенные клубни, а дальше соха засыпала её землёй и делала новую. Этой же сохой впоследствии растения и окучивали. Все ближайшие соседи воспользовались «моим» меринком, а в благодарность собрали семена и помогли засадить наш огород.

Если к огороду добавить огородчик, в котором садилась вся зелень и который надо было поливать и пропалывать, да ещё двух поросят, корову и цыплят, появившихся впоследствии, то назвать нашу жизнь скучной можно было только с большой натяжкой. Котёл привезли, я вставил его в печь и обмуровал глиной. Теперь можно было мыться в бане, а то я за весну вообще дошёл. Постоянно в пыли, в грязи, потный. Что там, ополоснёшься вечером в тазике, а на следующий день опять по полной программе. Лез везде, в поле, рядом с механизаторами, пальчики брезгливо не отдёргивал, не обтирал. Скорее учился, чем сам учил.

Для бани нужны были дрова. Взял трактор с тележкой, поехал на «свою» поляну, накидал пару кубов из поленницы. Понял значение фразы «пока не поздно». Изгрызли меня комары ну прямо до костей, и это в обычном смешанном лесу, где воздух ещё движется, а в настоящей хвойной тайге, если отодвинешь лапу ели, такой гул услышишь, что сразу её на место и вернёшь.

После планёрки, часов в 8, я шёл на конюшню и запрягал своего коня в повозку. Конюх меня этому научил, но в число его лучших учеников я не входил. Не было у меня навыка обращения с лошадьми, как у некоторых крестьянских детей. Затем ехал домой позавтракать и что-то из еды взять с собой в сумку. На крики жены, что надо и то, и то сделать в доме, я спокойно отвечал:

– Ты что, не видишь, лошадь ждёт.

В течение дня, который зачастую длился более 12 часов, мне приходилось не раз его распрягать и, соответственно, опять

запрягать. Сначала я этого не делал. Подъезжал к полю, подвязывал вожжи и давал возможность пастись не распряжённому. Сам уходил к трактору и там занимался своим делом, экспериментируя с сельскохозяйственными орудиями. За этот час другой счастливый мой конь, хрумкая свежую траву, уходил чёт-те куда от того места, где я его оставлял. Видя, что я к нему подхожу, он косил глазом и, как бы играя, отбегал, не давая приблизиться. Эти игры вскорости мне надоели, и я, предполагая, что задержусь на поле долго, стал его распрягать и привязывать, чтобы он и траву щипал и убежать не мог. Тоже дополнительная потеря времени, которое было у меня на счету.

– Я лучше верхом буду ездить.

– Ну что же, верхом, так верхом, смотрите, только коня не угробьте.

Езда в седле оказалась мучительнее, чем тяготы запрягания, распрягания и погони за игривым конём. Лучшим способом езды был шаг, но он не отвечал моему темпераменту и тем целям, что я ставил себе на день. Рысь увеличивала скорость передвижения, но отбивала задницу, а кожа на внутренних сторонах бёдер уже в первый день была стёрта до крови. Но я нашёл выход. Пускал коня в галоп на несколько минут, а затем переходил на шаг. Потом повторял снова. Мои ляжки при галопе не так тёрлись, но за несколько дней я сбил седлом коню холку. Не знаю, что я должен был делать, затягивать ли туже подпругу или плевать на свои боли и не сидеть на седле, как на стуле, а привставать на стремянах, но лошадь я на время угробил и получил от конюха презрение.

«Лошадиная» эпопея длилась около двух месяцев. Утром я его забирал из конюшни, вечером сдавал и плёлся домой. Одним из недостатков моего коня был страх перед медведями. Возможно, в его основе лежало какое-то личное воспоминание. Поехали мы раз в Кошкуль, это километров двенадцать от Егоровки. Проехали часть пути и тут, вдруг, конь стал артачиться. Он остановился, запрядал ушами, захрапел, стал приседать на задние ноги. Сколько я ни понукал его, он не двигался с места. Вдруг, впереди нас, из подступающего леса на дорогу

вышли два медведя и скрылись в другой его половине. Конь подпрыгнул, развернулся в воздухе и с места взял в карьер. Как я с него не свалился, остаётся для меня загадкой до сих пор. Повода он не слушался и через несколько минут мы снова были в Егоровке.

А потом правление колхоза решило купить мне мотоцикл «ИЖ» с коляской. Дороги подсохли, колеи выровнялись и проблем с ездой уже не было. Привезли на машине из Тары в заводской деревянной упаковке и выгрузили во дворе дома.

Наверное, будет уместным именно сейчас рассказать о том, что такое колхозы и чем они в то время отличались от совхозов. Тех и других в стране было около 50000, приблизительно в равных долях. Совхозы – это государственные предприятия, в которых все средства производства ему, государству, принадлежали, а люди, в нём трудившиеся, были рабочими и служащими, получавшими за свою работу ежемесячную оплату. Колхозы изначально имели коллективную собственность, реализовывали свою продукцию тому же государству и в конце года делили прибыль между членами своего коллектива по количеству выработанных трудодней, как в денежном выражении, так и в натуральных продуктах. Это если было что делить. До окончательного расчёта колхозники получали какой-то небольшой ежемесячный аванс, как деньгами, так и продуктами.

К концу 70-х о трудоднях вспоминали только пожилые люди. Государство, пробираясь тернистыми путями к развитому социализму, стремилось сгладить различия между колхозами и совхозами. Им так же доводились планы, выделялись фонды, а сами колхозники, как и рабочие совхозов получали твёрдые оклады или заработную плату с выработки по утверждённым тарифам.

Одинаково.

Не-а. Не одинаково. Различия всё-таки оставались. Моя задача не углубляться в детали и не терять за деревьями леса, а настойчиво ползти дальше по своей спирали, отражая на страницах «Броуниады» чувственное восприятие Мира, окружавшего меня в те времена и приобщаться к бессмертию. Челове-

ство испокон веков стремится перевести себя в информацию, то же самое, пусть и в меньших масштабах, делаю сейчас я. Но, кое-что по поводу различий следует упомянуть, ибо не все люди имеют об этом представление, вернее, совсем его не имеют.

В колхозе им. Свердлова в 1978 году с заработной платы колхозников не взималось подоходного налога. Вот не взималось, и всё тут. По всей стране – 13%, если твой заработок более 100 рублей, а колхозникам – привилегия. И ведь нигде об этом не упоминается, писари всё больше о зверствах государства в отношении крестьян разглагольствуют. И я бы не знал, если бы не получал в кассе свои 160 или 170 рублей целёхонькими.

Правление колхоза. А, одна формальность, только так, для галочки! Нет, ребята, не формальность и не для галочки, а вполне даже работоспособный орган и надёжная защита председателя во взаимоотношениях с районным начальством.

Правление колхоза решило...

Избиралось правление на общем собрании колхозников, председатель и главный бухгалтер по роду своей деятельности проходили автоматически, а вот остальных действительно выбирали.

Самих выборов я не видел из-за ограниченности времени пребывания в тех благословенных краях, но членов правления наблюдал вблизи. Колоритнейшие люди!

Колхозники вообще любят поговорить, это у них в крови со времён коллективизации, но члены правления – это что-то особенное. Трибуны. Небезразличные. За колхозное добро душой болели.

В начале мая говорит мне Копотилов на своей сверххраненной планёрке:

– Поезжайте сегодня в Межевную и разберитесь с обстановкой. Бригадира там нет и пока никого не можем уговорить на эту должность. Сами поговорите с трактористами, озадачьте их, скажите, чтобы выходили из спячки и срочно готовили технику к посевной. Там заведующей клубом работает член правления, она людей соберёт.

На сухом месте возле какого-то деревянного, как и все вокруг, здания, стояло шесть или семь мужиков действительно

сонного и затрапезного вида, а между ними молодцевато, если это определение можно отнести к женщине, вышагивала энергичная особа лет 50-ти.

– Ну, что, мужички, весна пришла? Не ждали? Сеять надо, мужички, хватит уже по домам сидеть, водку пить да с бабами по постелям валяться. (Потом я узнал, что она была вдовая.) Вот и агроном к нам приехал, то же самое вам скажет. Засучивайте рукава, мужики, проверьте трактора, лушильники, сеялки, бороны, чтоб этим цыганам пусто было, и за работу, ребята! Весенний день год кормит.

Мужики разом зашевелились и дружно полезли в карманы за папиросами:

– Оно, конечно, сеять надо. Как же не сеять, весна на дворе. День Победы ещё отпразднуем и сразу в поле. Только мне радиатор запаять надо. А мне бы пускач заменить. А мне на сеялку... А мне...

– Я всё запишу и передам ваши просьбы главному инженеру. Попрошу его завтра же к вам приехать и уточнить всё в деталях.

Расходились уже по-деловому. Мою миссию можно было считать выполненной.

– А что они такими сонными выглядят?

– Отдыхают, – с какой-то затаённой обидой ответила моя помощница. Вы не подумайте ничего плохого, у нас мужики хорошие, работающие, и пьют в меру, не то, что некоторые. Да Вы сами их скоро в деле увидите. Не подведут. Время сейчас такое – межсезонье. Грязь кругом. Дрова заготовили и отдыхают. Всю зиму в тайге были, кто зверя промышлял, кто лес валил. Деньги заработали, что не отдохнуть. Бабы за ними как сыр в масле катаются.

Я безмерно себя корю, что не могу назвать имени этой замечательной женщины (Александра?), с которой я в дальнейшем очень подружился. Как имена и других героев моего повествования о жизни за Иртышом. Они были в тех погибших тетрадах, которым я так опрометчиво доверил свою память, а

теперь вот их нет. Скажу только, что по своему внешнему виду и поведению она очень напоминала мне мою любимую институтскую преподавательницу истории КПСС Тамару Ивановну Галкину.

Летом, когда у меня уже был мотоцикл с коляской и агрономические дела приводили в Межевную, я старался её разыскать и пригласить с собой:

– Давайте, уважаемая «Тамара Ивановна» поедem посмотрим, что мы там с вами насеяли.

Она всегда охотно соглашалась и садилась в люльку. Мы объезжали небольшие поля, что скрывались среди лесов, причём я всегда полагался на её знание местных дорог.

– А хотите, Виктор Михайлович, я покажу вам наше настоящее сокровище. Только нужно немного дальше проехать.

И мы через несколько километров оказались на берегу речки Уй. Я как это всё увидел, так и застыл с открытым ртом. Сине-зелёная гладь реки, это от неба и леса, очень высокий обрывистый правый берег белой глины и величавые сосны. Можно было с полным основанием заявить: «Остановись мгновенье, ты прекрасно», но в это время в мой рот залетел комар, потом другой, потом третий. После этого думать о красоте я перестал, и мы спаслись от напавшей на нас воздушной армады бегством. Когда-нибудь, если найдётся средство уничтожить комаров, не уничтожая вместе с ними реки, сосен и самого берега, люди со всего мира будут приезжать сюда и любоваться этой картиной. Но нам было подарено всего несколько минут.

– А почему «Уй»?

– Легенда такая ходит, будто сражение здесь происходило между войском Ермака и кучумовскими татарами. Татар побили, и они с обрыва прыгали в реку и кричали: «Уй! Уй!». Здесь и оружие находили и наконечники стрел.

В одну из встреч она пригласила меня к себе домой пообедать. Даже по скромным деревенским меркам жила она небогато. Неприхотливость быта скрашивалась только аккуратностью. Сорить было некому. Единственная дочь была замужем и жила в другом селе.

Настоящие идейные активисты получаются из тех, кому лично нечего терять. Зажиточные, те предпочитают больше молчать и орут только в тех случаях, когда видят угрозу своему благосостоянию.

Я полностью с вами согласен, мадам. Она была внутри нас.

Глава 11

ПОЛЕВЫЕ РАБОТЫ

Я не знал особенностей земледелия таёжной зоны. И в институте на занятиях не обращал на них внимание: мне предстояло работать в лесостепной зоне Северного Казахстана. Бог улыбнулся, и я оказался на границе Васюганских болот.

Лучшим вариантом поведения было не выказывать явно свою дурость, а больше наблюдать и учиться, благо было у кого. В Егоровке и Курляно-Дубовке были толковые управляющие, в остальных сёлах бригады. В Межевной «надавили на совесть» одного ответственного механизатора-коммуниста и заставили стать бригадиром, что сразу же превратило его из доброго, счастливого человека в несчастного. Но кто-то должен был тянуть эту лямку.

Агроном – специалист. Хороший или плохой, это уже другое дело. Он работает с управляющими и бригадами. Самостоятельно давать указания механизаторам без особой нужды не должен: существует этика служебных отношений и ею следует руководствоваться. Начальник тракториста – бригадир. Учётчик бригады ведёт его табель и начисляет зарплату согласно существующих расценок и объёму выполненных работ.

«Моего» в этой посевной было мало.

План ещё зимой составлял Иван Адольфович, и мне надлежало ему следовать.

Я следовал, и поначалу со всякими мелочами лез к нему с расспросами, но потом понял, что делать этого не надо. Нехорошо, несолидно. Он сам вникал в муторную сферу обязанностей секретаря парткома и ему было ничуть не легче, чем мне.

Я наблюдал за работой механизаторов, решая чисто технические вопросы распределения семян, удобрений, ну и так далее. В саму организацию процесса не вмешивался, полагаясь на многолетний опыт руководителей среднего звена и их знание местных особенностей.

Но в какой-то момент у меня, вдруг, возникли сомнения. Особенности особенностями, но правильно ли это? Можно ведь сделать лучше, надо только приложить усилия.

Расскажу лишь об одном случае, хотя их было, конечно, больше. Прощу прощения за простоту изложения и ненаучность терминов, но так будет понятнее. Земли в колхозе, грубо говоря, можно было разделить на «старопахотные», «новопахотные» и «среднепахотные». Со старопахотными, всё, вроде, понятно: это те поляны и раскорчёванные участки, на которых трудились ещё «дореволюционные» латыши, эстонцы, немцы, белорусы, русские. *(Что-то хохлов нет, странно, хотя они же со «степов», в похожие места и селились, в леса не лезли.)*

Новопахотные рождались на глазах сегодняшнего поколения. Сначала на отведённом под будущую пашню участке, желательном редколесном, с полянами, срезались и увозились все деревья. Затем лесомелиоративная бригада из города с мощной техникой выкорчёвывала пни и бульдозерами сталкивала их в большие кучи. Там, в этих кучах, дерево должно было перегнить и обращаться в «прах». Иногда кучи поджигали. Освободившаяся площадь перепахивалась кустарниково-болотным плугом и на ней уже можно было сеять сельскохозяйственные культуры.

Меня заинтересовали не они, а среднепахотные земли.

Как известно, из земли растёт всё. Немного позже я расскажу вам о чудесах, виденных собственными глазами, что может вырасти из неё, даже если ничего не сеять. На северо-западе нашей огромной страны из земли, например, росли камни и их приходилось собирать и вывозить на края полей.

В колхозе им. Якова Михайловича из земли появлялись палки. Чёрные, твёрдые, тяжёлые, с обкатанными до правильных окружностей боками они и не помышляли о гнилости.

Основным орудием предпосевной обработки были лущильники. Прицепные, не гидравлические. На их раме крепились деревянные ящики, заполняя которые землёй, можно было регулировать глубину проникновения дисков в почву. Никакой земли или другого груза я в ящиках не заметил. Некоторые были

вообще без ящиков. Они порхали по полю как бабочки, причиня появившимся сорнякам лишь частичный вред. И даже повторное, уже поперечное лущение, мало улучшало ситуацию. Борон за лущильниками не было прицеплено, и именно этот момент посеял во мне сомнение. А кто будет вырывать подрезанные сорняки, чтобы они опять не проросли во влажной почве таёжных полей?

Среднепахотных земель в хозяйстве было процентов 30, остальные обрабатывались вполне приемлемо, по классической технологии, которая не вызывала у меня вопросов.

Так получилось, что первые свои претензии я высказал управляющему Егоровского отделения Николаю, человеку, которого я очень уважал и он этого, безусловно, заслуживал, но неуничтоженные сорняки резали мне глаз. Для начала я заставил оборудовать все лущильники ящиками и прицепить бороны.

– Не надо этого делать! – страдальчески возразил тот, но я умел настоять на своём.

Мы были вместе в поле, когда отрегулированный мной агрегат врезался в почву и начал по-настоящему кромсать и выдирать сорные растения. Вместе с сорняками диски стали извлекать ещё палки и другие древесные остатки, которые вскоре забили бороны и те стали волочь землю.

– Видишь, я же говорил, что так нельзя, мы ещё больше вреда наделаем. Ты прав, не все сорняки срежутся, но и палки в земле останутся. Пусть перегнивают.

– А кто тебе сказал, что положение безвыходное? Таких полей немного. Снизим норму выработки, я подготовлю проект приказа, Копотилев подпишет. У нас есть полупустые ящики, нужно только периодически очищать бороны и складывать всё, что они насобирали, в них. А на краю поля выгружать, зато на следующий год картина будет уже совсем другая. Не веришь? Сколько здесь гектаров? Двадцать? Ты езжай, у тебя других дел много, а я останусь, и мы вместе с твоим трактористом до вечера поле очистим.

На следующий день, подъезжая к похожему полю, я увидел, что два трактора лущат, но борон за лущильниками нет.

Ящички есть, а борон нету. Вывороченные палки валяются тут и там, напоминая почерневшие кости неведомых животных, павших в борьбе с наступающей цивилизацией. По ним завтра поскочит сеялка. А как будут подбирать валки? Ведь подборщик гребёт с земли всё подряд. Бедные подбарабанья! Я не знал тогда, что здесь зерновые убирают только напрямую.

Николай нервно ходил по краю поля, поджидая меня.

– Трактористы бунтуют. Сказали, что они не рабы и не идиоты, чтобы каждые пять минут останавливаться и очищать бороны. Тяжело.

– Я знаю, что тяжело. Но мы же вчера договорились. Дай им помощников.

– Нет у меня лишних людей. Каждый человек на счету. Будем паровать – подчистим, обещаю, раз уж это для тебя так важно. Не психуй, здесь нельзя так сразу всё ломать. Постепенно надо.

Но я «психанул». Лицо моё исказилось, я огрел ни в чём не повинного коня плёткой и рванул в галоп. Мест этих я не знал и вслепую направил его между двух закраек леса. Последнее, что я услышал, был крик управляющего:

– Не дури! Здесь опасно!

Морда лошади упёрлась в ельник. Трава вокруг была нетронута. Здесь явно никто никогда или, по крайней мере, давно, не ездил. Ни колеи, ни тропинки. Я слез с седла и подошёл к тугой чаще. Отодвинул лапу и услышал гул, который, поджидая добычу, производили своими крыльями миллионы, а, может, и миллиарды комаров и гнусов. Нехороший холодок прополз по моей спине.

Я огляделся. Ехать можно было куда угодно. Хоть направо, вдоль ельника, хоть налево, хоть назад. Но путей назад было не три, как в сказке, а целых пять.

И тогда я вспомнил его. Тот самый очерк в «Комсомольской правде» за прошлый или позапрошлый год, где описывался случай с одной студенткой агрономического факультета Тимирязевской сельхозакадемии, которая была направлена для прохождения шестимесячной производственной практики в один из

северных колхозов Омской области и там пропала. Как же называлась та деревня? Мартыново? Мортышево? Морташево? **Мартюши!** Ну конечно же Мартюши, где убили Лизу Разгуляеву. На картах её обозначают как Мартюшово, но в разговорной речи – Мартюши. Вот ведь как мир тесен.

Дело было в начале мая.

Сельскохозяйственные работы уже начались, но погода стояла холодная и с неба то и дело сыпала снежная крупа. Тепло одевшись (наверное, вязаная кофта, фуфайка, шерстяные носки, резиновые сапоги, платок, гамаши, (или рейтузы?), я в этом плохо разбираюсь, но брюк тогда девушки не носили и выглядели куда более привлекательнее, чем сегодняшние их сверстницы), практикантка пошла на поле смотреть, как работают трактора. *(Старый пенёк, тебе сколько лет тогда было, а сегодня сколько? Эксперт, б...!)*

Агронома, как и волка, ноги кормят, поэтому она пошла по дороге, шла, шла, *(конь ей не полагался: если каждому практиканту коня давать, в стране лошадей не хватит)*, и услышала, как за лесом гудит трактор. Практикантка обрадовалась и решила спрямить путь. Свернула с дороги и рванула напрямик через чащу, благо комары и гнус в ту пору ещё не проснулись.

Нашли её через две недели в Васюганских болотах. Она прошла что-то около 300 километров. Ей здорово повезло. Аномальный весенний холод с ночными заморозками не давал болотам быстро оттаивать, и она шла по сравнительно твёрдой поверхности. Была тепло одета и выдержала заморозки. Питалась клюквой и брусникой, которые после зимы ещё не сгнили. Когда тайга осталась позади, не стала возвращаться в неё, а старалась держаться открытых мест. Верила, что её ищут. Там было ещё что-то про медведей, но я забыл. То ли они ещё спали в берлогах, то ли женщины умеют так страшно кричать, что их боятся даже медведи.

От Егоровки до Васюганья было ближе, чем от Мартюшей.

Я повернул коня задом к ельнику и опустил поводья. Через полчаса он вывез меня на дорогу. Николай был ещё на

поле. Я подъехал и сказал, что он прав: будем чистить в паровых полях.

В моём рассказе не главное, что я делал. Все в своих индивидуальных ситуациях что-то делали, вполне возможно, что куда более серьёзные вещи. Важнее, каким я был, что я чувствовал и что определяло мои действия. Ну вспоминай же, вспоминай!

Мне кажется, я напоминал шаровую молнию, которая во время грозы через открытую форточку проникла в комнату и парила там от одного предмета к другому к ужасу находившихся в ней людей. Взорвётся или уплывёт тем же путём, что и приплыла?

– Вы какой-то бешеный, – сказал мне Копотилов накануне уборки. – Здесь нельзя так. Здесь спокойнее надо. Не распляйтесь. Сосредоточьтесь на егоровском токе. Он главный. Хлеб обмолотят и привезут без вас. Зерно сырое, потому что убирают напрямую. Его надо спасать. Провеивать, сушить. Главное – семена. Работы по горло.

Возможно, закрепляя меня за током, председатель исполнял пожелания управляющих и бригадиров. Те нутром чуяли, что я буду экспериментировать и со способами уборки. Зачем сушить зерно на мехтоках, если на чистых старопахотных участках его за неделю теоретически можно высушить в валках? Но это же постоянное переоборудование. Жатка, мотовило, подборщик, снимать, ставить. Господи, пусть он сидит на току и мучает командировочных!

Конечно, со временем я бы успокоился, найдя по всем проблемным вопросам какое-то компромиссное решение, устраивающее все стороны. Я ведь не упёртый рогами в землю хохол. Я белорус. Со мной можно решать вопросы.

Но на Егоровку судьба отпустила мне чуть больше шести месяцев. Ладно, не шаровая молния. Метеор. Прилетел, что-то там осветил и угас.

Девчата из омских предприятий и организаций, бывшие в колхоз, как и во все остальные совхозы и колхозы области, для помощи в уборке урожая, на первой встрече дер-

жались настороженно и общее мнение высказала старшая из них:

– Мы будем делать то, что нам положено, но трудовых подвигов от нас не ждите. У вас и свои люди есть, пусть по домам не сидят и не пьют, а тоже работают. *(У городских это очень распространённый взгляд на деревенских жителей, как правило имеющий под собой основанием лишь встречу у магазина с парой люмпенов, которых сама деревня уже давно отторгла.)*

Бедная горожанка! Она не поняла, в чьи руки попала. Через неделю все 15 девчат стали Ударницами коммунистического труда, а старшая – моей первой помощницей, которая не только сама работала, но ещё и подбадривала остальных:

– Девочки, девочки! Нам повезло участвовать в настоящем деле! Судьба выращенного урожая в наших руках. Не надо, девочки, смотреть на часы!

Я организовал круглосуточную работу тока и мы, дожидаясь транспорта, который должен был вывезти зерно на элеватор, держали его «в воздухе», не давая согреться. Параллельно начали сушить семена.

Меня завораживала магия коллективного труда. Я до сих пор считаю его самым лучшим, что социализм дал людям.

Заведующая током, которая была ещё и заведующей складом, не могла на меня нарадоваться. Я взял на себя большую часть её забот. Она имела теперь возможность вечером на пару часов отлучиться и управиться с хозяйством. Подоить корову, уложить детей. Я подстраховывал.

У меня не было дома в общечеловеческом смысле, не было охоты в него возвращаться. Единственным родным мне человеком был только Димка. Что сразу не сложилось, то уже не сложится никогда. Если у вас в самом начале отношений было несколько счастливых дней с обоюдной радостью, то воспоминания о них можно растянуть на всю жизнь. Жест, слово, взгляд, поступок. Видишь, Мир, какой я неприхотливый. Но растягивать было нечего. Приходить к укорам и вечно недовольному выражению лица лучше позже, чем раньше. Ты

встреть с добром, с радостью на лице, глядишь, я в другой раз и потороплюсь. А так я замыкался в себе. *(Не по хорошу мил, а по милу хорош.)*

Домом стала работа. Люди дарили мне своё тепло, я отвечал им взаимной привязанностью. От официального веяло холодом и постоянным недовольством.

В «обитель зла» нужно было ещё попасть. Пусть я плохой муж и на меня при желании можно навешать всё, что угодно, но все знают, что я не хам и во мне живёт деликатность. Глухие места, дом на окраине, молодая женщина с маленьким ребёнком, вечно где-то болтающийся призрак мужа, как обезопаситься? Она стала закрываться на крючок. В обед, когда отдыхала с сыном, вечером, когда ложилась спать. Нет, тут всё правильно, мало ли что? Ей тоже хватало забот за целый день. Спите, отдыхайте, я не потревожу вашего отдыха.

К дому была сделана пристройка, которая начиналась сенями и заканчивалась кухней. Окно кухни выходило во двор. Столкнувшись в первый раз с закрытыми дверями, я не стал возмущённо стучать ногами в дверь и барабанить по стеклу, а подставил чурбак к кухонному окну, отвернул гвозди, которые удерживали раму и снял её. Забраться внутрь не составило особого труда. Ногами на стол, потом на табурет и ты уже дома. Главное, чтобы жена в темноте с испуга не преставилась. А так, зачем нам двери? Я и днём, и ночью окном пользовался.

Глава 12

ПРО АРИСТОКРАТИЗМ «СОВКА»

– Наверное строже надо было, – вслух рассуждает Мир.
– Как сам сегодня считаешь?

– Ругани лишней не хотелось. Это кто абсолютно прав или в благоустроенной квартире живёт, может себе такую роскошь позволить. Я своих жён никогда не воспитывал, они портились естественным эволюционным путём.

Выпивать приходилось. Ситуации разные в течение дня складывались. Приглашали, угощали, события отмечали, за помощь благодарили, сами мужики скидывались. Аванс, получка. Если алкоголь присутствовал, то он и должен был когда-то потреться. А в том, что выпить надо, сомнений ни у кого не возникало.

Я пытаюсь осознать двусмысленность той ситуации и найти виновных. Государство? Его задача выставить алкоголь на прилавок, и беда тому кооператору, который окажется нерасторопным. Около четверти бюджета того времени – это выручка от продажи алкоголя. Зарплата учителей, врачей, военных, милиционеров. И в то же самое время лозунг: «Пьянству бой!»

Потребитель? Каждый действовал по своему разумению и темпераменту, но страну мы не подводили и палки ей в колёса не ставили. Лично я не считаю алкоголь вселенским злом, в определённых ситуациях он приносит не только удовольствие, но дарит душе гармонию с окружающим миром: «Да пошло бы оно всё... лесом!» Другое дело, какова была цена, да, да, самая обычная материальная цена этой гармонии. По моим наблюдениям и подсчётам изъятие денежных средств у населения за счёт продажи вина и водки носило в те годы привычно беспрецедентный характер, но, как бы в качестве компенсации за беспредел, порождало аристократов духа. Мужик в рваных штанах платил за бутылку столько же денег относительно своей зарплаты, сколько сегодняшний немец из «Мерседеса» в элегантном костюме с шёлковым галстуком платит за элитный алкоголь относительно

своей. И это ещё вопрос, кто из них аристократичней? Немец то мнётся, что-то выгадывает, у него есть выбор. А русский на последние, без сдачи. «Действительно, было в Михал Иваныче (*деревенском забулдыге*) что-то аристократическое. Пустые бутылки он не сдавал, выбрасывал. – Совестно мне, – говорил он, – чего это я буду, как нищий...». Сергей Довлатов. «Заповедник».

Вы, сегодняшние мудозвоны, прежде чем разбрасываться словом «совок», сначала встаньте с ними вровень. Не по пьянству, а по величию духа и широте души.

– Что мы всё про работу, да про работу, как будто другой жизни нет, – сказал мне однажды Николай. Поехали в Межевную, я тебя со своим одноклассником познакомлю. Он у нас художник. Талант. Да сам увидишь. Поехали, не пожалеешь.

Зашли в магазин, сложились, купили бутылку водки, поехали на моем мотоцикле. Хозяин возился во дворе, отдыхал от пастушьей смены. Пригласил в дом. В сенях сунул огромную пятерню в кадушку с солёными огурцами и зачерпнул сколько мог. Достал из буфета железную миску и высыпал их в неё. Нарезал хлеб. Выложил на стол шмат солёного пожелтевшего сала. Жил он с матерью, то ли не женился ещё, то ли успел развестись. Дом небольшой, обстановка по-деревенски простая, больше самодельная, деревянная.

Выпили по первой, налили по второй. Огурцы были замечательны, а сало таяло во рту. Я уже говорил, что свиньи в тех местах пасутся, отсюда и аромат. Николай всё поглядывал на меня заговорщицки, вот, мол, сейчас увидишь, но одноклассник не торопился, и только когда бутылка опустела, полез рукой за шкаф и вытащил картину в раме. Это был парадный портрет Брежнева во всём блеске его орденов, а чтобы ни у кого не возникало сомнений в сходстве, к картине был пришпилен оригинал, вырезанный из журнала «Огонёк». Героями следующих картин должны были стать маршалы Жуков и Ворошилов.

Мы тепло простились с Мастером. Николай был вообще счастлив, знай, мол, наших. А я, не умеющий рисовать, совершенно расчувствовался.

Меня сегодня удивляет тогдашняя способность людей вовремя останавливаться. Выпили бутылку на троих и хорош, надо дальше работать. Видимо, высокая цена являлась сдерживающим фактором, как это практикуют сегодня скандинавы. Можно представить себе, что творилось бы в стране, если бы пол литра водки стоили 37 копеек.

– Что за расчёты? Мои собственные, Мир. Вот смотри...

В теории соотношения цен я исхожу из официальных данных. В СССР средняя заработная плата в 80х годах составляла 180 рублей. *(Да, составляла, не надо чересчур уж прибедняться и на оклады ссылаться. Премии были, 13-я зарплата, доплата, «левый» приработок.)* В сегодняшней Германии – 3700 евро брутто. (У меня лично – 2400. У моих коллег, учившихся на свои специальности, на 250 евро больше. Мы проходим по ведомству сельского хозяйства. «Второй сорт», как скал бы паразит.)

Пускай «бедный совок» куда-то денет 60 рублей, что маловероятно, если у него нет долгов, и на **жизнь** ему останется 120. Пусть «средний» немец сделает все социальные выплаты, которые составляют треть от его зарплаты, и оплатит жильё, на **жизнь** ему останется 1200 евро.

А теперь внимание! Булка серого хлеба стоила в СССР 16 копеек, в сегодняшней Германии равная ей по качеству и весу 1,60 евро. *(С 2023 года уже 3,20)*

Но наш тогдашний советский хлеб был вкуснее сегодняшнего немецкого и вообще не идёт в сравнение с сегодняшним российским.

Когда отец сунул в карман 600 рублей и пошёл в 1965 году в совхозный магазин покупать чёрно-белый телевизор «Берёзка», это выглядело, **как если бы** я сейчас поехал в «Media Markt» и стал требовать продать мне телевизор за 6000 евро. На меня посмотрели бы уважительно-опасливо, и постарались бы объяснить, что таких дорогих телевизоров у них нет. Раньше, когда плоские телевизоры только-только стали выпускаться, их можно было купить за 28000 марок, но сейчас таких цен не существует.

Когда он с молчаливо-любопытного согласия матери пошёл нас пообедать в вагон-ресторан и заплатил, без выпивки, за двух взрослых и трёх ребятишек 25 рублей, это выглядело, **как если бы** я просто пообедал за 250 евро.

Мы не брезговали ресторанами, когда отдыхали на море, но вечернее удовольствие с живой музыкой, вином и хорошей кухней не стоило для нас в Болгарии более 50 евро. *(Это он вспоминает о конце 90-х и путает марки с евро. Сегодня, пожалуй, цены сравнялись с вагон-ресторанскими. Болгария стала частью Европы.)*

Мать привезла мне в общежитие костюм (все примеры я беру из уже опубликованных частей «Броуниады»), за который в промтоварном совхозном магазине заплатила 80 рублей. Когда, спустя почти полвека, мне снова понадобился новый костюм в связи со свадьбой дочери, я стал его искать.

Это только кажется, что их много, свой надо именно найти. У меня один висит в шкафу, но я в него уже не влезаю.

Это ещё до коронавируса было, без масок люди ходили. Из-за него, кстати, уже назначенная свадьба так и не состоялась. Но костюм я купить успел. Теперь спокоен, будет в чём в гроб положить.

Искал, искал и, задумавшись, зашёл не в «свой» магазин.

Тихо играла музыка, сотни костюмов висели на вешалках, а мягкое половое покрытие скрадывало шум шагов. Я очнулся, но просто повернуть назад и выйти не позволила гордость. Где-то в глубине помещения маячила женская фигура и я направился к ней. Очень ухоженная продавщица в хорошем возрасте с ободряющей улыбкой вышла мне навстречу. У меня нехорошо засосало под ложечкой.

– Доброе утро. Мы рады вас приветствовать в нашем торговом заведении. Что господин желает приобрести?

– Мне костюм нужен, для свадьбы.

Уголки глаз шикарной дамы вопросительно приподнялись.

– Да нет, вы меня неправильно поняли, у меня дочь замуж выходит. Поэтому мне костюм и понадобился. Мне нужен

56 размер, потому что, вот, живот выпирает, сложно подобрать что-то подходящее. Давайте, вот этот примерим.

Краем глаза я успел заметить на ближайшем костюме моего размера бирку с ценой в 150 евро. Дороговато, но пойдёт, если что.

– Баух, вот, всё портит, сказал я самокритично.

Продавщица посмотрела на меня укоризненно. У мужчины, примеряющего пиджак за 150 евро, не может быть физических недостатков.

– Пригласим портного, всё подгонит по фигуре. Возможно, придётся подправить и брюки. 300 евро за хороший костюм - вы сделали очень правильный выбор. И цвет вам к лицу, подчёркивает вашу мужественность.

– Я очень рад, что посетил ваш магазин. И ваши предложения очень привлекательны. Возможно, я ещё вернусь к вам, но хочу ещё походить по другим магазинам, вдруг, встречу что-то интересное. Чёрт, (в первом варианте предложения автор употребил более жёсткое выражение), ну что же я сразу не сообразил, что за брюки надо платить отдельно!

Слушай, Мир, если она со мной была так любезна за 30-ти рублёвый костюм, то что бы они делали, если бы я пришёл покупать 80-ти рублёвый. Облизали бы всем магазином с ног до головы?

В Куспеке продавщица обыденно взяла из рук матери деньги и кинула их в кассу. Господи, делов то, костюм из шерсти за 80, вон, за кримпленовый какая битва идёт.

Необходимый, как тогда мне казалось, наряд (ну не унижаться же перед американцами) я, как и было уже выше сказано, купил. В «СаА». Где одеваюсь уже много лет. Там практически нет продавщиц, из-за экономии остались одни кассирши, которые, перемежая деятельность, тянут на себе магазин.

– Не может быть, чтобы такой хороший костюм стоил 129 евро. Я пойду посмотрю, – забеспокоилась дама на кассе, благо очереди не было. Ей, по-видимому, пришла в голову мысль, что я содрал с брюк бирку с ценой и оставил только на костюме. Разные господа по магазину ходят.

– Да, вы правы, он так стоит. Это ангебот месяца. Вам очень повезло.

Турок-портной за 10 евро подрубил мне брюки, сделал комплимент костюму, и теперь я спокоен. Буду лежать в гробу как огурчик. Только надо ещё, по совету турка, докупить чёрные лаковые туфли.

Там были ещё костюмы за 60 евро, но мой совковый аристократизм не позволил прицениться к вещам за 6 рублей. Западло!

Когда отец, решив «обмыть» баян, купил две бутылки водки и банку «Сайры в масле», он заплатил в кассу что-то около 9 рублей. **Если бы я** сегодня попробовал повторить его действие, я вынужден был бы пойти в самый дорогой магазин города Вюрцбурга и там искать пол литровые бутылки водки по 40 евро за каждую. Они существуют: сумасшествие не отменяется. В стоимость включена цена снобизма покупателей, а содержимое бутылок отличается мало. Спирт как спирт, может быть только лучше очищенный от сивушных масел.

Считая себя в какой-то мере профессионалом, я не собираюсь платить за этикетки *бешеные*? деньги, а при нужде иду в «Алди», где, *«по совету друзей»* (привет славному племени Швеглеров), покупаю бутылку «Черви» за 5 евро или в «Реал» за «Фьёровкой», которую я долгое время считал «Фёдоровкой», поскольку на её этикетке изображён православный собор, возможно, собор Василия Блаженного в Москве. И тоже, как и «Черви», по 5 евро за бутылку ёмкостью 0,7 литра. Качество прекрасное, поверьте мне на слово. И цена держится на одном уровне уже лет пятнадцать.

Делаем несложные расчёты и выясняем, что пол литра этого напитка стоят 3,67 евро, что мистическим образом напоминает 3,62 рубля – цену водки в СССР в пору моего жизненного становления. Делим, согласно вышеприведённой теории, на 10 и получаем искомые 37 копеек.

Немец – многостаночник, из-за доступности выбора он оперирует возможностями на порядок выше русского. Отправ-

ляясь на очередную гулянку с моими товарищами по работе, я с тоской думаю, как мне выжить. Ведь утром ещё и на работу.

Приходят все, это как кодекс чести. И я прихожу. Когда уезжаем на виноградники с ночёвкой, стараюсь относительно пораньше лечь (возраст, месье, возраст), но утром встаю раньше всех и могу потом, когда они все ошалелые от недосыпания стягиваются к столу, в качестве мастер-класса выпить три рюмки шнапса, запив их пивом, за что имею заслуженный авторитет.

Себестоимость литра этилового спирта составляла в те времена около 5 копеек, может, 7, а из литра после разведения водой выходило 5 бутылок водки. Меня всегда удивляла эта цифра – 5 копеек. Тот, кто гнал самогон, знает, что из килограмма сахара выходит литр. А сахар стоил 80 копеек. Если из килограмма пшеницы, которая стоила 6 копеек, можно было получить литр спирта, то я не буду настаивать на своих сомнениях, а если нет, то выходит, что гнали из всякой дряни, что могла бродить. Прибыль для государства от продажи алкоголя была баснословной, ибо, как писал один иностранный корреспондент, побывавший в те годы в СССР, в стране много только денег и водки, всё остальное в дефиците.

– Ты выше обронил две интересные фразы о том, что немцы пьют, но не спиваются, и что творилось бы в Советском союзе, если бы водка стоила 37 копеек? Не мог бы ты прокомментировать эти моменты более подробно?

Мир, как старый добрый учитель, гордится своим учеником, то есть мной, создавшим свою оригинальную теорию соотношения цен и хочет её ещё посмаковать. По-моему, это доставляет ему удовольствие. Не будем обижать и разочаровывать старика.

– Ты, как всегда, прав и сразу находишь рациональные зёрна, скрытые в плевелах тенет. *(А что, и такое бывает?)* Работать с таким соавтором, как ты, не только счастье, но и честь.

Шаркнул ножкой неплохо. Мир к этим вещам неравнодушен, приучен к лести всем ходом истории. Но он хороший, толковый, ради дела через себя может переступить. Он истину любит.

– Немец, Мир, не может позволить себе разгула, потому что он на «колёсах», или, вернее сказать, «за рулём». Потеря водительских прав с последующей, порой, неоднократной сдачей «идиотентеста» по-настоящему его пугает. К тому же они предпочитают хоть и в больших количествах, но лёгкие алкогольные напитки. А вот по поводу того, что случилось бы в стране, стой водка копейки, давай разбираться.

Водки много не выпьешь: или память потеряешь, или она (водка) обратно ползет. Настоящих питухов цена никогда не останавливала, пропивались до выноса вещей из дома. Были они пьяны каждый день за 3-62, то же самое было бы и за 0,37, только в семье больше бы денег оставалось. Самогон перестали бы гнать. Кому суждено было от водки помереть, умерли бы, возможно раньше по сроку.

Но ведь основная масса потребителей не профессиональные алкоголики, они просто любители выпить. И совершенно отдают себе отчёт, когда выпить можно, а когда нельзя, потому что надо ещё и работать, дело делать. Выпивка для них праздник, отдохновение от трудов. Водки хочется, когда её нет, а когда стоит везде и ничего не стоит, то и относились бы к ней спокойней. Опять же, в семье больше бы средств оставалось, на книжку бы клали. Богатство, оно затягивает. Глядишь, крохоборы вообще бы пить перестали.

Но, по здравому размышлению дешёвая водка принесла бы людям больше вреда, чем пользы. Бюджет государства затрещал бы по швам, начались бы перебои с зарплатой. Недовольство. Не водкой единой жив человек. Так что, 3-62 мудрее, чем 37 копеек.

– Я тебе, Мир, лучше на примере той же Егоровки покажу, как практически выглядел симбиоз между жителями села и алкоголем. Вот слушай.

Целый месяц ничего не происходило. Возле продуктового магазина на въезде всегда толпился народ – женщины, пенсионеры, пара-тройка местных люмпенов. Магазин – место встреч и место общения, ну не в клуб же с утра идти, ей Богу. Люмпены скидывались, иногда в долю с ними вступали пенсионеры,

выпивали тут же, возле крыльца, закусывали, разговаривали. Пенсионеры шли по домам, люмпены оставались. Женщины тоже покупали водку, и все знали, что это для дела: семейные праздники, хозяйственные нужды, лекарство. Жидкая валюта. Иногда заскакивали работяги, тех отоваривали без очереди. Значит надо, зря бы не заезжали.

Весь месяц село добросовестно трудилось и совершенно спокойно обходилось без милиционера. Наступал день зарплаты. Механизаторов из полеводческих бригад привозили в контору к окончанию рабочего дня, они получали в кассе деньги и подтягивались к магазину. Животноводы и доярки с летних доек уже при деньгах, выданных им ещё днём, смотрели на остальных завистливо, но им предстояло ещё вечером подоить коров. В этот день продуктовый магазин становился средоточием вселенной.

– Давай, по-быстрому, берём пузырь и валим отсюда, – нервно сказал Николай, когда мы на моём мотоцикле в конце рабочего дня подъехали к магазину. – Сейчас здесь начнётся...

«Мы тоже люди, мы тоже любим...», – пел солдатский вокально-инструментальный ансамбль в куспекском клубе в пору моего студенчества. Я был на каникулах, а авторота прибыла для оказания помощи в уборке урожая.

Возбуждённые люди проявили уважение и пропустили нас без очереди.

– Главное, что они без техники, а там, что хотят, то пусть и делают. Ну, будем!

В день полочки магазин работал столько, сколько надо. Я подвёз управляющего до его дома и неспешно покатил к своему. Путь мой пролегал мимо магазина. Два десятка людей, скучковавшись группами пили, ели, курили, громко разговаривали. Если не их называть счастливыми, то кто тогда счастлив под этой луной? Подъехала машина с животноводами, люди высыпались из неё, как десантники. Шофёр игриво посигналил и укатил. Новоприбывшие кинулись в магазин.

Пили все. Пили латыши, пили эстонцы, пили белорусы, пили русские. Немцы пили тоже. И им было хорошо в эти мину-

ты. Кто-то покупал водку и шёл в свою дружную семью. Гуляние растекалось ручейками.

Пять лет спустя, будучи уже главным агрономом совхоза «Новосветловский», я оказался участником примерно такого же стихийного пиршества и сохранил о нём память, как об одном из лучших дней своей жизни и единения с моим народом. Я обязательно расскажу эту историю, и о чувствах своих расскажу, только немного позже, когда спираль приведёт нас в те удивительные места.

Отдал жене все деньги, тут же отделив от кучи пятёрку на карманные расходы. Поужинал. Она привязалась к запаху.

– С мужиками получку немного отметили. Ты ведь видишь, что я не пьяный, а только выпивший. Давай, доставай бутылку, посидим вместе, поговорим, повспоминаем, куда и запах денется...

– Ещё чего, что я, алкашка какая? *(Бог за какой-то грех наказывал его непьющими жёнами.)*

Слово за слово, делать в доме стало нечего. Пошёл во двор колоть дрова, силой своей играючи. *(Наглеет понемногу автор, кавычки забывает ставить.)* Поработал. Уже хорошо стемнело, но светила луна. Выглянув за ворота, увидел, как в темноте от магазина шли несколько человек, видимо последние из могикан. Ну, шли, это не совсем верное слово. Их мотало, как матросов в шторм по всей ширине улицы. До своих хат дошли не все. Двое сошли с дистанции и до утра легли на травянистую обочину.

Всё, пропала Россия! Пропал колхоз им. Свердлова!

Как бы не так. Рано утром, в 5 часов по селу проехала машина и собрала всех, кто должен был ехать на фермы. Прочесали и обочины. К семи утра потянулись к конторе механизаторы.

Это твоё личное дело, что с тобой происходило вчера. А сегодня, будь добр, на работу. Кому легко? Всем тяжело, не тебе одному. Но есть такое слово – «надо». «Сделай или сдохни» – широко известное в викторианскую эпоху английское присловье, долженствовавшее отражать незыблемость саксонского

духа, в СССР приняло более жёсткую форму — «Умри, но сделай!». Чуете разницу?

Прогулы из-за пьянства были, конечно, но на таких «умников» ополчалось всё село, как начальство, так и сами рабочие. Сельские сходы собирались. Клеймили отступников. Если кто-то «сачковал», то его часть работы должны были брать на себя остальные, которым и своих забот выше головы хватало. Это сельское хозяйство, там всё живое и работать надо каждый день.

Кто-то похмелялся, кто-то глядеть на спиртное утром не мог, но как-то выходили из положения. Какой-либо катастрофы на производстве не происходило. Те из писак, которые пытаются представить читателям советскую деревню как сборище každодневных пьяниц и лентяев с руками, растущими из жопы, просто понятия не имеют, о чём они пишут. Таких без сожаления надо приговаривать к смертной казни, заменяя её в последний момент помилованием и пожизненной ссылкой на животноводческую ферму. Брезентовые рукавицы, амбре и радость коллективного труда. *(Где-то зацепил информацию, что в сегодняшней России ни одна уважающая себя новокapиталистическая собака не желает работать на ферме самолично, а нанимает гастарбайтеров из республик бывшего СССР, которые за очень умеренную плату корячатся там с утра до ночи, живя в одном помещении вместе с животными.)*

Какие уж личные «восхождения» и трудовые подвиги происходили утром после вечернего обмывания полочки я вам не буду живописать, потому что там не присутствовал. Но, как рабочий-лагерист, переживший уже 23 коллективных празднества Рождества в очередном ресторане, после которых наутро надо идти работать, я твёрдо знаю, что они были. И закончу эту тему анекдотом, чтобы не ворошить былые боли. Приезжает доярка после зарплаты на утреннюю дойку, совсем никакая и говорит корове: «Я не смогу тебя подоить, у меня сил нет». А корова свою доярку любила, потому что та за ней всегда хорошо ухаживала и была доброй. «Ладно, не горюй, придумаем что-нибудь. О! Подставляй ведро. Ты за мои соски держись, а я буду подпрыгивать».

Глава 13

«Я УЕДУ ИЗ ЭТОЙ ДЕРЕВНИ...»

Хороша была Егоровка, но книга не безразмерная. А мне ещё предстоит ответить на очень щепетильный вопрос, почему же я её покинул, да так скоропалительно, что у читателей может возникнуть подозрение в совершении мной какого-то неблагоприятного поступка, несовместимого с дальнейшим пребыванием в должности. Спешу успокоить моих равнодушных читателей: проступка я не совершил или, скажем скромно, не успел. Наоборот, я был вознесён на пьедестал почёта очерком, опубликованным в районной газете «Ленинский путь». Он занимал чуть ли не половину страницы (*формат районных газет был в то время меньше центральных вдвое*) и имел многообещающее название «**Начало**».

Запой В. Чекмарёва в своё время спас меня от подобного позора в масштабе области, но он (позор, естественно), настиг меня в таёжной глубинке.

– Иван, я не виноват! Я с ним вообще не разговаривал про работу, – это были мои первые слова, которые я, пунцовый от стыда, произнёс, войдя утром в кабинет секретаря парткома колхоза. Пытался поймать его взгляд и не мог этого сделать, потому что он всё время отводил глаза в сторону.

У, вторая древнейшая!

Я не знаю, кто был инициатором этой публикации. Возможно, было письмо в редакцию от сельского корреспондента, они есть в любом коллективе, и это могла быть моя «Тамара Ивановна» или кто-то другой. Возможно, мои товарищи по комсомолу вспомнили обо мне. Но, выбирая между мной и Колей Ефимовым, они выбрали бы героем очерка его. Он был им ближе. Возможно, Гудков дал команду поддержать «таёжника». Мысль о том, что я делал что-то такое, что не укладывалось в привычные рамки, приходит в мою голову последней.

В очерке действительно не было ни одного моего слова. Там обо мне говорили другие люди. Хорошо говорили, от сердца.

Да вот только сам строй повествования был ужасен. Автор противопоставлял меня и Ивана. Я, как агроном, хороший, а Иван был плохим. И там, и там он делал неправильно, а я правильно.

Дорогой автор, мой предшественник работал три года, а я только несколько месяцев. Я просто ещё не успел совершить своих ошибок. А то, что урожайность оказалась на пару центнеров выше, так то заслуга Бога, а не моя. В ней не было моей осознанной воли. Иван Адольфович, которого я по-человечески очень уважал, работал секретарём парткома. Кто после этого может сказать, что партийцы у нас были вне критики.

«Продвинутые» корреспонденты, которые через несколько лет станут «демократами», ещё в те годы отсыпались на них по полной.

Надо ли говорить, что появление этой публикации жена моя восприняла как своё личное оскорбление. У неё уже сложился другой мой образ, противоположный газетному, деталями которого она охотно делилась со знакомыми. Привыкшие ко всему егоровцы деликатно отмалчивались. Газета с очерком была на моих глазах уничтожена.

Давайте, я скажу вам, что это последняя глава первого повествования книги. В следующем речь пойдёт уже о Казахстане. Это заставит меня дисциплинироваться и прибавит повествованию скорости. Эпопея эпопеей, но совесть тоже надо иметь.

– Я хочу повидаться со своей сестрой.

– Никаких возражений. Поезжай, я сам управлюсь с хозяйством. До Тары тебя довезут, организую. А дальше на «Икарусе», прямо до места.

– Нет, я хочу с тобой и на машине.

– У меня нет машины, только мотоцикл.

– Попроси у председателя, вместе с шофёром. Он тебе не откажет.

У Копотилова кроме пятиместного «ГАЗ-69» были ещё и «Жигули», почти новые. Я попросил, и он пошёл мне навстречу. Выехали в пятницу, с расчётом вернуться обратно в воскресенье вечером. Шофёром был приятный, спокойный белорус, муж той самой заведующей складом и током, о которой я уже упоминал.

Старшая сестра моей жены Руфина и её второй муж Коля, отработав пять лет (а может и больше), в Якутии, вблизи

города Мирный и проживая там в «балке», сумели скопить денег, переехать в посёлок Любино, что в 50 км от Омска и купить там частный дом.

Руфина устроилась главным экономистом на Любинский молочный завод, производивший различную молочную продукцию, в том числе и знаменитое «Сгущённое молоко», которое соответствовало тогдашнему ГОСТу, и ни в какое сравнение не идёт с современными поделками и подделками. Николай, тоже имея высшее образование, получил соответствующую должность в одной из организаций.

Соскучившиеся по человеческой жизни и теплу северяне завели пасеку. Угощали медовухой, от которой голова оставалась ясной, а вот ноги не слушались. В воскресенье вечером вернулись в Егоровку. С Руфиной у меня сложились хорошие, доверительные отношения, которые сохранились и после развода с женой. К прискорбию, она рано умерла. Рак.

Из Егоровки я уехал из-за жены. Попал туда из-за неё и уехал из-за неё. Вместо того, чтобы по-человечески поговорить со мной и вместе найти какой-то приемлемый компромисс между работой и домом, она стала предпринимать шаги, которые, только углубили отчуждение между нами. Это не было трагедией, но драма разыгрывалась нешуточная. Какой единственный выход был из создавшегося положения? Успокоиться и начать жить. Тем более, что впереди маячила более спокойная для агронома зима. Стать обычными деревенскими жителями, с их ежедневными заботами. Своими среди своих. Но для этого надо было сначала стать семьёй. А семья у нас не сложилась, не было ни взаимного уважения, ни дружбы, ни тяги друг к другу. Всё где-то растряслось по дороге.

Сначала она вызвала своего брата Тимура. Я не знаю, что она ему говорила, но тот приехал с намерением драться. Обида переполнила моё сердце.

– Что вы, как собаки на меня кидаетесь? Я тебе что-нибудь плохого сделал? Приехал в гости, садись за стол, ешь, пей, разговаривай. Мне перед тобой каяться не в чем.

Потом она вызвала свою мать. Мне мужики подсказали, что тёща, мол, к тебе пожаловала. Поэтому, подъехав к дому, я не стал сразу в него заходить, а принялся рубить дрова во дворе, демонстративно показывая свою хозяйственность. Через час,

открыв дверь в дом, я застал окончание нешуточной словесной битвы. Наверное, мать попыталась дать моей жене пару житейских советов, но корм был не в коня. Им было не до меня, и я, уйдя в другую комнату, слышал, как жена кричала, что мои родители хорошие, а вы все плохие, на что уважаемая мной Евдокия Григорьевна резонно кричала в ответ, что, ой, смотри, Татьяна, ой, смотри, не плюй в колодец. Наутро она уехала, хотя могла бы пожить, помочь, была уже на пенсии.

А потом приехал мой отец. Я ещё раз повторяю, что не знаю, о чём она писала в письме к моим родителям, но отец, как и Иван, старался не встречаться со мной взглядом. Эта подлость со стороны жены настолько потрясла меня, что во время нашего общего разговора я не выдержал и заплакал. Гадины!

Ситуация сложилась патовая. Жена не желала здесь жить и просила забрать её в Казахстан, в Куспек. А я, мол, никуда не денусь, приеду. На это были веские основания. Она забеременела и беременность должна была стать козырем, который поможет ей покинуть эту деревню.

Разговор был очень серьёзным. Отец, знающий обо мне из письма что-то такое, что мне и в голову не могло прийти, был настойчив.

– Вам надо переехать жить к нам. И начать жизнь сначала.

Я не мог перенести боль в глазах отца, и пообещал.

Осенью, уже после уборки, в октябре, на самосвале ГАЗ-53 с водителем Николаем Валяевым, он приехал за тысячу километров и забрал мою жену, Димку и наши пожитки. Живность распродали.

Я остался один и в глазах людей стал предателем. Написал заявление на расчёт и стал ждать. Копотилов сразу мне сказал, что мой вопрос будут решать наверху, в Таре.

Поскольку оставаться в доме мне было бессмысленно, я привёл его в порядок и, по сложившейся традиции стал квартирантом в доме одной пожилой женщины, дом которой находился недалеко от продуктового магазина. Иван жил у неё, пока его семья не переехала к нему, теперь вот я. На излёте.

И я понял глубинную красоту деревенской таёжной жизни и тепло заботы. Колхоз платил за меня хозяйке 40 рублей, она считала, что в эти деньги входит и моё питание. Сын её,

кандидат физико-математических наук, жил с семьёй в Москве и преподавал в каком-то институте. Она же была мудра от природы. Но и ей, как и всем остальным, не давал покоя вопрос, почему я, всё-таки, уезжаю. Мы с ней зарезали свинью, об этом я писал в первой книге «Броуниады» и теперь меня будил невыразимо замечательный запах жарящегося на железной буржуйке сала. Да, посреди кухни стояла железная печка. Она её растапливала, чтобы в доме быстро стало теплее, а заодно готовила завтрак. Главную, русскую печь, протапливали вечером. Наступали холода. А ещё баня и клюквенный морс после неё или мочёная брусника с сахаром. Век бы жил у бабушки, как у бога за пазухой.

Я уже не ходил на утреннюю планёрку, а сразу отправлялся на ток, где заканчивалась просушка и очистка семян. Положение моё было неопределённым. Как и предполагал председатель, меня вызвали в Тару на заседание бюро горкома партии. Там я впервые увидел, как по-настоящему борются за кадры. Меня сначала уговаривали, потом стращали, потом опять сулили всяческие блага. На любой мой довод у них находился ответ.

– Как же я могу остаться, если моя семья уехала в Казахстан?

– А вы не волнуйтесь, только скажите, и мы перевезём её обратно.

Начальник районного управления сельского хозяйства сказал, что через месяц он по разнарядке получает новый УАЗ-469, и если я останусь, то свой прежний он передаст мне. Это было неслыханно. Председатели довольствовались «газиками», а агроному заштатного колхоза предлагали УАЗ.

– Значит видели в тебе что-то такое, чего ты сам в себе не замечал. За пустышку не стали бы бороться, – резюмирует Мир. – А может из принципа, кто знает?

Доброжелательность, с которой меня встретили в кабинете из-за моего упорства сменилась неприязненностью. Стыдно было мне. Но не заяц же я, чтобы туда-сюда скакать. Тяжело терять уважение поверивших в тебя людей, и эту тяжесть я пережил тогда в полной мере.

Я не был членом партии, поэтому бюро было не в силах вынести мне наказание. В заключение наших дебатов Гудков сказал:

– Расчёт не производить. Трудовую книжку не выдавать. Наказать по комсомольской линии со всей строгостью. Исключать не надо, но строгача с занесением в учётную карточку он заслуживает.

– А с какой формулировкой? – поинтересовался присутствовавший на бюро Пантелеев.

– За отказ от работы на рекомендованном участке.

Да, была у меня в бумагах такая запись. И строгий выговор с занесением в учётную карточку. *(Через пять лет автора избрали делегатом 19 съезда ВЛКСМ.)*

Во мне видели предателя и некоторые люди на селе считали своим долгом донести до меня это видение. Спасала только моя непосредственность, дружелюбие и то, что на самом деле подлецом я не был, так сложились житейские обстоятельства. Судиться с колхозом я не собирался, не приучен к этим делам, неопределённость тоже не могла длиться вечно.

– У меня приказ вас не отпускать, но мне нужен агроном, а не человек, сидящий на чемодане. Давайте договоримся, вы заканчиваете очистку семян, берёте пробы и доставляете их в районную контрольно-семенную лабораторию. Кроме вас это сделать некому. Семеновод ушла в декретный отпуск. После этого вы свободны. С трудовой книжкой что-нибудь придумаем. У вас есть время, Иртыш ещё не стал.

Приближалось 7 Ноября. Переправа не работала, поэтому никто из района приехать на торжественное собрание не мог. Иван предложил сделать доклад мне. Он был надёжным, основательным мужиком, Иван, но произнесение речей не было его сильной стороной. Как он мне помог с дровами, так я решил ему помочь с собранием.

Люди пришли и заполнили зал деревянного клуба. Кто в чём, кто в пальто, кто в новых фуфайках. Кто в ботинках, кто в резиновых сапогах. Это зависело от сложности пути, который им предстояло пройти от своего дома до клуба. Избрали президиум. Предоставили слово мне. Я вглядывался в полутёмный зал и видел лица, ставшие мне родными. Прекрасные люди, с которыми мы вместе трудились, делая нужное для страны дело. Я говорил без бумажек. Рассказал им историю нашей страны,

как представлял её сам. Видел, что люди слушают, слушают внимательно. Предательский комок периодически подкатывал к горлу и непрошенные слёзы подступали к глазам. Я такой же, как вы, я плоть от вашей плоти, мы вместе. Я уезжаю, но не забуду вас никогда. Я люблю вас, люди!

Иртыш стал. Семена были просушены и очищены. Моя семеноводша, хоть и находилась в декрете, сшила из старых простыней мешочки, которые я наполнил пробами. Сложил их в большой мешок и поставил в углу кабинета. Был день 23 ноября 1978 года.

Копотилов, исполняя своё обещание, разрешил меня рассчитать, но о выдаче трудовой книжки ничего не сказал. То есть решил мою проблему половинчато. Перестраховался перед начальством. Что же, его можно понять. Тогда я определился уезжать без неё, знающие люди подсказали, что никуда не денутся, вышлют, если будет запрос. Решил только сделать «отходную». Купил в магазине ящик водки и какую-то закуску. Поставил под стол в кабинете и утром, по рации, пригласил бригадиров, управляющих и членов правления заехать в контору. Чтобы попрощаться. Кто-то приехал, кто-то нет, у каждого свои заботы, но все «конторские» проявили уважение и в конце рабочего дня в кабинет зашли, причём принесли из дома настоящую еду. Сало, пирожки, мясо, клюкву, бруснику. Копотилов закрыл на «прощание» глаза и, хоть сам не участвовал, но препятствий чинить не стал. Пожал мне руку и сказал, что ему надо куда-то срочно ехать по делам.

– А, была не была, сделаем человеку доброе дело. Тащи сюда, его трудовую, – сказал заведующей отделом кадров подбравший главный бухгалтер Филипов. Я сейчас печать принесу, тиснем по форме, пиши, что уволен по собственному желанию. С Копотиловым я завтра сам объяснюсь.

Оставшиеся после вечера полные бутылки я подписал и попросил передать тем людям, что не смогли приехать на прощание.

До берега Иртыша меня довезли, а вот дальше я пошёл пешком. В одной руке у меня был чемодан, другой я поддержи-

вал перекинутый через плечо мешок с семенами. Хотя татарин уже утонул, но тяжёлому транспорту езда по льду была ещё запрещена. Черпая ботинками снег поднялся по обрывистому снежному берегу в Екатериновку, дальше, наверное, на автобусе, добрался до Тары. Не помню. Сдал пробы семян в инспекцию и стал свободным человеком. Свободным? Кто-нибудь их видел, свободных людей? Дорога лежала в Казахстан, на воссоединение с «семьёй».

Что-то я ещё забыл рассказать о колхозе им. Свердлова. Ах да, медвежья шкура. Поводился один медведь лакомиться молодыми тёлками. Монстр был, огромный, как зарычит, всё стадо приседало на задние ноги. Пасли скот летом в тайге, там и загоны были, где животные ночевали. Он их из загонов и тягал. Пастухи боялись с ним связываться. Хозяин тайги. Это в 1977 году было, за год до моего приезда. 28 голов задрал. Зоотехник попросил лучшего охотника села, заведующего МТМ, чтобы он его убил. Тот нашёл прикопанную тёлку и устроил засаду. Ночью медведь пришёл за добычей и был убит. Шкура досталась охотнику. Кто-то «капнул» в район, и ему из отдела райисполкома по защите природы пришёл штраф в 600 рублей. Не в сезон убил. Колхоз, естественно, взял «вину» на себя, и тяжба эта длилась почти год, пока суд не признал колхоз правым в данном конкретном случае.

А что было дальше?

Я получал письма из села. Жена Копотилова переехала, наконец, к мужу, и отпраздновали новоселье. Потом на трассе Омск-Тара случилась страшная авария, в которой на «Жигулях» разбились председатель и его шофёр, тот самый, что возил нас в Любино. Шофёр погиб, Копотиллов долго болел, но выжил и продолжил работать. В 1984 году, уже после бегства жены, я из Новосветловки ездил в те края за строевым лесом, предварительно связавшись с Александром Максимовичем по телефону. Загрузили пять машин зерноотходами и поехали. Лес привезли, сосну и лиственницу, но дальнейшего развития обмен не полу-

чил, каждая сторона сочла обмен неравноценным. Да и далеко. По дороге заезжали в Любино, там ночевали. В качестве компенсации за причинённые хлопоты оставил Руфине замороженную говяжью ногу, которую вёз с собой, наивно полагая случайно встретить свою семью. Проговорили с ней весь вечер, она разыскала в альбоме фотографию Димки, нечёткую, где он в рубашке, и отдала мне. Такие вот дела.

Начиная эту книгу, просмотрел всё, что интернет знает о Егоровке и славном колхозе им. Якова Михайловича. Был несказанно удивлён, что одним из источников знания о тех местах является и моя первая «Броуниада». Колхоза, конечно, нет, на его месте существует всего одно фермерское хозяйство, Кошкуль и Юрьевка исчезли с лица земли, остались только кладбища. Но остальные сёла живут. В Егоровке, например, при Доме культуры создали кукольный театр, которым руководит Копотилова. Кто ты, талантливая женщина, дочь ли, сноха ли, внучка ли Александра Максимовича? Главное, что нить не прервалась. А ещё есть 15-ти минутная съёмка зимнего села, когда машина медленно едет по улице и оператор снимает на камеру всё, что попадает в объектив. Наш дом увидел, в нём никто не живёт, сугроб не очищен. Соседские дома увидел. Вот, не поверишь, Мир, смотрел и плакал. Влезла она мне в душу, эта деревня. В чём её сила? Ведь сорок лет с тех пор прошло, а всё, как вчера. И семь месяцев всего жил я там, семь месяцев! В глуши, на краю света, в чём её сила, Мир? Не надо, не отвечай. Никто этого не знает. Может разве только Николай Рубцов.

Я люблю Рубцова. Уже и не помню, какая из его вещей поразила меня тогда, 30 лет назад, впервые. Возможно, наряду с «Горницей» это были строки «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...». Публикация Николая Куняева «Путник на краю поля. О жизни, смерти и бессмертии поэта Николая Рубцова» как влитая легла на моё сердце.

Меня поразила тогда автобиографичность стихов Рубцова и в то же время их всеобщая универсальность. Глеб Горбовский говорил: «Николай Рубцов – поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией непридуманной, органической». Прочитайте, люди, это нужно не ему, а вам.

Его жизнь была неприкаянной. Сначала детдом, потом мечта учиться на моряка, которая не осуществилась из-за малолетства, техникум, служба на флоте, работа на заводе, поступление в Литературный институт, отчисление, скитание почти до последних дней без жилья, без работы, без денег. И вечная нищета. Я встречал таких людей: лысоватые, рано морщинистые, всегда готовые дать отпор, потому что знают, что делают неправильно, но не любят этого укора от других. Прибавьте к этому настоящий талант и самопонимание этого таланта в отличие от большинства окружающих людей, видящих только внешнюю канву – и вы получите Н. Рубцова. Прожил 36 лет, задушила любимая женщина. Всё это на фоне алкоголизма с его дикими выходками.

А вот хмель с годами улетучился и встал настоящий Рубцов, великий поэт России, который навсегда останется её гордостью.

Я уеду из этой деревни...
Будет льдом покрываться река,
Будут ночью поскрипывать двери,
Будет грязь на дворе глубока.

Прощай, Егоровка, хорошо, что ты была в моей жизни.

ПОВЕСТВОВАНИЕ ВТОРОЕ

Глава 14

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Директор совхоза Мищенко зла на меня не держал, он по натуре был широким человеком, и 28 ноября, спустя пять дней, как покинул Егоровку, я был принят в штат хозяйства агрономом первого отделения с окладом в 140 рублей. Контора находилась на ул. Советской, рядом с магазинами, и представляла из себя вытянутое сборно-щитовое строение, обложенное кирпичом. Правая его часть служила своему непосредственному предназначению, то есть была конторой, а левая, отгороженная по коридору дощатой стеной, считалась гостиницей для приезжих, и в неё был отдельный вход с торца.

– Они, что, специально для тебя место держали, пока ты Сибирь «покорял»?

– Нет, Мир, так случайно получилось, судьба мне благоволила, и я ей за это благодарен.

До меня агрономом отделения работал Валера Штабченко, сын того самого «рабочкома» Анатолия Штабченко, который помог нам в 1961 году заселиться в наш сегодняшний дом. Старший Штабченко непростительно рано умер в возрасте чуть более 40 лет, и Валера с двумя сёстрами и матерью остались одни. В деревне остаться без «кормильца» всегда драматичнее, чем в городе, вследствие обилия обязательного труда. Отца его заслуженно уважали и помнили, поэтому, чем могли, помогали. Но, выражаясь фигурально, на плечи Валеры, как единственного мужчины в семье, лёг тот груз, который обычно принимают на себя взрослые мужики, будь то, скажем, мешки с картошкой и зерноотходами, сено, дрова, навоз.

Валера был старше меня на год, мы с ним в школе близко не общались. Пожалуй, совсем не общались. У них была своя компания, у нас своя. Он поступил по направлению от совхоза в Целиноградский сельскохозяйственный институт на агрономи-

ческий факультет и закончил его в 1976 году. По окончании получил должность агронома первого отделения, ту самую, что когда-то занимал его отец, прежде чем стать председателем профкома. Кто как, а я такую преемственность приветствую.

Пока я кончал свой ОмСХИ и шараялся по Сибири, он добросовестно отработал два года и теперь переходил на должность агронома-семеновода, взамен уволившегося по собственному желанию в связи с переменой места жительства предшественника. Это означало, что оклад его повышался на десятку, составляя теперь 150рублей, и местом его постоянного пребывания становилась центральная контора, а именно кабинет главного агронома, в котором у него был собственный стол.

Мы так и не стали с ним близкими друзьями, хотя судьбой было предназначено встретиться ещё раз, в совхозе «Арыкбалыкский», и проработать вместе 9 лет, но я на всю жизнь сохранил самую добрую память и уважение к этому неординарному человеку.

Это от запредельного напряжения жизни, всё подразумевается, но не афишируется. Дай мне, Бог, умения нарисовать на последующих страницах тот его образ, что сложился в моей душе.

Контора отделения была местом сбора, куда рано поутру приходили механизаторы, чтобы потом сесть в крытые брезентовым тентом машины-хозяйки и ехать в бригады.

Первое отделение совхоза «Аканский» было одним из четырёх отделений, на которые производственно, а также административно, делилось хозяйство. Я уже писал об этом делении в первой книге «Броуниады», но то был взгляд мальчика, теперь это будет мнение мужа. Ну, не совсем мужа, конечно, но, непосредственного участника жизни тех лет.

Первое отделение было самым мощным в совхозе.

Если очерчивать его границы, то нужно представить себе квадрат, со сторонами, равняющимися, примерно 12 км. Его поля граничили с землями «Константиновского», «Гусаковского» и «Дзержинского» совхозов, а также 2,3, и 4 отделений.

В отделении было три тракторно-полеводческих бригады. Первой в те времена руководил Виктор Андреевич Райфшнайдер, с которым я чисто по-человечески подружился, несмотря на разницу в наших возрастах и большую часть своего летнего агрономического времени проводил в его бригаде. Весна (посевная), осень (уборка) и зима (ток) – это особые периоды в работе агронома отделения, и там уже не время для личных симпатий и антипатий. Надо делать общее дело.

Бригадиром второй «гвардейской» бригады был Егоров Иван Семёнович, кавалер ордена Ленина, человек исключительной ответственности, которую ценило совхозное начальство, и, в то же время, толковый, распорядительный русский мужик, себе на уме, не злой, что позволяло ему иметь авторитет и среди рабочих бригады.

Была и ещё одна бригада – «школьная», которой руководил мастер производственного обучения Ильин Лаврентий Васильевич. Через неё к сельскохозяйственному труду приобщались девятиклассники и это приобщение не носило декоративного и показушного характера, а было вполне осязаемым. Все работы по возделыванию сельхозкультур на площади 600 га выполнялись силами учащихся на закреплённой за бригадой технике и только уборку зерновых проводили «шефы» из второй бригады. Но это было уже связано с учебным планом.

Как о всяком другом населённом пункте страны, в Википедии можно отыскать исторические сведения и о Куспеке. В ней пишется, что село расположено на берегу одноимённого озера. До 1929 года на прилегающих к нему землях располагались кулацкие отгоны, которые были у них **отвоёваны** и на их месте организована коммуна, которой дали звучное название «Парижская». Её возглавил бывший сапожник из Нижнего Бурлука красногвардеец Бурыкин С.Н. Просуществовала она три года, затем стала частью колхоза с одноимённым названием, центр которого находился в селе Акан-Бурлук, бывшей казачьей станицы.

Судьба не благоволила отважным коммунарам и 1930-1934 годы вспоминаются старожилами как времена голода, ког-

да приходилось есть всякую траву, кроме полыни и ковыля. Те ма казахского («голощёкинского») голодомора, во время которого погибло около 1,5 миллиона человек, в том числе 1,2 млн. казахов, заслуживает отдельного разговора и я, возможно, ещё вернусь к нему, но пока ограничусь только констатацией факта.

В 1934 году Куспек был **куплен** у колхоза «Парижская коммуна» (*вот интересно, почём были тогда деревеньки?*), и стал четвёртым отделением Балкашинского племсовхоза.

Эта географическая несуразность (в дальнейшем, Балкашино стало районным центром соседней Целиноградской области), продолжалась недолго, но имела важные последствия. 25 марта 1935 года на базе сёл Куспек и Туркудук был организован **Аканский мясомолочный совхоз**, который занимался выращиванием скота казахской белоголовой породы, унаследованной от Балкашино.

От Туркудука не осталось ничего, разве что, несколько фундаментов домов, скрывающихся в зарослях разросшихся тополей и акаций, родники с вкуснейшей водой и легенда о жившем там казахе, который на спор решил съесть целого барана, и съел, но получил заворот кишок и умер. В 1970 году, на уборке урожая, когда я был официально оформлен помощником комбайнёра у своего отца, мы с ним на мотоцикле ездили на то место и набирали в вёдерную деревянную баклагу воду, которая считалась самой вкусной в округе. Баклага была снаружи обмотана кошмой, чтобы вода не так быстро нагревалась и тухла, звалась **лагушком** и ставилась в кабину комбайна. Сосали воду как велосипедисты на трассе на ходу из шланга, который был в неё вставлен.

Я не знаю, какую площадь занимали туркудукские земли тогда, но во времена, о которых я вспоминаю, они составляли лишь часть полей второй бригады. Сёла умирают не только сегодня, это естественный процесс, зависящий от многих обстоятельств, и здесь большую роль играет везение.

Куспеку повезло. Попад через Балкашино в орбиту планового государственного производства мяса и молока на основе племенного животноводства, этот незавидный посёлок с несколькими деревянными домами старожиллов и одной улицей саманных строений, стал центром первого в Арыкбалыкском районе

совхоза, среди 30 колхозов и двух МТС. Директором был назначен Бессарабов, старшим зоотехником Решко А.Т. В 1937 году совхоз принял А. Чернявский.

А в 1961 году уже к мясомолочному совхозу «Аканский» присоединили колхоз «Парижская коммуна» и в нём стало четыре отделения: Куспек, Красново, Акчок и, славный прежде, Акан-Бурлук.

Жили мы в доме моих родителей, где всегдашняя тёплая сердечная обстановка стала, вдруг, давать непонятные сбои. И это была не их вина. Сколько такта, доброжелательности, терпения, не говоря уже о постоянной помощи, проявили они в те два с половиной года, что было отпущено нам на совместную жизнь в этом селе. Когда я думаю о зле, которое принёс в их жизнь своей женитьбой, мне не хочется кушать, а хочется только пить. Я в неоплатном долгу перед ними и всегда старался в дальнейшем хоть немного его погасить, но это вещи несопоставимые.

Марина родилась 24 марта 1979 года в родильном отделении нашей поселковой больницы. Но я уже не переживал так, как при рождении Димки. Рядом были родители, друзья, соседи, знакомые, которые разделили со мной и тревогу, и радость. Первым твоим домом, Марина, стал наш родительский дом. И все были тебе рады.

А потом мы получили квартиру. Это было оригинальное строение, возможно, оно и сегодня ещё существует, но большой уверенности в этом у меня нет. Если уж родительский дом разрушен, то о том и жалеть нечего. Располагалось оно напротив двухэтажек, которые к описываемому мной времени превратились из первоначально образцового жилья сельской интеллигенции 60-х годов с центральным отоплением и совхозным предоставлением основных продуктов питания, в связи с отсутствием сараев и огородов, в «клоаку Парижа», приюты людей, по разным причинам отброшенных на обочину жизни. *(Живут в Казахстане, а всё их Франция каким-то боком задевает.)* «Буржуйки», кое-как заделанные окна и стихийные сараи, уродующие светлый облик села, стали основной приметой тех многих, ещё заселённых квартир, и предложение администрации совхоза приезжим временно пожить в «двухэтажке» вызывало понятное всем праведное негодование.

Наша квартира располагалась в доме, который занимал промежуточное место между ними и нормальными жилищами. Это было длинное кирпичное строение, под крышей которого размещалось несколько квартир. Можно было бы назвать его баракom, но всё выглядело более прилично. Количество желающих получить жильё в те времена было больше числа предоставляемых квартир, поскольку люди из села не бежали, а наоборот, прибывали, поэтому реализовывались различные варианты, в том числе и более экономичные. Самострой, импровизация, какие там архитекторы. Сначала заложили длинный фундамент, а потом стали класть стены и «лепить» квартиры. В середине столкнулись с проблемой выбора. Делать две маленькие, или одну большую? Остановились на втором варианте.

Новое жильё имело площадь более 90 квадратных метров. Кухня в ней была размером с весь родительский дом. Кроме неё был ещё зал и две спальни. Сени, сарай, про огород не помню, наверное, был какой-то небольшой участок за сараями, которые стояли в ряд перед домом. Соседями нашими были разные люди, в том числе и герои моей первой книги, пастух частного стада Поляков и ветсанитар дядя Федя Мельников.

Летом хорошо, свежо, прохладно, но зимой обогреть эти кубометры печкой, топящейся углём, было невозможно. Обитаемой зоной были спальни, дополнительно снабжённые магазинными электрообогревателями и пространство возле самой печи, где возле окна стоял, покрытый клеёнкой, обеденный стол.

А это Димка на том столе. Коля Немков фотографировал. Пришёл в гости, потом ушёл, смутившись, не выдержав словесного бреда моей жены.

Хозяйство мы держали, и корову, и свиней, и несколько курочек. Я даже замахнулся на кроликов, взяв у отца пару на расплод, но по прошествии года число их так и не увеличилось, хотя кролики рождались, я их отсаживал, но они куда-то пропадали, мёрли, украдывались и т.д. Заниматься надо, но мне, по правде сказать, было не до них. Откуда-то прибилась собачка, коротконогая неказистая, чёрно-белая дворняжка неизвестной породы, которая так возлюбила меня, что я даже стеснялся этой любви.

Никто и никогда не любил меня так сильно, как та собака.

Я выходил утром из дома, она пристраивалась рядом и важно шествовала сбоку, перебирая короткими лапами. Я заходил в контору, она терпеливо дожидалась меня снаружи, никуда не отлучаясь. По селу, направляясь на ток или центральную контору, мы всегда шли вместе. Если я заходил к родителям, она дружелюбно здоровалась с их собакой, но потом выбирала позицию, с которой была видна входная дверь, и терпеливо ждала. Если я сидел на веранде, и она могла меня видеть через окно, это были лучшие минуты её жизни.

Отец разрешил мне пользоваться своим мотоциклом «ИЖ» с люлькой. Я «кончил» его за несколько месяцев, ибо видел в нём только средство передвижения, но никак не роскошь. По няв свою оплошность, отец подремонтировал его и продал от греха подальше. Но мы с ней поехали по полям, я за рулём, мой верный друг в люльке.

Когда у нас не стало своего транспорта, я был вынужден отправляться в бригады с машинами-хозяйками. Надо было видеть её глаза, когда я садился в кузов, и машина трогалась. Я кричал ей: – «Иди домой!!!» Но она не могла осмыслить этого

предательства, и, ещё на что-то надеясь, бежала за машиной, сколько у неё было сил. До самого родника. Потом отставала, отставала, и пропадала из виду. Жестокие люди. Я жестокий. Мне рассказывали, что она там и ждала, возле родника. Если проезжала машина, бросалась ей наперерез и жадно вглядывалась в кузов. Не видя меня, поникала, и ложилась под кусты ждать дальше. Ближе к ночи шла домой, и уже там караулила мои шаги. Утром, без всяких упрёков, счастливо сопровождала до конторы.

Но однажды пёс не вернулся. Я насторожился, но дела завертели, и день прошёл. Возвращаясь по темноте домой, нетерпеливо ждал, что он меня встретит. Но чуда не случилось. Вместо восторженного собачьего лая встретил злой голос жены.

На следующий день было воскресенье, и я прямо с утра отправился искать своего верного товарища. Дошёл до родника, что течёт по пути в первую бригаду, и оттуда стал прочёсывать окрестные колки. Через несколько часов я нашёл его, в том березняке, что стоит на границе с константиновскими полями. От постоянного крика голос мой охрип, но, вдруг, я услышал слабый лай и побежал на него. Пёс лежал под кустом и не вставал. От радости я заплакал. «Ну, что ты, что ты?» – повторял я, беря его на руки и боясь, что он ранен. Но он был цел, только без сил. Видать, заблудился в чужом лесу, бегал от отчаяния и обессилен.

На руках донёс его до дома, покормил и оставил лежать на соломе возле кроличьих клеток.

«Обо мне бы ты так беспокоился, как о нём», – сварливо сказала жена, но я не стал вступать в дискуссию. Подумал только, что, если бы она хоть раз посмотрела на меня так, как этот пёс, я бы многое ей простил.

Перемена места жительства, которая доставила столько хлопот, волнений и разочарований многим хорошим людям, не изменила её сути. Она не могла спокойно жить в мире нормальной обыденной доброты, ей нужен был конфликт. У неё был

какой-то внутренний изъясн, от которого её постоянно **корёжило**. Злобен и нехорош был мутный взор, а вскоре последовали и неадекватные поступки.

Беспокоясь за собаку, я решил привязать её в сарае. Ей даже понравилось это развлечение, но, когда я, сделав дело, стал выходить, она с такой силой бросилась за мной, что чуть не свернула себе шею. Тем не менее я ушёл. А вернувшись поздним вечером увидел, что она лежит, как тогда, под кустом, и умирает от тоски. Ну, вот что с ней делать?

Решил оставить вольной, но не разрешать постоянно сопровождать меня. Когда она утром дружелюбно ко мне пристаивалась, я прогонял её страшным голосом и кидал в неё комья земли. Она останавливалась, и даже демонстративно поворачивала в сторону дома, но затем возвращалась и, уже тайно, шла по моим следам. Возле конторы она пряталась, чтобы я её не увидел, но, стоило мне сесть в машину, она тут же выскакивала и мчалась следом, сколько хватало сил. В тот последний раз я должен был попасть во вторую бригаду, и она увязалась следом. Домой больше не вернулась. Я искал, сначала живую, а потом уже ориентировался на трупный запах. Думал, что хоть похороню, если не уберёт жизнь. Нашёл в лесу двух дохлых поросят в мешках, но моего товарища нигде не было. Прости, Человек, меня, собаку! Пусть эти строки станут твоим запоздалым некрологом.

Через полтора года, когда я уже был агрономом-семеноводом, нам дали очень хорошее жильё. Недалеко от нашего прежнего, вверх, в сторону сопки. Это был отдельный, хорошо обустроенный бывшими хозяевами новый кирпичный дом с аккуратным палисадником, огороженным сеткой, сараем, дровяником, огородом. Мечта деревенского жителя, то есть тот идеал, которого можно достичь в условиях центральной усадьбы совхоза с претензией на высокую культуру быта

Глава 15

БЫЛ БЫ ДОЖДИК...

Знаешь, Мир, я благодарен судьбе за то, что она предоставила мне возможность пройти все основные ступени агрономической деятельности в рамках тогдашних сельскохозяйственных предприятий. Трижды я был агрономом отделения, дважды главным агрономом, по одному разу агрономом семеноводом и зам. директора по кормопроизводству. Тесная связь с агрономией предопределяет и директорскую философию.

«Был бы дождик, был бы гром, нам не нужен агроном». Это стандартный камешек, незлобиво бросаемый в сторону нашего огорода. Да вы и такое, наверняка, слышали: «Пару дождиков в маю, и агрономы пох...ю». Анекдот добрый. Заснул студент в автобусе с книгой Льва Ландау и Евгения Лифшица «Теория поля» в руках, и кондуктор его будит: – «Вставай, агроном». Зато есть хорошая песня, которая воспринимается уже как народная. «Выходил на поля молодой агроном...».

Слово «агроном» происходит от греческих слов «номос» (закон) и «агрос» (поле). Это что у нас тогда вместе получается? Человек, знающий законы поля. Уже немало. А если он ещё научится в конкретных ситуациях под эти законы подстраиваться, то ему цены не будет. Это не фигуральное выражение, оно имеет под собой совершенно конкретное наполнение. В условиях огромных площадей хозяйств Северного Казахстана **светлая** агрономическая голова могла принести в год своему совхозу или колхозу **дополнительно** 150-200 тысяч тех, полновесных советских рублей, которые, согласно моей, ещё никем не опровергнутой теории, соответствуют сегодняшним 1,5-2 миллионам евро. (*Ой, да ладно, чего её опровергать, о её существовании никто даже не догадывается.*) А для тех, кому эти денежные знаки непривычны, делаю перевод на современные российские. При стоимости на конец мая 2021 года одного евро 90 рублей цифры составят от 135 до 180 миллионов рублей.

По закону уже не поля, а природы, число «светлых» агрономических голов нивелировалось тем же количеством «тём-

ных», которые сводили общий районный и областной баланс к среднеарифметическому.

Я не вкладываю в слово **«средний»** какого-либо негативного смысла. По моему разумению, это была та величина, которая достигалась в определённых погодных условиях сельскохозяйственного года, ни один из которых не был похож на предыдущий. Ещё, если следовать терминологии тех лет, уровень производства определяли воля партии, рекомендации современных прогрессивных учёных, творчество специалистов на местах и самоотверженный труд работников полей и ферм. Я не иронизирую, это всё существовало в действительности, и, если что-то упустил, прошу дополнить. Но, только тех людей, кто был в гуще тогдашних событий, а не смотрел на нашу жизнь со стороны.

Единственное, что меня смущает в словосочетании «современные прогрессивные учёные», это недоумение, за что ретроград Трофим Денисович Лысенко получил 8 орденов Ленина, звание Героя Социалистического труда и три Сталинских премии Первой степени? Ведь после его «разоблачения» урожайность не повысилась в разы, она поднялась лишь на несколько центнеров с гектара, благодаря механизации, мелиорации, химизации и прочей интенсификации, и миллиардам денежных средств, направленных на развитие сельского хозяйства страны.

Все усилия имели место, и, чаще всего, это были толковые усилия. Но погода была всё-таки определяющим фактором.

Зона рискованного земледелия.

Какой-нибудь **член** общества скривит, как ему самому кажется, измождённую интеллектom рожу, и выдаст сентенцию о том, что **«они»** не могли работать, поэтому и придумали себе в оправдание этот абстрактный термин, а вот в другой стране картошку в пустыне выращивают. В ответ ему скажу: гидропоника, капельное орошение, опытный участок и производственный посев. Кто понимает между ними разницу, пусть читает дальше, а пустозвону предоставим возможность отличиться в деле. *(Вот всегда так. Человек по наивности ляпнет что-нибудь, а его за это сразу в деревню хотят отправить. Жестоко это. Бесчело-*

вечно. А вдруг там красный кхмер с мотыгой за кустом спрятался?)

В 1976 году (*это совсем недалеко от времени моего повествования*), во Франции из-за отсутствия дождей не собрали планируемого урожая зерна и всем на Западе было понятно: причина в погоде. Однако в тех случаях, когда засуха постигала Советский Союз, буржуазная печать искала причину не в погоде, а в социальном строе: виноваты колхозы и совхозы.

Если засуха, то поле погорит независимо от того, кто его засеял – крестьянин-колхозник или фермер-единоличник.

Несмотря на то, что вопросы сельского хозяйства на территории СССР курировали лично Генеральные секретари ЦК КПСС, погода не подчинялась партийной дисциплине и всё время выкидывала какие-то непредсказуемые фортели, причём разные в разных регионах. Это их раздражало.

Был такой министр сельского хозяйства В.В. Мацкевич. В 1960 г. он составил документ о тяжёлом положении в сельском хозяйстве страны и передал его «наверх». О судьбе записки автор узнал от самого Никиты Сергеевича: «Не читал, я ею задницу вытер». Брежнев с Мацкевичем первоначально был более тактичен: «Ты, Володя, при людях мне не возражай, я – Генеральный секретарь, в этом кабинете Сталин сидел. Зайди позже, когда один буду, и скажи, что считаешь нужным».

Число **«средних»** агрономов составляло большинство, и именно они были той основой, на которой держалось зерновое и кормовое производство.

Они следовали **«выверенным»** рекомендациям, и, попробовал бы кто их опровергнуть, кишка тонка против учёных, лучше следовать, и рекомендации действительно были толковыми, да только область большая, и год каждый раз **новый**.

– Ты, я вижу, уже на областной масштаб перешёл. Не рано ли? Пока что ты живёшь в бараке, хотя и не хочешь употреблять это слово. Давай, не перескакивай, читатель таких скачков не любит. Ты агроном отделения. Чем занимался, где и с кем выпивал, ладно, шучу, хотя и эти детали интересны, с кем дружил, о чём думал, чем интересовался?

– Да знаю я, просто материала много, хочется обширную картину нарисовать, в которой всему найдётся место. Полотно.

Мечусь я, Мир, не могу выбрать правильного направления. Жизнь подступает со всех сторон, стучит по башке и требует внимания ко всему её многообразию. А ведь придётся выбирать, как это ни прискорбно.

Всё выше сказанное относится к главным агрономам, которые определяют тактику, ну и, частично, стратегию хозяйства. Агроном отделения фигура не самостоятельная. Он исполняет указания. Но, приобретает опыт работы.

Главным агрономом нашего совхоза вот уже почти 20 лет был Дундук Анатолий Андреевич, незлой поперечный хол, который всё, что относилось к животноводству, называл «рогатиками» и не просто недолюбливал, а, пожалуй, даже ненавидел. Чему и нас учил. Нелюбовь имела, как он считал, свои основания. После воссоединения с «Парижской коммуной» «Аканский» совхоз стал стандартно назывался «зерносовхозом», и я помню, что это словосочетание мать в первые годы старательно выводила в качестве обратного адреса на почтовых конвертах. Наименование определяло и заботу агронома. Давать стране как можно больше зерна.

Но, директор совхоза Мищенко Анатолий Георгиевич был зоотехником-мечтателем.

Племенные и мясомолочные гены прежних лет будоражили его кровь. Он задался целью сделать из обычного целинного совхоза племенной по «красностепной» породе, и эта мечта на долгие годы определила дальнейшую стратегию хозяйства.

Начальство приветствует инициативы, но у него на столе лежат уже свёрстанные жёсткие планы и поэтому оно всегда отвечает: «Делайте, но только за счёт изыскания внутренних резервов».

В **настоящих** племенных хозяйствах структура посевных площадей изначально иная, чем в обычных. Там акцент делается именно на создании прочной сбалансированной кормовой базы, чтобы племенные животные не бегали, как голодные собаки в поисках чего бы поесть, а важно стояли и пережёвывали жвачку.

Перед главным агрономом поставили задачу укрепить кормовую базу, не снижая производства зерна. Теоретически это

можно было сделать, и мы с Эвальдом Гентнером, управляющим первого отделения этот эксперимент в совхозе «Новосветловский» позже осуществили, но Анатолий Андреевич в силу своего поперечного характера и предыдущего опыта работы на это был не способен. На это мало кто был в то время способен. Да и я пошёл на нарушение общепринятых канонов целинного земледелия лишь потому, что времена стали не такими строгими, а мне, как той загнанной в угол крысе, не оставалось иного выхода, как отчаянным прыжком броситься на врага. *(Это не то, о чём сейчас радостно подумали либералы. Это он про овсюг.)*

Слово «рогатики» возникло не на пустом месте.

Анатолий Андреевич бился как лев, закатывал истерики, но на стороне директора стояла партийная организация, которую уже тоже много лет возглавлял ещё один Анатолий, Анатолий Дмитриевич Павлухин, по моему мнению, лучший из совхозных партторгов, которых мне приходилось встречать на жизненном пути. Партком периодически заслушивал отчёты главного агронома, критиковал недостаточность предпринимаемых усилий, обязывал совершать конкретные действия, стыдил. Одна из таких очередных «битв» проходила на моих глазах.

Животным для сбалансированного питания нужен белок. Да, были посевы люцерны, в том числе и на орошаемом участке у Якшинского озера. Но этого недостаточно. Проблему мог решить горох, но эта культура была в совхозе малоурожайной, поскольку размещалась по плану в последних полях севооборота. Лучший предшественник пар, или подпарок, то есть первое и второе поля севооборота. На них по неписанному закону Целины сеяли пшеницу и нарушить это правило было равносильно тому, если бы верующий осознанно преступил одну из библейских заповедей. Партком критиковал, нажимал, и Анатолий Андреевич под давлением был вынужден отвести под горох 400 га пара. Но мало посеять горох по пару. Его нужно ещё вовремя убрать, чтобы стручки не высохли и горох не осыпался. Каприз-

ная культура, не такая, конечно, как чёрные бобы, но тоже дополнительных забот требует. И Анатолий Андреевич нашёл опытного комбайнёра, по-моему, тоже хохла, а, может, приехавшего из российской глубинки (на целине кто только ни оседал), который имел опыт обращения с этой культурой и поручил ему поле. То есть, вник в проблему. Результат оказался превосходным. Урожайность составила более 20 центнеров с гектара, пар есть пар, земля год отдыхает, почвенную влагу накапливает, от сорняков очищается. Горох дробили и добавляли в корм КРС, а сам агроном ходил гордый и бил себя перед «рогатиками» в грудь.

Зачастую и партия пригуждалась для хорошего дела.

Благодаря настойчивости директора и творческому, хорошо организованному труду животноводов и зоотехников, наладивших вполне приемлемую селекцию, область признала за совхозом право называться «племенным». И на въезде со стороны Константиновки, там, где начинались наши поля, был поставлен гордый знак под жестяным изображением коровы – **«ПЛЕМСОВХОЗ АКАНСКИЙ»**.

Эта самая, гадина, Константиновка, была после «рогатиков» второй занозой в сердце нашего шефа.

Раз совхозы соседствовали, то, естественно, их в первую очередь и сравнивали. И это сравнение было в последние годы ой, каким нехорошим.

Главным агрономом совхоза «Константиновский» тоже давно, может и дольше, чем у нас Дундук, работал Маркграф Христиан Готлибович. Немец, умница, из года в год накапливавший агротехнический потенциал хозяйства, который в 70-е годы стал превосходно реализовываться.

У меня сохранился реферат, который я написал в 1982 году, пытаясь выявить связь между урожайностью сельскохозяйственных культур и доставшимся мне в наследство от покойного Виктора Андреевича Ананьева графиком солнечной активности. Благодаря ему (реферату) я сейчас могу оперировать не эмоциями, а конкретными цифрами.

С 1966 по 1980 год, то есть ровно за три пятилетки (8, 9, 10я), средняя урожайность зерновых культур составила в совхо-

зе «Аканский» **13,9 ц/га**, а в совхозе «Константиновский» **16,9**. Для сравнения приведу ещё среднерайонную и среднеобластную цифры: 14,8 и 11,5 соответственно.

Разница в 3 ц/га, очень большая разница, если её умножить на два десятка тысяч гектаров. Ещё больше поражает динамика по пятилеткам. В обоих хозяйствах, слава богу, рост, но:

«Аканский» – 12,2; 14,5; 15,0;

«Константиновский» – 13,4; 17,2; 20,0;

– Ты, смотрю, прямо восхищаешься соседним совхозом.

Не пахивает ли это ренегатством?

– Не бойся, не пахивает. Я просто отдаю дань талантливому человеку, с которым, к сожалению, не был близко знаком. А цифры привёл для того, чтобы было понятно, почему, вдруг, из недр райкома партии выпорхнула и стала цитироваться в частных разговорах фраза, обыгрывающая фамилии известных лиц: – «А что вы хотите? В Константиновке графы, а в Куспеке дундуки». Трудно поверить, что Анатолий Андреевич её ни разу не слышал.

Куспекцы обиду не проглатывали и шутили в ответ.

Попросил директор «Константиновского» совхоза Герой Социалистического Труда Михедько Александр Михайлович своего агронома принести какой-то нужный документ. Тот приносит, протягивает и говорит с акцентом: – «Пез даты». Директор в изумлении поднимает голову, люди ведь сидят в кабинете, и отвечает первыми словами, что приходят в голову: – «Сам ты пи...а!».

По поводу константиновского «геройства» мне рассказывал в 1990 году Георгий Васильевич Лызлов, бывший в те непростые целинные годы директором **нашего** мясомолочного совхоза. Судьба свела нас потом вместе в совхозе «Арыкбалыкский».

Первые итоги освоения целины были неудачными, как из-за неподготовленности проекта, так и из-за засухи. В 1954 году было собрано 9,3 ц/га, а в 1955 только 2,8.

Брежнев, бывший тогда 2 секретарём, считал 1955 год «годом отчаяния». Хрущёв кричал на Брежнева: – «Из ваших обещаний пирогов не напечёшь!». В мае был снят со своего поста руководитель республики Пономаренко Пантелеймон Кон-

дятьевич и Брежнев стал первым секретарём ЦК КП Казахстана.

1956 год оказался успешным, целина дала хлеб. 11,4 ц/га. Был впервые сдан государству казахстанский **миллиард пудов зерна**, ставший на все последующие годы заветной целью руководства, иногда достигаемой, но чаще нет. Республике был вручён орден Ленина. Тысячи целинников получили государственные награды. Но Брежнева в Казахстане уже не было, 6 марта 1956 года он был переведён в Москву.

Засуха 1957 года позволила получить только 4,3 ц/га. Снова отчаяние.

Но 1956 год был превосходен. Прошёл слух, что те директора совхозов и председатели сельхозартелей, которые обещают получение стопудового урожая (16 ц/га) будут представлены к званию Героя Социалистического Труда. Естественно, при условии выполнения планов и по другим основным показателям: молоку, мясу, шерсти, яйцам.

Куспек и Константиновка шли ноздря в ноздю. Обоим хозяйствам до заветной цифры не хватало десятых долей. Константиновцы боролись до конца, перемолачивая скирды соломы. Может и ещё что необычное делали, возможно, занимали хлеб у соседних совхозов, которым геройство не светило. Георгий Васильевич рассказывал, но я, к сожалению, теперь забыл, а фантазировать не хочу. Факт тот, что они дотянули и показали ровно 16,0 ц/га.

Аканцы вышли на 15,7 и прекратили борьбу. У Лызлова характер был такой. Нет, значит нет. Всё честно, без мухлеж. 98,1%. Казалось бы, прибавь эти 1,9%, а потом спиши, как мёртвые отходы, и звезда на лацкане. Нельзя. Вот нельзя, и всё! Честь дороже. Приписанное зерно надо по накладным показать, откуда взялось, какой комбайнёр намолотил, сколько зарплаты за это получил. Подписи. Начнёшь суетиться, разговор по селу пойдёт. Проверка нагрянет, стыда не оберёшься до конца жизни. Про то, как константиновцы свои сто пудов натягивали, Лызлов много говорил, но о приписках не упомянул ни разу. Вот и хорошо. И память о людях добрая. *(Ой, ой, такие прямо все кристально честные и чистые. Приписок у них не было. А в Узбекистане что творилось по «хлопковому делу?»)*

Сейчас кто-нибудь обязательно Узбекистан вспомнит. А там ситуация другая складывалась. Там Рашидов не смог твёрдость проявить и сказать Москве, что всё, баста, республика использовала все возможности и увеличения сбора хлопка-сырца не будет, разве что погода подфартит. Неоткуда ему взяться. И так все поля хлопчатником заняли. Но он, бывший учитель, писатель, мялся: ладно, поднажмём, дадим. Я не буду говорить, что разрядка по припискам сверху спускалась по областям, районам, хозяйствам, бригадам. Но все прекрасно знали, что надо приписывать. За это не будет наказания. Накажут за противоположное. Недаром, после образования независимой Республики Узбекистан все осуждённые по «хлопковому делу», отбывавшие наказание в местных тюрьмах, были амнистированы. Деньги шальные начали по рукам ходить (4 млрд. рублей), потому что несуществующий хлопок должен был быть оприходован, и зарплата за него начислена. И фиктивная сдача государству. И аферы с текстильными предприятиями. Пошло, поехало, и пуля в конце пути.

Я вам совершенно ответственно заявляю, что **практики** приписок в североказахстанских совхозах не существовало. *(Это он Алле Ганшер отвечает на вопрос, который она ему тогда, при встрече в кафе, задала.)* Зачем лишняя головная боль? Да, в отдельные годы выгребали из совхозов зерно, вплоть до фуража и части семян. Но это другая негативная история. Я не помню, чтобы хоть раз заставлял кого-либо из подчинённых приписать несуществующие головы, литры, граммы, килограммы, центнеры. Были исключения, но они касались гектаров.

И меня не заставляли этого делать.

Святым, снежно белым правдолюбцам, типа Вити Шендеровича, которые после этих моих слов могут забиться в припадке, и ненароком околеть, включаю свет в конце тоннеля. Не приписки имели место, а их противоположность, диктуемая целесообразностью – **недописки**. *(Господи, слово то какое несуразное, ни разу не слышал, он что, недоучёт так называет?)*

В обращении с тем, что было в наличии, могли возникать нарушения. Да не то, что могли, они были обыденностью. Если бы меня, директора, да даже и агронома, повели ставить к стенке, я бы в глубине души догадывался, за что.

Основную нужду хозяйства испытывали в стройматериалах, и для их **доставания** шли в ход любые средства. Бартер, подарки людям, которые могли решить вопрос, застолья, ну и так далее. Мясо, сено, зерноотходы, семена подсолнечника, мёд, сахар, мука, иногда техника и горючее, были основными продуктами обмена, подкупа, да и просто налаживания дружеских отношений. Ты меня уважил, «полян у накрыл», весной пол тонной сена помог до начала выпаса дотянуть, и я тебе, чем могу, помогу. Лошади по осени были для казахов важны. Не бесплатно, за деньги. Всё через бухгалтерию проходило. Только стоила наша лошадь и наша продукция в 2-3 раза дешевле рыночной.

Джон Маккейн шутил: «Коррупцией не считается то, что может быть съедено и выпито на месте. А с собой уносишь – уже коррупция».

Кстати, о «живых» деньгах. Их неоткуда было брать. «Мёртвых» душ не держали. Не существовало никаких **«директорских»** или «представительских» фондов. Надо было разрешать писать фиктивные наряды и просить специалистов закрывать глаза на нарушения. **«Химичить» ради пользы для совхоза.** А всё на виду. Село не город. Совесть, слухи, народный и партийный контроль, ревизия и необходимость нарушений существовали одновременно. Кто-то из директоров действовал масштабнее, кто-то сдержанней. Главное, не наглотать и не путать свой карман с государственным. Собственная директорская зарплата, остававшаяся после выплаты разнообразных штрафов, уходила влёт.

11. 01. 1957 был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении званий Героя Социалистического Труда казахстанцам, в том числе труженикам и руководителям Кокчетавской и Северо-Казахстанской областей. Ими стали **пять** комбайнёров, **восемь** бригадиров тракторно-полеводческих бригад, **четыре** председателя сельхозартели, **восемь** директоров совхоза, **два** председателя райисполкома и

четыре первых секретаря райкома. Один из награждённых – председатель сельхозартели имени Чапаева Михедько Александр Михайлович, который позднее, уже в качестве директора образованного на её основе совхоза «Константиновский» работал до 1971 года. Они там всё время что-то перевыполняли, так что «Звезда» и орден «Трудового Красного Знамени», которым был награждён сам совхоз, пришлось им впору. Был, как сейчас говорят, самородком, имея за плечами начальное образование. Ту звезду и орден Ленина я держал в руках, мне их показывал сын уже покойного Александра Михайловича, мой сосед по Арыкбалыку Володя Михедько.

Но он стал не единственным Героем в нашем районе. Тем же указом это высокое звание было присвоено директору Молотовской МТС Ефимову Сергею Кирилловичу, тоже за высокие показатели в урожайности. Эта МТС объединяла земли будущих «Арыкбалыкского» и «Златогорского» совхозов.

– А где же твои хвалёные агрономы? – ехидно интересуется Мир. – Что их то героями не признали? Пара дождичков в маю?

– Судьба у нас такая, служить постаментом героям скороспелым. Надо долго-долго успешно работать, чтобы начальство поняло, что хлеб растёт не из земли, а из нашей головы. Когда удаётся это доказать, его раскаянию нет предела. Маркграфа долгое время игнорировали, но потом в течение трёх лет ему было вручено три ордена Трудового Красного Знамени и присвоено звание Заслуженного агронома Казахской ССР. Урожайность константиновских полей в 70-х, начале 80-х была все рекорды, доходя до 25,7 ц/га. Это был уже хлеб не только дождя, это был хлеб МАРКГРАФА.

Фото Брежнева в бытность его Первым секретарём ЦК КП Казахстана. Кабинет. Просто всё. Люди, общавшиеся с ним в то время, сохранили о нём память как о личности легендарной. Одет был обычно в кожаную тужурку и не боялся в одиночку войти в толпу голодных и разъярённых шоферов, сутками ожидающих очереди на разгрузку на элеваторах и пунктах по приёмке зерна. «Ты кто такой?» – орал озверевшие шофёры и хватили его за грудки. «Я Секретарь ЦК Компартии Казахстана Брежнев, и я приехал сюда, чтобы навести здесь порядок!» – кричал в ответ будущий Генсек и отбрасывал чужие руки от своей груди. «А ты кто такой?». Всё ускорялось и в этом не было ничего сверх естественного. Приёмщики действовали по инструкции, а в те годы необходимо было совершать подвиги. Инфраструктуры ведь не существовало. Всё с ходу. Столовые организовывались, как-то всё налаживалось. Я этот эпизод не придумал, мне о нём поведал человек, видевший его своими глазами.

А это фото через 20 лет. Здесь он, если не ошибаюсь, на поле в Ростовской области.

Глава 16

ГРОЗА БУРЖУАЗИИ

Если бы Сталин, как тот Бог, сотворивший в неделю Мир, посмотрел в 1979 году с неба на совхоз «Аканский», он бы увидел, что *это* хорошо.

Хозяйства Казахстана, особенно в северной, лесостепной и степной его зонах, были на тот момент одними из самых высокоорганизованных, технически оснащённых предприятий по производству зерна, молока, мяса и другой сельскохозяйственной продукции. Да, засуха вносила свои коррективы в зерновой баланс, но сдача молока и мяса стабильно росла. Да, большинство хозяйств были нерентабельны, но сельское хозяйство во всём мире является дотационной отраслью.

Хорошели и обустроивались сёла. Они становились **любимой Родиной** для тех, кто в них жил и тяжкой потерей для тех, кто потом уехал, и, как ни странно, для оставшихся тоже. О плохом так не грустят, даже если сегодняшняя жизнь кажется куда как обеспеченней.

Не всё можно измерить деньгами, есть вещи, куда более ценные.

Меня одно удивляет. Столько грязи за последние 30 лет вылито на советскую деревню, что оторопь берёт, как же это мы в ней умудрились выжить? И кто пишет то? Да тот, кто сам там никогда не жил.

Я всё пытаюсь понять психологию таких людей и не могу осмыслить это умом. Пиши ты про кучу дерьма, в которую сам себя мысленно поместил и лелеешь этот вонючий мирок, но зачем красоту то марать? Завидно, что ли? Есть кому и без вас про деревню рассказать. И про боль её, и про кровь, и про то, что было, и что стало. И во что опять превращают.

– А ты не удивляйся, всегда существовала, и всегда будет существовать категория людей, которые спать не смогут, если поперёк чего-нибудь не встанут.

Например, чечены, подумал я. Нельзя говорить огульно обо всей нации, но тенденция существует. Они сами так про себя говорят, не жеманничают. Там, где собралось десять чеченов будет десять мнений. «Демократизм у них всегда был доведён до крайних пределов: они не имели не только понятия о сословиях и наследственной власти, но и понятия о какой бы ни было власти вообще. В чеченском языке нет слова «приказать». Генерал А.П. Ермолов в сердцах клял их: «Эти чеченцы – сильнейший и опаснейший народ. Проклятое племя! Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее. У них даже чумы не бывает. Я не успокоюсь до тех пор, пока своими глазами не увижу скелет последнего чеченца».

Мне Саша Тасуев, с которым мы вместе в Юлиусшпитале работали, правда, в различных службах, дал почитать книгу своего земляка, народного писателя Чечни Абузара Айдамирова «Долгие ночи». Я из неё много чего почерпнул и стал объективнее относиться к этой нации, смотреть на неё и их глазами. В ней описывается, как чечены в 60-х годах теперь уже позапрошлого века в Турцию эмигрировали и что из этого вышло. Цитаты оттуда, а ещё, каюсь, я позаимствовал у уважаемого автора два предложения и использовал как свои. «Но люди там жили. Люди везде живут». Это он описывает то гиблое место, в которое турки чеченцев определили.

А с Сашей, чеченом-книголюбом, у нас сразу установились уважительные отношения, и мы много лет обменивались книгами из своих библиотек, называя это занятие «литературными запоями».

– Я думал, ты хохлов упёртых упомянешь. Да мне, Мир, про поперечных ясно. Их уже не переделать. Слава богу, у основной массы людей хватает ума им не доверять. Уберут одних, придут другие и будут делать то же самое. Только людей угробят. У жизни свои законы.

«Борзых» это здоровое недоверие бесит, и они обзывать начинают. Но я тех писак и близко рядом с нами не видел.

Кто честно разобраться пытался, те с уважением относились и к труду, и к людям сельским и к проблемам их. У кого их нет?

Не бывает у рабов таких лиц.

Кто про чужое рабство говорит, того надо обязательно послушать. Он ведь о себе в первую очередь вещает. Плюнув один раз на отеческие могилы и кинув камень в сторону **объективно** сложившегося государства, «борец за правду» вынужден повторять эти действия снова и снова. Он **раб своей поперечности**, ладно, назовём её либеральной идеей, и свою рабскую сущность пытается скрыть за высокими словами и обещанием

светлого богатого будущего. Нет идеальных государств. Приобретая одно, ты теряешь другое. К деньгам зовут наши новые мессии, да только деньги это не всё, что нужно человеку. Недаром, самые счастливые люди живут не в Америке, не в Европе, а где-то там, в гималайских горах. *(Ну, сам то, допустим, живёт в Германии и оттуда на российских либералов гавкает. А те, в двух словах, чего хотят? Они хотят жить, как в Германии, правда, не в российском мощном государстве, а на его обломках.)*

Простота, граждане обличители, это совсем не слабость. Миллиардер Онассис полагал, что глубоко ошибаются те люди, которые считают, что с помощью денег можно решить все проблемы. Я не против денег, но во всём должна быть мера.

– А что ты такое необычное название для этой главы придумал? Кто там у вас из Казахстана мировой буржуазии грозил? Она до сих пор в себя от страха прийти не может.

– Ага, заинтересовался. Ну, слушай тогда.

Ещё в бытность мою главным агрономом совхоза «Новосветловский» в наш район начальником районного управления сельского хозяйства был назначен Коханный Леонид Георгиевич. Но не в качестве поощрения и роста, а в качестве наказания. До этого он несколько лет работал Первым секретарём Красноармейского горкома партии. Красноармейск считался по скромным целинным меркам городом, поэтому его (Коханного) статус был несколько выше, чем у обычных районных секретарей: город плюс большой район.

По образованию зоотехник, по национальности украинец, на целину попал по «зову сердца» и распределению. Когда об этом не сожалел. «Карьера» до поры до времени складывалась, как видите, удачно. И если бы меня попросили охарактеризовать его несколькими словами, я бы признал его достоинствами **ум, наблюдательность, терпимость и человечность**. Приказы из его уст поступали только в крайнем случае, когда все остальные способы убеждения и аргументы были исчерпа-

ны. Странные качества для Первого секретаря райкома, не правда ли, господа ниспровергатели? Где тупость, где звериный оскал, где невинные жертвы?

Но я, в данном случае, ничем вам помочь не могу, что было, то было.

– Ага, – воскликнет самый догадливый «борец», – он был исключением из правил и поэтому с ним вскоре расправились те, кого специально продвигали наверх для подавления робких демократических ростков и закатывания в асфальт всего, что противоречило общепринятому советскому маразму.

Да, ребята, с вами дискутировать – железные нервы надо иметь.

Коханный был человеком «системы», и если она, несмотря на все «отрицательные» качества моего подзащитного продвигала его наверх, то давайте отдадим ей должное.

Востребованы были компетентность, настойчивость, трудолюбие, энергия, самоотдача, удачливость, чёрт возьми, которая в вечной рулетке игры с природой, имела какое-то сакральное значение. Ну, есть везучие и невезучие люди, что ты с этим поделаешь?

Принадлежность к партии, как таковой, была обязательным условием продвижения по служебной лестнице, но не она определяла суть человека. Слова и идеи со временем обесцениваются.

Партийность была нужна для того, чтобы держать в жёсткой узде людей, выдвинутых на руководящие должности и обязанных выполнять указания вышестоящих органов.

Если бы в то время на месте портрета Ленина висело распятие Иисуса, а наглядная агитация пропагандировала Христовы заповеди вместо Кодекса строителя коммунизма, ничего бы не изменилось. Всегда в руководство требуются и приходят путём естественного отбора те, кто умеет работать, и этот факт является «ахиллесовой пятой» сегодняшних, свободных пока от

обязательств, либералов. Наберут болтунов, которые за ними повторяют их мантры, и пролетят как..., придумайте сами, я не хочу останавливаться.

Не надо сильно удивляться, что после роспуска КПСС партийные функционеры так легко переквалифицировались в демократов. Правильно сказал герой повести Юрия Полякова, изгнанный с поста Первого секретаря райкома КПСС и через несколько лет вновь призванный и назначенный туда же главой администрации вместо провалившего дело болтуна-либерала: «Думаешь, раньше на коммунизм нажимали, а теперь капитализм продвигаем? **Россию строим!**». Вот в этом и заключается суть. Страну строим, или, гробим, как кажется поперечным.

Дай вам бог, мужики, если выпадет судьба поруководить, по-людски управиться с такой страной, как Россия. Людей только пожалейте, они, то, в отличие от вас, свободные.

Деталей «низвержения» Леонида Георгиевича я не знаю, но суть была такой. Один из районных руководителей, входящих в номенклатуру горкома, совершил проступок, несовместимый, как тогда говорили, с моральным обликом члена партии.

Бюро рассмотрело персональное дело и в качестве наказания исключило того казаха из партии.

Потерпевший это решение признал несправедливым (у каждого свой взгляд на вещи), и обратился с жалобой в областной комитет партийного контроля. Там её рассмотрели и в качестве ответа рекомендовали горкому ещё раз внимательно разобратся в этом деле и не быть столь радикальными. Леонид Георгиевич пошёл бюро и оставил прежнее решение в силе.

Потерпевший написал жалобу в ЦК Компартии Казахстана. Там у него, как говорил потом Коханный, была «мохнатая рука» и оттуда пришёл приказ: «Восстановить в партии!». Коханный ответил, что «только через мой труп». Хохляцкие гены взыграли, но это не главное, для своего противника он и потом не находил лучших определений, чем слово «подлец». Реакция

последовала незамедлительно и строптивому секретарю было наглядно продемонстрировано, что такое партийная дисциплина и кто такой «хозяин страна».

Был, скажем так, полковником, стал майором. «Пострадал за правду», обычно говорили в таких случаях на Руси.

Вот он нам эту историю про буржуазию и рассказал, когда мы с ним вместе показывали уполномоченному из области поля «Арыкбалыкского» совхоза, а потом остановились на поляне перекусить и попить чаю.

Став секретарём, первым делом начал знакомиться с хозяйствами, разговаривать с людьми. Приехал весной на одно из отделений совхоза и видит такую картину. Стоит в низине за селом животноводческая ферма, а на въезде в неё огромная лужа, через которую только трактор может проехать. Талым водам некуда деваться. Коровники подтоплены. Кучи навоза оттаяли, всё благоухает, доярки матерятся, клянут начальство. Интересный получается разговор. Директор руками разводит, мол, раньше головой надо было думать тем, кто сюда ферму определял.

Страсти понемногу улеглись, люди пошли делать свою работу. Тут подходит к Коханному старичок-сторож, такой, с хитринкой, вроде деда Шукаря, как их в кино про деревню показывают, и говорит: – «Знаешь, как наш колхоз до укрупнения назывался? **«Гроза буржуазии»**».

Глава 17

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ

Никогда деревни Северного Казахстана за всю историю их существования не жили так хорошо, как в те два с половиной десятилетия, с 65-го по 90-й год. *(Это чего он там хвалит, застой, что ли?)*

Не бывает в тех краях застоя. Там шевелиться надо, чтобы успеть до ненастья управиться.

Совхоз «Аканский» был самым крупным совхозом в районе, по крайней мере, по площади. И я вам скажу, почему Сталин довольно улыбнулся бы в усы, увидев наше хозяйство. Его мечта осуществилась.

Вот оно, крепкое обобществлённое производство, на котором, используя самую современную на то время технику, самозабвенно трудятся работающие, умелые люди. Вот они, сёла, в которых живут счастливые семьи, для детей которых открыты в жизни все дороги. Вот она, та надёжность и стабильность, о которой мечтает каждый человек.

Слово «единоличник» употребляется в обиходе как ругательное, указывающее на ущербность философии его носителя. А кто вам сказал, что кулаки были более работающими, чем сегодняшние азартные трактористы, комбайнёры, шофёры? Исчезли из обихода «пуды», на их место пришли центнеры и тонны.

Какие там рабы? Днём с огнём пройди по селу, хрен «маленького человека» встретишь! Сплошь хозяева страны. Всё во имя человека, всё на благо человека. *(«И я даже знаю имя этого человека» – незлобно шутили в анекдоте по адресу Брежнева.)*

Вы не бойтесь доверять моему мнению. Я стремлюсь к объективности, иначе не затеял бы эту историю с «Броуниадой» и не сидел бы часами в интернете, отыскивая верные цифры. Кому же писать о селе, если не мне, с ранних лет причастному к

людям, живущим в нём и природе, окружающей эту жизнь. Я вырос в деревне, учился в сельхозинституте и работал последовательно в учхозе, опытно-производственном хозяйстве, колхозе и в трёх совхозах. Наверняка есть селяне, которые могли бы рассказать о тех временах лучше меня, глубже, но не всегда желания совпадают с практическими возможностями. Писать надо осмелиться. Писать надо хотеть и уметь. Это не моя прихоть и способ самоутверждения. Я пишу потому, что не могу не писать. Это не графоманство, а ощущение долга перед хорошими интересными людьми, с которыми встретился на дороге жизни. Если я не расскажу о них, они исчезнут навсегда. Да, именно так.

Доверьтесь мне. Рассказывая о той поре, я всегда оглядываюсь на вас, тех, кто мог бы это сделать лучше меня. Говорю за себя, но и за вас тоже. Пойдём по этой извилистой тернистой тропе вместе, «уставая отбиваться и огрызаться» от сегодняшних «знатоков», внедряющих в сознание современных молодых людей представление о советской действительности, как деятельности идиотов с расслабленным мозгом. Особенно, по их мнению, этим недугом страдало сельское хозяйство.

Думаете, я сгущаю краски и преувеличиваю? Ничуть, и вы в этом сейчас убедитесь. Представляю вашему вниманию статью, которая на два месяца оторвала меня от написания книги, но, в качестве компенсации, введена в ткань повествования.

«ЭТО БЫЛО УМОПОМРАЧИТЕЛЬНО»

Данная статья обязана своим появлением передаче «Особое мнение» на сайте Эхо Москвы, где в эфире от 5.7. 2021 года выступал главный редактор российской «Независимой газеты» Константин Вадимович Ремчуков.

– Ну, выступал, и выступал, – скажет нетерпеливый читатель, выкروивший несколько минут, чтобы пролистать текст,

– тебе до этого какое дело? Читай свой «Main Post» и сопи тихонько в две дырочки. У тебя даже паспорта российского нет. Ты, вообще, кто такой?

Да, извините, разрешите представиться. Гридюшко Виктор Михайлович, 1955 года рождения, белорус. Родился в Сибири, в семье ссыльнопоселенцев, вырос в Северном Казахстане, там и работал. По профессии учёный агроном. Как в таких случаях пишут, прошёл путь от специалиста низового звена до директора совхоза. В Германии с 1994 года. 25 лет трудился на винодельческой фирме, два месяца назад вышел на пенсию.

Написал две книги, работаю над третьей. Вместе они составят трилогию под общим названием «Броуниада, или путешествие по замкнутой спирали». Кому интересно, может ознакомиться с уже опубликованными страницами в разделе «Литература» сайта «Круг интересов»

О чём книги? О молоке и хлебе, о красках, запахах, звуках, о печалих и радостях повседневной сельской жизни. О её поэтической красоте, но и об идиотизме тоже. Об уникальной социальной общности людей под названием «советская деревня». Её уже не существует. Я обязан рассказать, что это было. А ещё они обо мне, моих чувствах и людях, с которыми довелось встретиться. Короче, они о жизни.

Телевизор не смотрю лет пятнадцать. Новости черпаю из интернета. По России пользуюсь двумя источниками одновременно: «Рамблером» и «Эхом Москвы». «Эхо» интереснее, там «буйных» больше. Получается что-то вроде контрастного душа. К шестидесяти годам практически оглох, поэтому предпочитаю звуку текст.

Раньше я счастливо полагал, что правда может быть только одна. Сегодня точно знаю, что их, как минимум, две. После чтения комментариев на «Эхо» начинаешь подозревать, что их больше ста.

Одни «правды» мне нравятся, другие нет. Любовь и нелюбовь автоматически переносятся на их носителей. Так возникает деление на «своих» и «чужих». Опыт прожитых лет должен бы был научить держаться середины, однако в действительности этого не происходит.

Я никому не отказываю в праве иметь мнение, противоположное моему, но, будьте любезны, пожаловать в отведённую вам категорию. Согласие с вашим правом совсем не означает рождения доброго чувства. Впрочем, это относится только к принципиальным вопросам.

Если «правд» так много, то, вероятно, могут существовать такие, которые искусно сотканы из лжи. Или недомолвок. Или манипуляций с цифрами. Как я должен к ним относиться? К ним и их создателям. Чаще всего машешь рукой и проходишь мимо. На каждый роток не накинешь платок.

Но на этот раз я остановился.

Редактор и владелец газеты движим благой целью доказать, что рыночная экономика куда как эффективнее, чем реше-

ния, принимавшиеся советским **государством**, и, не только советским. Не туда тратили деньги, не то производили. *«Я помню Советский Союз конца **их**(!) эпохи, в начале 70-х, типа, когда начали приводить. (Так в тексте. В.Г.) Это было уместительно. Производят комбайнов в 16 раз больше, чем в США, а зерна меньше. Это государство производит. Тракторов – на 10 тысяч тракторов 4 тысячи трактористов. 6 тысяч не имеют даже этих трактористов. 40 миллионов тонн зерна выдувалось из кузовов **аграрных машин**(?), когда они его из под комбайнов возили на элеваторы. Комбайн насыпал. Пока **он**(?)везёт на элеватор, выдувается. Вот вдумайтесь: 40 млн. тонн вдоль дорог от поля до элеватора! Собственно, эти цифры потом приводили в эпоху Горбачёва, когда обосновывали необходимость реформирования агропромышленного комплекса».*

И далее он говорит о «философии вертикали», о том ошибочном мнении, что только наверху, в верхних её этажах сосредоточены компетенции, позволяющие разумно тратить деньги.

*«Я имею в виду просто личную ответственность. У чиновника нет личной ответственности, сохранится ли зерно у него в машине или нет. А у фермера частного это есть, потому что его личные потери. Тут логика совершенно простая. **Мы**(?)не исходим из того, что человек становится идеальным и с утра до вечера думает только об общественном благе. Это самая базовая ошибка марксистов-ленинцев. Мол, какой-то частный вид человека превратится во всеобщий. Ему не нужна собственность. Его не интересуют личные интересы. Он всю жизнь готов только на общее благо. Были такие **шизики**, безусловно, но природу человека марксизм не понял и отсюда провал советского эксперимента».*

На «шизика» Ремчуков явно не тянет. Мелковат. В моей книге есть персонаж, который о том же самом говорит так: «Ну, обидно же. Пишешь о том, что действительно ощущал, и, вроде как, оправдываешься. Перед кем? Перед этими мещанами, которые сегодня на коне, потому что восторжествовала их мелочная

идеология? Моё юродство заключалось в том, что я свято верил в доброту, справедливость, правду, светлое будущее нашей страны и народа, но я догадывался, что достичь его можно только упорным созидательным трудом. А с теми, кто не разделяет этих принципов и вставляет палки в колёса, надо бороться, вплоть до высшей меры по законам военного времени. Меньше думать о себе, больше о Родине, а она тебя не забудет. «Готовься к великой цели, а слава тебя найдёт». Скажете – дурачок. О себе надо в первую очередь думать, о своих близких, страна большая, как-нибудь перебеётся. И по большому житейскому счёту вы будете правы. Но истина ваша – малая, повседневная, а есть куда более величественные, которые возвышают человека и ставят его на одну ступень с богами».

Ремчуков не сокрушается, что это был конец и его эпохи. Он аккуратно отходит в сторону, чтобы не замараться и проносит местоимение «их». А где же сам автор? Он учится на факультете экономики и права университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, который заканчивает в 1978 году. Мы с ним почти одногодки. Оказывается, Ремчуков экономист по образованию. И даже кандидат экономических наук.

«Это было умопомрачительно. Производят комбайнов в 16 раз больше, чем в США, а зерна меньше.» Ремчуков не мог сам такого придумать. Слабо кандидату. Чтобы так считать, профессором надо быть, да что профессором, бери выше – академиком.

И точно, был академик. Звали его Аганбегян Абел Гезевич. Он в 1932 году родился, и даже недавно выступал по вопросам вакцинации и смертности в России. Экономист, специалист в области организации промышленного производства, проблем производительности труда и т. д. В годы перестройки был советником Горбачёва. По поводу его последнего выступления прочитал комментарии, которые были ни плохими, ни хорошими, а, скорее, недоумевающими:

«Помню, в конце 80-х этот **павлин** от экономики собирал залы как Алла Пугачёва, на лекции, как мы заживём богато и счастливо при рыночной экономике. И что? 35лет прошло и он бубнит об огромной бедности и смертности в стране и о России, находящейся в глубокой заднице по всем главным показателям».

«Взять сомнительные цифры и делать какие-то «умные» выводы – это выглядит глупо, а ведь перед нами академик».

Жив, курилка, и подход к темам не изменился. Я приведу абзац, где академик говорит о тракторах и комбайнах. Именно на него ссылается Ремчуков, как на авторитета:

*«Это результат абсурдности плановой системы – разрыв между производством и социальными(?) потребностями. Очень показателен пример с тракторами. СССР производит в 4, 8 раза больше тракторов, чем США, хотя отстаёт от них в производстве сельскохозяйственной продукции. Необходимы ли эти трактора? Эти трактора **не нужны** сельскому хозяйству, и, если бы их покупали за свои деньги и рационально использовали, хватило бы в 2 или 3 раза меньше машин. Между тем мы собираем зерна в 1,4 раза меньше, чем США, комбайнов же производим **в 16 раз больше**».*

Он тогда эти цифры озвучил и в перестройку советы руководству страны давал, как реформировать производство. А заодно зомбировал тех молодых экономистов, которые потом, уже после распада СССР, стали эти реформы производить. Оказалось, что они выучились только ломать, строить их не учили. Их кумир «рынок», как тот добрый волшебник, должен был сам решить все вопросы. А волшебник оказался злым и коварным. Счастья и процветания подавляющему большинству людей он не принёс.

Я совсем не нытик. Скорее наоборот. И то хорошее, что капитализм дал стране, вижу, но мне жаль тех людей, чьи жизни и судьбы оказались безжалостно искалечены. Можно ведь было поаккуратнее. Потенциал уничтожаемой системы был огромен, надо было только правильно им распорядиться. За вашими бре-

довыми цифрами стояли живые люди, но вы их не принимали в расчёт, глядя поверх голов оловянными глазами.

У Аганбегяна и иже с ним (новосибирская группа), была одна цель – доказать негодность плановой социалистической системы и привить нам комплекс неполноценности. Внушить неуважение и ненависть к собственной стране. В ход пошли подлоги. Кто будет проверять цифры, которые выдают экономисты союзного масштаба? Практики? Мы были шокированы, у нас, вроде, всё в порядке, но страна большая, может, и есть где перекосы, кто знает? Гласность тогда началась. Свобода слова, обернувшаяся соревнованием, кто больше грязи на Союз выльет.

Сейчас я начну их бить. В жизни складываются ситуации, когда надо дать отпор, иначе перестанешь уважать самого себя. Если вы думаете, что мы, вчерашние сельчане, как нашкодившие коты, спрячемся после их слов под кровать и будем стыдливо молчать в тряпочку, то вы глубоко ошибаетесь. Большинству из нас стыдиться нечего. Я говорю это от имени своих товарищей по труду и от своего имени тоже. Почему я имею на это право?

Директором совхоза стал в тридцать лет. До этого пять лет работал главным агрономом другого хозяйства и сумел в полтора раза увеличить урожайность зерновых культур по сравнению с предыдущими годами. С последнего места в районе мы переместились на первое и уверенно вошли в десятку самых продуктивных хозяйств области. Производство стало рентабельным.

На этой фотографии мне 31 год. Если какой-нибудь физиономист сможет разглядеть в этом лице хотя бы тень уныния и застоя, я поставлю ему бутылку. Какой застой? Я вспоминаю те годы как самый яркий и содержательный период своей жизни, ради которого и стоило родиться. Работал на таком пределе, что 25 лет, проведённых потом на немецкой фирме, показались лёгкой прогулкой.

Кто кому мешал работать? Это ведь легко, свою собственную несостоятельность переложить на плечи государства. А ты берись за дело, дерзай, живи им. Какие люди были рядом! Начни делать хорошее, тебя всегда поддержат. И начальство, и рабочие. Ни один немецкий фермер, ни один немецкий трактор не работают так напряженно, как работали наши механизаторы на наших тракторах. Я преклоняюсь перед этими людьми!

Можно просто сказать, что Аганбегян и Ремчуков лжецы и не приводить доказательств. Незачем, для внимательного человека и так всё ясно. Это будет правда, но они выкрутятся. Ремчуков скажет, это не я, эти цифры уже были перед перестройкой, я их только процитировал. А зачем ты их вспомнил?

«Это неспроста» - сказал Винни Пух.

Дело в том, что похвалиться победителям-реформаторам нечем, победа оказалась пирровой, поэтому они переводят стрелки. «Вы вот живёте сегодня пусть не совсем хорошо, как этого хотелось бы, но вы даже не представляете себе, с каким монстром нам пришлось бороться». И приводят цифры. Я их однажды уже слышал.

Начнём с классики. **«Мы собираем зерна в 1,4 раза меньше, чем США, комбайнов же производим в 16 раз**

больше». *(Далась им эта Америка, трудно что ли посмотреть в справочнике, что у них агроклиматический потенциал в 2,5 раза выше, чем в СССР.)*

Лежит на диване обыватель, вернувшийся из магазина, в котором полки, мягко говоря, не совсем заполненные, слышит эти цифры и совершенно справедливо думает: «Они там что, уже совсем ох...ли, имеют в 16 раз больше комбайнов, а каждый год устраивают «битву за урожай», которую ещё периодически и проигрывают».

Лукавил академик, да даже не лукавил, а врал, как сивый мерин. Не знал тогда, что появится интернет и все цифры можно будет проверить. Я потратил на поиски две недели и расскажу сейчас о том, что мне удалось найти. Многие не любят цифр, но я прошу вас потерпеть.

Мне удалось выяснить, что в начале 70-х (конец нашей эпохи по Ремчукову), на 1000 га пашни в США приходилось 30 тракторов и 20 комбайнов. В СССР, соответственно, 9 и 5. То есть в СССР было в 3,3 раза меньше тракторов и в 4 раза меньше комбайнов. Но по комбайнам, мне кажется, не совсем корректно. В зонах рискованного земледелия, к которым смело можно отнести половину пашни СССР, применялась раздельная уборка зерновых, то есть сначала скашивание в валки, а затем, после недельного высыхания зёрен в колосе, обмолот. Комбайны на одной площади делали две операции. Поэтому мы можем превосходство американских комбайнов, которые убирают созревшие до полной спелости площади зерновых культур напрямую, увеличить наполовину, и считать, что отставание нашей страны по комбайнам было примерно в 6 раз.

«Неразумное» государство решило этот перекокс исправить и в последующие годы промышленность страны совершила героический рывок. В 1979 году пропорции производства составляли уже 2,5:1 по тракторам и 2:1 по комбайнам в нашу пользу. К 1986 году СССР вышел на первое место в мире по производству тракторов, а комбайнов производил почти в 9 раз больше, чем американцы.

Это было нетрудно. В 1982 году разразился мировой экономический кризис и США, например, резко сократили производство сельхозтехники. Так, они выпустили за год только 13 тысяч комбайнов, да и то, вместе с кукурузными, а наша страна 117 тысяч.

Вы удивитесь, но я нашёл подтверждение 16-ти кратного превосходства СССР над бедными американцами, в том смысле, **который вкладывал в него** Аганбегян. Он взял показатель 1985 года по зерновым комбайнам (112 тыс.) добавил к нему 38 тысяч льно, кормо, картофелеуборочных и сравнил с самым низким показателем Америки – 9 тыс. зерновых. Цифра получилась эффектная и с тех пор вошла в экономический обиход. Что, академик, мало было тебе девятикратного превосходства?

Почему он лжец? А потому, что, выдав нагора показатель одного года, не очертил общего положения дел. А оно было следующим. Не буду утомлять вас промежуточными цифрами, они все в пользу США, скажу только, что к 1990 году у Америки было в наличии 664 тысячи зерновых комбайнов, у нас 683 тысячи.

Когда я вижу подобные фотографии, под сердце непроизвольно подкатывает комочек тревоги. Сумеют мужики управиться до ненастья или нет?

Это отголосок той «застойной» поры, когда счёт времени шёл не на дни, а, в буквальном смысле этого слова, **на часы**. Ну а мелодия всегда одна – из кинофильма «Укрощение огня».

Та же картина и по тракторам.

Да, слава КПСС, мы стали, наконец, иметь столько тракторов, сколько было реально необходимо.

И имели в 1990 году в наличии 2 миллиона 650 тысяч, но, против 4 млн. 500 тысяч американских. Срок службы нашей техники составлял 7-8 лет, американской 25-30. И эта разница была заложена изначально. Две концепции, две философии машиностроения. Европейско-американская и советская.

Советские конструкторы в вопросе тракторостроения пошли своим путём, я не хочу сказать, что самым плохим, но особым. Если принять сумму затрат на производство и последующее обслуживание одного трактора (без учёта ГСМ) за 100%, то затраты на производство составляли 25%, а остальные уходили на ремонт машины.

После нещадной, в самом прямом смысле этого слова, эксплуатации, трактор загоняли в МТМ, разбирали до рамы и снова собирали из годных старых и новых частей. Это мог сделать, и делал, **обычный** тракторист. Вместе с машиной шёл комплект гаечных ключей. Немецкий же трактор, к примеру, или американский, казался на фоне нашего вечным, да и работать ему в году приходилось гораздо меньше, чем нашему.

Время показало, что выиграл их подход, но половина бедных фермеров распавшейся страны до сих пор добывает старую советскую технику, собирая из старых «новые» трактора.

Утверждение, что мы имели тракторов в 2-3 раза больше, чем нужно, граничило с явным вредительством, если не употреблять слово «идиотизм». Это я вам как агроном говорю, а если бы я был разбирающимся в вопросе прокурором, я сказал

бы, что по академику и кандидату плакали нары. Но страна начала сходиться с ума, и такие люди оказались востребованными.

В своей книге я подробно рассматриваю все эти вопросы, мне хочется самому честно разобраться. А ещё мне не даёт покоя парадокс. Почему, когда все сёла были полны живностью, полки магазинов были полупустыми, а когда скот вырезали, они, вдруг, стали ломиться от мяса. Если кто-то сможет мне это объяснить, я буду очень рад. И можно ли считать то, что мы покупаем, мясом? «Рыночную» буханку хлеба я тоже держал в руках.

Аганбегяну и Ремчукову нужно было всего-навсего приехать к нам в совхоз (это не гордыня, это образ) и спросить, ну как тут у вас, мужики, обстоят дела с техникой? У нас вот такие цифры выходят, но мы решили спросить вас, практиков. И уважали бы мы их за совесть до конца своих дней.

Я бы, например, сказал им следующее:

«Вчера подготовил проект приказа и Штоль А.А. (директор с-за «Новосветловский») его утвердил. Для того, чтобы за три недели управиться с посевной, мобилизована **вся** имеющаяся в хозяйстве техника, включая бульдозера и погрузчики. Сеять будем световой день, почву готовить круглосуточно. Для этого в бригады направляются все, кто умеет работать на тракторах: строители, шофера, электрики, низовой инженерный состав».

Ремчуков бы спросил: «У вас, по нашим расчётам, более половины тракторов должны стоять на машинном дворе из-за отсутствия трактористов».

Наш главный инженер ответил бы ему: «У нас нет проблемы с трактористами. Постоянно учим людей. Есть совхозные курсы, есть районное СПТУ, машиноведение преподают в школе, и выпускники вместе с аттестатом зрелости получают удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля. Вероятно, вы имеете в виду отдалённые степные районы. Да, там проблемы из-за нехватки людей. Им помогают и присылают на посевную и уборку механизаторов из города».

У нас проблема с комбайнерами. Машина сложная, капризная, не каждому по плечу. Мы не можем снимать с тракторов трактористов и садить их на комбайны, им хватает своей работы. Да и качество самих комбайнов оставляет желать лучшего. Получив новый комбайн, можно с уверенностью предполагать, что комбайнёр первый год не будет работать, а будет его «перебирать». Вот когда «переберёт» и своими руками заменит все важные части, то тогда и пойдёт выработка. Разница в производительности опытного комбайнёра и новичка составляет 500%. Нам хватает техники, но только в обрез. Чтобы разрядить ситуацию мы вынуждены использовать часть списанной».

Но они не приехали к нам.

Всё дело было в технологии возделывания сельскохозяйственных культур, которая не бралась с неба, а исходила из опыта лучших хозяйств и рекомендаций учёных. В идеальном мире Аганбегяна было одно, в моём реальном, другое. В Северном Казахстане была внедрена почвозащитная система земледелия, которая явилась ответом на пыльные бури начала 60-х годов. Хорошая система, позволившая укрепить почвенную структуру и получать с опасных площадей хлеб. Американцы свой страх перед пыльными бурями 30-х не побороли и, восстановив прерии (по рекомендациям российских учёных!), стали выпасать там скот.

Не существует идеальных технологий, выигрывая в одном, проигрываешь в другом. Бичом наших полей была засорённость сорняками. Безотвальная обработка исключала отвальную вспашку, которая «хоронила» часть мелкосемянных сорняков. Они все накапливались на поверхности почвы и после весеннего «провоцирования», то есть неглубокой заделки, их надо было вырезать. Трактор, Аганбегян, это не то, на чём ездят в магазин за водкой, а то, что тянет сельхозорудие. **Технология, орудия и количество тракторов той поры соответствовали друг другу.**

Мы требовали от промышленности широкозахватных орудий, способных за один проход выполнять несколько опера-

ций. Мы требовали гербицида против овсюга, основного бича наших полей. Всё было в движении. Именно в пору застоя начала внедряться «интенсивная технология», и мы её применяли и совершенствовали.

Осталось рассмотреть последнее утверждение, про потери зерна. «40 миллионов тонн зерна выдувалось из кузовов **аграрных машин**(?), когда они его из-под комбайнов возили на элеваторы. Комбайн насыпал. Пока он(?)везёт на элеватор, выдувается. Вот вдумайтесь: 40 млн. тонн вдоль дорог от поля до элеватора»!

Я внял твоему призыву, Ремчуков, и, в отличие от тебя, вдумался. Зерно из-под комбайнов, тем более какими-то неизвестными мне «аграрными машинами» с реактивными двигателями на элеватор не возилось.

На недоумевающий вопрос Ремчукова: – «А куда же оно тогда девалось?» – поясняю. Намолоченный хлеб везли на зерновые тока, которые были во всех сёлах и выглядели следующим образом. В зонах с повышенной влажностью дополнительно устанавливались зерносушилки.

В каждом совхозе и колхозе было несколько тысяч голов КРС, на тысячи шёл счёт и на частных подворьях. Плюс свиньи, куры, утки, гуси, индюки. Они едят зерно, Ремчуков, поэтому на токах производили переработку поступающего с полей хлеба и разделяли его на две фракции: отходы и товарное зерно. Отходы составляли обычно 20% от валового намолота, и этого хватало, чтобы прокормить имеющийся на территории хозяйства скот.

Ремчуков сказал «**вдумывайтесь!**»), и я вдумываюсь.

Если пойти по его пути и возить зерно из-под комбайнов на элеваторы, расположенные зачастую за десятки и сотни километров, это сколько же месяцев придётся вести уборку, дожидаясь, когда вернутся уехавшие неизвестно куда и на сколько времени «аграрные машины», чтобы разгрузить полные бункера комбайнов?

Но, где же заявленные громадные потери?

За многие годы я только однажды стал свидетелем несчастного случая, когда у машины, везущей с поля на ток зерно раскрылся с одной стороны задний борт и зерно посыпалось на дорогу. Водитель не сразу заметил беспорядок в боковое зеркало и проехал так метров 500. Картина лежащего на дороге зерна была настолько непривычной взгляду и отталкивающей, что я запомнил её на всю оставшуюся жизнь. Сам шофёр был так подавлен случившимся, что я даже не стал его ругать. Конечно, такой случай не был единичным. Во время уборки по полевым дорогам с утра до полуночи колесили десятки машин и происшествий были неизбежны. Но каждый такой случай вызывал аврал и после сообщения по радию к месту происшествия неслись люди. Чтобы помочь. Перегружали ведрами зерно, собирали лопатой просыпанное, мели дорогу.

Социализм, Ремчуков, это в первую очередь учёт и контроль. Жаль, что ты не слышал об этом на лекциях. Зерно было собственностью государства, и оно в полной мере заботилось о его сохранении, привлекая для защиты своего интереса народный контроль, милицию и прокуратуру.

Валовый сбор зерна составлял в те годы приблизительно 200 млн. тонн. Тот человек, который «вычислил» 40 млн. наивно полагал, что эта цифра непроверяемая и в 200 не входит. Выдуло и всё. Потерялось в пути. Откуда он её взял? А вот отсюда.

При желании я из этого плаката все 50 млн. тонн высосу. Надо только сделать морду чайником и промолчать о том, что каждая машина, участвующая в уборке, была оборудована поломом, а все щели кузовов загерметизированы.

Если Ремчуков не имеет понятия, что зерно возилось на ток, откуда ему знать, что ещё до взвешивания на весовой, оно уже было взято под жёсткий контроль комбайнерами, которые разгрузили бункера в машину и передали шофёру свои талоны. В начале уборки проводилось контрольное взвешивание зерна из бункеров имеющихся в хозяйстве моделей комбайнов, и все знали, что, например, полный бункер с пшеницей комбайна «Нива» весит две тонны. После завершения уборочного дня, ближе к утру, весовщица проводила сверку количества талонов и общего веса поступившего зерна. Расхождений, как правило, не было. Значит, входили эти 40 млн в 200 и по дороге от поля до тока не терялись. И машина с зерном, загрузившая три бункера «Нивы», привозила все 6 тонн, а не теряла за один рейс 1,2 тонны.

Ну так может быть всё-таки на трассах «выдувало», когда зерно на элеватор везли? Нет, и там мимо. После сдачи зерна бухгалтерия совхоза проводила сверку со всеми элеваторами и вес сходился.

Потери, безусловно, были, но они укладывались в допустимые нормы. А **порча зерна**, если уж на то пошло, происходила на токах, когда во время уборки шли дожди. Начиналось прораствание зерна на краях буртов. Спасали как могли. Отбирали, отправляли скоту. У нас в совхозе была свиноферма, которой ежедневно требовалось 10 тонн зерна.

Более темпераментный человек уже давно воскликнул бы: – «У какого лумумбы диплом покупал, Ремчуков?» Но я промолчу. Скажу только, что мне посчастливилось бок о бок общаться с людьми, для которых трудолюбие, самоотверженность, профессионализм, рабочая честь и совесть имели не меньшее значение, чем личная выгода, которой сегодня, как флагом, размахивают «ремчуковы».

И кто вам сказал, что коллективизация уничтожила крестьянина? Она уничтожила косный мир индивидуалистов, родив новую общность людей под названием «советская деревня».

Но ты уже устал, читатель. Если бы Ремчуков не вынул приведённые цифры из нафталина, промолчал бы и я. Всё уже неактуально и принадлежит мемуару, коим я и занимаюсь в меру своего разумения. Что случилось, то случилось. Поступь истории неотвратима. Рынок шагает по стране. Не осталось уже практически отечественного машиностроения. На наших полях работают американские и немецкие тракторы, за которые прикреплены их же посевные комплексы, выполняющие за один проход 6 операций, именно то, что мы просили у нашей промышленности, но не успели дожидаться. Хлеб тоже убирают «американцы» и «немцы». Как говорил Егор Гайдар, рынок всё отрегулирует и расставит по своим местам. Либералы обзывают работающих людей рабами и призывают к новому переделу. Тем хватает пока ума не ввязываться в новую авантюру. Жизнь продолжается дальше.

Глава 18

НАС НЕ НУЖНО ЖАЛЕТЬ

Как часто морщимся мы, читая банальные фразы, но именно они передают суть дела. **Главным богатством села являлись его люди.** Тридцать основных национальностей страны были сплавлены в плавильном котле Целины, чтобы явить новый тип человека. **Целинника.** Это было гордое имя, пользовавшееся заслуженным уважением на просторах СССР. Так народ называл всех сельских жителей Северного Казахстана, и я счастлив, что принадлежал к этому славному племени.

А как же тогда нации? Они что, исчезли с повестки дня? В том то и дело, что нет.

Нас в школе учили, чтобы мы не забывали своих корней, чтити свою историческую родину, её обычаи, культуру, национальную одежду. Но всё это в рамках интернационализма, как определяющего принципа людского общежития. Мы, возьмём, к примеру, нашу семью, были в первую очередь советскими людьми, во вторую белорусами, и, в третью – целинниками. «Я – полячка», – скажет мать, и тоже будет права. То, что мы были ещё и жителями Казахской ССР, играло в нашей идентификации совсем малую роль: так, небольшая прибавка местного колорита.

В совхозе «Аканский» трудилось около 800 человек.

(Ой, как много!) Ничего не много. Сколько было нужно, столько и трудилось. Да ещё и дефицит кадров наблюдался. Практически во всех сферах деятельности.

Если в «хорошем» 1928 году на одного хозяина в среднем приходилось 4,5 га пашни, то в «плохом» 1979 на одного члена совхоза – 30, а на механизатора более 200 гектаров.

В этом вопросе одну вещь надо понимать.

Кроме труда, как основного занятия, существует ещё и жизнь. Повседневная обывденная жизнь, в которой рождаются младенцы, уходят в мир иной старики (если бы только они од-

ни!), создаются новые семьи. Люди хотят надёжно, культурно жить, чтобы строились дома, дети ходили в садик, а потом в школу, где хорошие учителя, дающие знания, достаточные для поступления в техникумы и институты. Ты живёшь на селе, но мир открыт для тебя, и ты не чувствуешь никакой ущербности, разве что трудиться приходится больше, чем городскому. Ну так тебе и платят соответственно, если ты на сдельной оплате.

Больница была при совхозе, магазин на каждом отделении, а на центральной усадьбе их было целых семь. Хлебный (с собственной пекарней), хозяйственный, обувной, культтоваров, промтоваров, продовольственный, а напротив МТМ, на ингушском краю, ещё отдельный маленький продмаг, чтобы людям удобнее было «закупаться» и в центр, при нужде, за хлебом (водкой) не бегать, зря время не терять. И полки, поверьте мне, в те времена не пустовали. Пивной ларёк летом. Плюс совхозная лавка, где молоком торговали и мясо по выписке отпускали. Швейная мастерская, клуб в каждом селе, библиотеки, кино шесть раз в неделю, каждый день новое, бани, детские сады, школы, почты, телефонная подстанция, радиоузел, автолавка с самыми необходимыми повседневными товарами, колесящая по полевым дорогам от бригады к бригаде, рейсовый автобус.

Не всё находилось на балансе совхоза. Торговля, например, относилась к райпотребкооперации, они оттуда и зарплату получали, швейная мастерская от районного «Дома быта» была. Факт тот, что все жили на территории совхоза и обслуживали его тружеников. Всё было. Даже специальный работник от районной санэпидемстанции, который с грызунами и насекомыми боролся. Четыре села. Три тысячи жителей. Десятки улиц, сотни домов, палисадников, огородов. ЖКХ, кочегарки, газовый участок, водопровод с разборными водоколонками, грейдированные дороги, заправки, горы угля, строительный участок, МТМ, машинный двор, тёплые ангары для тракторов, автопарк, электрики. Сто машин, сто тракторов, сто комбайнов (со списанными и переоборудованными), 4000 голов КРС общественных и

2000 в частных хозяйствах, 200-головый косяк лошадей, свиньи, гуси, утки, куры тоже в тысячных количествах, механизированные тока, склады, овощехранилище, столовые, сеновалы, силосные траншеи, полевые станы, фермы, санпропускники, молочный блок, летние доильные площадки и загоны для молодняка, кладбища, конторы, отделенческие и центральная, с полным штатом, специалисты главного, среднего и низового звена, диспетчерская, внутренняя радиосвязь с 50 радиостанциями, сельский совет, профком, партком, комсомольская организация, милиционер участковый (светлая тебе память, Женья!)

Живи, трудись, радуйся. Участвуй в социалистическом соревновании. И если в тебе толковая жила есть, то будешь ты висеть на Доске почёта и сидеть в президиуме собраний, позвякивая наградами. И жена с детьми будут тобой гордиться, как неизвестным героем, поскольку бывать дома ты будешь очень редко.

На том, что передовые механизаторы и животноводы получали в то время зарплату выше, чем директор совхоза, я останавливаться не буду.

– Ты здорово подставляешься, – внезапно прерывает мой монолог Мир. Сейчас какой-нибудь, зализавший раны Ремчуков, торжествующе воскликнет: «Мы, не жалея сил, кулака возрождаем, а он нам всё песню про коллективный труд поёт. Как может совхоз с таким количеством работников быть рентабельным и конкурировать на мировом рынке? Это ведь утопия!»

– Совершенно верно. Утопия. И я рад, что видел, как она выглядит.

Уж куда веселее, чем сегодняшние «осчастливленные» рынком села и их плюющиеся жители, враз превратившиеся из достойных членов общества в люмпенов.

Но и рентабельные совхозы тоже видел. Я в них работал, и ту самую рентабельность вместе с единомышленниками создавал, увеличивая валовой сбор зерна. А потом, по призыву сверху, начал разрушать, чтобы строить новый, светлый рыночный мир.

В оправдание своей наивной глупости могу сказать только, что всегда старался поддержать то **хорошее**, что рождалось из инициативы людей.

Увы, но, в нашей стране умеют строить только на пепелище.

Оставим эту тему, Мир, ни мне, ни им ничего не докажешь, а стреляться на дуэли я не хочу. Нам с тобой ещё «Броуниаду» надо закончить, а там за Германию взяться, очень уж интересная страна.

Когда-то Марина Цветаева произнесла слова «мой Пушкин», и я сейчас хочу за ней повторить: «мой Куспек». Он у каждого жителя свой. Я расскажу о том, каким увидел его, став там работать.

Пожалуй, самым главным для меня явилось ощущение **серьёзности** всего происходившего вокруг.

Слова имели вес, и за них надо было отвечать.

Одной из причин, по которой так скоропалительно распался Союз, я считаю обесценивание слов, случившееся во время перестройки, каким бы восхитительным этот процесс ни казался вначале. На передний план, вдруг, выступили люди, главным умением которых было хорошо говорить, а если говорить достаточно много, то делать уже вроде как ничего и не надо.

А под шумок шустрые ребята прибирали к рукам лакомые кусочки.

Я увидел, что совхоз – это огромное производство, работающее круглые сутки без выходных. Люди могли позволить себе отдых, совхоз нет. Несли вахту сторожа и ночные скотники, бодрствовала дежурная медсестра в больнице, телились коровы, дорезались больные животные, тревожно спали ветеринары. Весной и осенью к полуночникам прибавлялись трактористы, комбайнёры, рабочие токов.

История окружала меня, но я её тогда не чувствовал так пронзительно, как сейчас, на исходе моих дней.

Всего 50 лет прошло с той поры, как башмачник-красногвардеец Бурыкин с товарищами **отбили** у кулаков при-

легающие к озеру Куспек земли и назвали свою мечту о новой жизни гордым именем «**Парижская коммуна**». А как изменилось всё вокруг. За 50 лет многое можно построить, но Куспек в этом отношении выходил за рамки обыденных представлений. Жилища и производственные помещения в основном были отстроены собственными силами за счёт совхоза. *(Ну, наверное, и государства, оно ведь деньги давало.)* В нём не было традиции частного строительства домов, и его рабочие и специалисты получали государственные квартиры. Меня почему поражает именно этот момент? Да потому, что впоследствии, будучи директором совхоза я на своей шкуре испытал, что это такое – строить, не имея в наличии необходимых строительных материалов, которые приходилось изыскивать по всей стране.

Как я уже сказал выше, в интернете можно найти материал о совхозе. Его предоставляет Северо-Казахстанская областная универсальная научная библиотека им. Сабита Муканова. Дело в том, что в сегодняшней Республике Казахстан нет уже Кокчетавской области, её объединили с соседней, Северо-Казахстанской, центром которой был, да и остался, город Петропавловск. Нет и Арыкбалыкского района, его слили с бывшим Володарским, который сегодня называется Айыртауским, а сама Володаровка переименована в Саумалколь.

Кто-то писал текст, основываясь на воспоминаниях старожилов и цифрах из годовых отчётов хозяйства. Я с ним знаком, читал ещё тогда, когда только приступил к «Броуниаде». Затем он исчез, но, к счастью, недавно появился снова. Пожалуй, это единственный доступный и достоверный источник информации по истории развития села и совхоза, поэтому есть смысл присмотреться к нему с уважительным вниманием.

– Не забывай, ты тоже пишешь сейчас историю, которая может позже оказаться востребованной искателю уму, поэтому не суетись, обдумывай каждую фразу, чтобы не разочаровать будущих любознателей.

– Спасибо, что напомнил. Куда уж несуетней, две страницы за день работы. А насчёт истории ты сейчас как-то пра-

вильно сказал. Слушай, Мир, а ведь точно, мы её с тобой и создаём, и фиксируем. Ходим, как динозавры, и следы в глине времени оставляем.

– Пиши уж, «динозавр», и пусть пример Михаила Ивановича жжёт тебе сердце, как пепел Клааса.

(Автор во второй книге в главах об учителях забыл упомянуть учителя математики Михаила Ивановича, который был очень неординарным преподавателем, и, пожалуй, тем человеком, который развил в нём математическую жилку, правда, так и не востребованную в будущей жизни. Теперь страдает из-за этого, несчастный, и корит себя, отвлекаясь от дальнейшей работы. Тот жил в Акчоке, имел пятерых маленьких детей, приезжал в школу по утрам на отделенческой машине-хозяйке, с ней и уезжал вечером назад, любил грызть семечки, видимо отвлекавшие его от никотина. Худой, экзальтированный, очень хорошо вдалбливал материал, мысленно деля класс на тех, кому математика может пригодиться, и тех, кому достаточно арифметики. Мир откуда-то узнал об этой оплошности автора и теперь, в педагогических целях, порой напоминает ему о внимательности.)

В материале есть фотографии. Склоним перед ними голову. Они часть ушедшей эпохи.

Кто вы, русские красавицы, вытянувшие на своих плечах самую тяжёлую сельскую долю – доярскую, когда вручную, три раза в день нужно было выдоить 15-20 коров? Как звучат ваши светлые имена? Чьи колыбели качали ваши усталые, больные руки?

Трудно сказать, когда сделан этот снимок, в довоенные или уже послевоенные годы? Кто-то может определить это точно, узнав на нём родных людей. Мне знакома по виду только четвёртая женщина. Простительно, я приезжий. Текст упоминает о трёх доярках, видимо, самых передовых. Н. П. Мешковая, П. Е. Цимбалюк, У. К. Власова. Последняя была в 1939 году удостоена путёвки на ВДНХ. Лучших доярок премировали

Началом **нормальной** жизни людей, переживших лишения 1930-1934-х годов, вызванных «Великим переломом», можно считать только 1935.

Что же происходило в стране и, в частности, в Казахстане, что нашим «парижским» коммунарам, поддерживающим советскую власть, живущим и работающим на земле, согласно воспоминаниям старожилы пять лет **«пришлось есть всякую траву»**, кроме полыни и ковыля? Видимо, эта обречённая фраза произнесена не просто для красного словца, а чтобы острее выразить ненормальность бытия тех суровых лет. Трудно усомниться в её правдивости.

Человек всеядное существо и уморить его голодом не так-то просто, если рядом с домом есть огород, луг, озеро с живой водой, камышами и рыбой, родники, леса с грибами, ягодами и дичью, сопки. Всё это у коммунаров присутствовало, каждый житель Куспека это подтвердит. Тем более, в те времена и фауна и флора были побогаче, чем после тотальной распашки целинных земель. Старожилы упоминают траву, но не упоминают голодную смерть. Ну и слава богу.

– Знаешь, Мир, я, пожалуй, подробно остановлюсь на тех лихих годах. Самому охота разобраться. Сдаётся мне, что **две правды** там схлестнулись, и никто не захотел уступить. В

том противостоянии жизни человеческие ценности потеряли. Опомнились только тогда, когда счёт смертям пошёл на миллионы. А бедных казахов так проредили, что они только через сорок лет (1969 г.) свою былую численность восстановили.

– Ну, попробуй и ты. Только помни, благодарности от читателей ты в этом вопросе не дождёшься. У каждого будет своё мнение. Многих тогда зазря обидели. А жило на селе более 80% от общей численности в 147 миллионов человек. Вот и считай, сколько у них потомков и родовых преданий. А насчёт травы, я тебе так скажу. Если ты, паренёк из сытых времён, почти полгода пасся на сопках, полянах и в лесу, то что тогда говорить о временах голодных. Ты хоть и агроном, но многих трав не знаешь. Тебе они ни к чему. А я сейчас съедобные назову, и это только часть будет из тех, что можно употреблять в пищу. Поистине, все, кроме полыни и ковыля, да и те, не ядовитые, а только невкусные.

Хлеб и лепёшки печь можно из лебеды, мха, корней пырея ползучего и камыша. Ну и далее по списку. Только нужно знать, в какой фазе роста и какие части для чего можно использовать. Одуванчик, лопух, ревен, кувшинки белые, сыть, конопля, крапива, хвощ полевой, клевер, подорожник, сурепка, пастушья сумка, борщевик, мать-и-мачеха, мокрица, спаржа, калачики (просвирняк), конский и дикий щавель, паслён, шалфей. Последний сушили, чтобы чай заваривать, так таких «чайных» трав знатоки до десятка запасали. Лекарственные травы. Дикий лук, чеснок, заячья капуста. Живут же как-то вегетарианцы. Хватит, или в лес ещё зайти?

– Хватит. Только лучше уж по привычному. Хлеб из зерна, мясо, сало, огурец, свёкла, редиска, лук репчатый, помидор, капуста, сто граммов родимой.

Глава 19

ОПТИМИСТИЧЕСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Тема коллективизации настолько обширна, что о ней проще сказать несколькими словами и сбросить тяжесть с плеч. Примерно так: коллективизация проводилась в пользу индустриализации с целью надёжного обеспечения жителей города продовольствием, промышленности капиталом и людскими ресурсами. Проходила тяжело, с большими человеческими и хозяйственными потерями, но всё оказалось не зря, и поставленные цели были достигнуты.

А мы не будем упрощать и приглядимся к процессу внимательнее. Особенность этой темы в том, что каждое мнение, напоминающее правду, опровергается противоположным, тоже похожим на правду.

Эпиграфом к данной главе могут стать слова В. М. Молотова, сказанные им в 70-е годы. Это из дневника Феликса Чуева «Сто сорок бесед с Молотовым».

«...Коллективизацию мы неплохо провели. Я считаю успех коллективизации **значительней** победы в Великой Отечественной войне. Но, если бы мы её не провели, войну бы не выиграли. К началу войны у нас уже было могучее социалистическое государство со своей экономикой, промышленностью... А у вас всё – давай готовенькое! Вы как дети. Подавляющее большинство теперешних коммунистов пришли на готовое, и только давай, чтоб у нас хорошо было всё, вот это главное. А это не главное».

Перед Первой мировой войной Российская империя была крупнейшим экспортёром зерна, отправляя за рубеж **8** млн тонн из **70** млн общего валового сбора. Урожайность в те времена составляла **7** ц/га. Если учесть, что в стране проживало **170** млн человек, а при такой урожайности как минимум четверть собранного зерна должна была оставаться на семена, решение об экспорте выглядело абсурдно.

Для нас с вами в данном вопросе важно, кто предоставлял зерно на экспорт? 83% производилось в **крупных** (помещичьих и кулацких хозяйствах), остальные 17% поставляли обычные крестьяне, с большой вероятностью не бедные, а зажиточные середняки. Экспорт на 100% находился в руках российских евреев, но это не упрёк, а констатация факта.

На что уходили полученные деньги? В 1907 году, к примеру, было вывезено хлеба на 431 млн рублей. Взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших сословий (тех же помещиков) на 180 млн. Примерно 140 млн составили расходы русских за границей, которые потратили их на курортах Баден-Бадена, прокутили во Франции, проиграли в казино, заплатили за приобретённую недвижимость. Машин и промышленного оборудования было ввезено на 40 млн рублей, сельскохозяйственной техники на 18 млн.

В 1917 году произошла революция, далее случилась гражданская война, «военный коммунизм», продразвёрстка, продналог и, с подачи Ленина, НЭП (новая экономическая политика).

К 1927 году общая посевная площадь составила 112,4 млн га против 105 млн га в 1913 г. Средняя площадь посева составляла менее 4,5 га (1928), более 30 % хозяйств не имело средств (инструмента, рабочего скота) для обработки земли: в 1928 году 9,8 % посевных площадей вспахивалось сохой, сев на три четверти был ручным, уборка хлебов на 44 % производилась серпом и косой, обмолот на 40,7 % производился вручную, цепями.

При этом товарность зернового хозяйства оставалась крайне низкой. В 1926/27 году производители имели возможность поставить на рынок лишь 13,3 % продукции, причём по этому показателю наилучший результат (47,2 %) показывали социалистические предприятия – колхозы и совхозы. Товарность 20,0 % имели кулаки, 11,2 % бедняки и середняки. Однако в валовой продукции зерна колхозы и совхозы занимали лишь

1,7 %, кулаки – 13 %, середняки и бедняки – 85,3 %. К 1928 г. доля бедняков в сельском населении СССР составляла 35 %, середняцких хозяйств – 60 %, кулаков – 5 %. В то же время именно кулацкие хозяйства располагали значительной частью (15-20 %) средств производства, в том числе им принадлежало около трети сельскохозяйственных машин.

«Идея колхозов не есть идея марксистская. Она вообще не имеет ничего общего с классическим марксизмом. Она не была привнесена в жизнь из теории. Она родилась в самой практической жизни реального, а не воображаемого коммунизма. Идеологию лишь использовали как средство оправдания своего исторического творчества. Коллективизация была не злым умыслом, а трагической неизбежностью. Процесс бегства людей в города всё равно нельзя было остановить. Коллективизация ускорила его. Без неё этот процесс стал бы, может быть, ещё болезненнее, растянувшись на несколько поколений. Дело обстояло вовсе не так, будто высшее советское руководство имело возможность выбора пути. Для России в исторически сложившихся условиях был один выбор: выжить или погибнуть. А в отношении путей выживания выбора никакого не было. Сталин явился не изобретателем русской трагедии, а лишь её выразителем. Колхозы были злом, но далеко не абсолютным. Без них в тех реальных условиях была невозможна индустриализация, а без последней нашу страну разгромили бы уже в тридцатые годы, если не раньше. Но и сами по себе колхозы имели не только недостатки. Один из соблазнов и одно из достижений реального коммунизма состоит в том, что он освобождает людей от тревог и ответственности, связанных с собственностью. Хотя и в негативной форме колхозы сыграли эту роль для десятков миллионов людей. Молодые люди получили возможность становиться трактористами, механиками,

учётчиками, бригадирами. Вне колхозов появились «интеллигентные» должности в клубах, медицинских пунктах, школах, машинно-тракторных станциях. Совместная работа многих людей становилась общественной жизнью, приносившей развлечение самим фактом совместности. Собрания, совещания, беседы, пропагандистские лекции и прочие явления новой жизни, связанные с колхозами и сопровождавшие их, делали жизнь людей интересней, чем раньше. На том уровне культуры, на каком находилась масса населения, всё это играло роль огромную, несмотря на убогость и формальность этих мероприятий».

Это выдержка из доклада Зиновьева А. А. «Сталин. Сталинская эпоха. Сталинизм.», прочитанного им в Институте философии РАН в 2003 году. (Да, да, тот самый знаменитый Зиновьев, который «Ибан Ибанович Ибанов» и «Зияющие высоты».)

Чтобы понять логику действий руководства страны, нужно внимательнее приглядеться к сложившейся на то время общественно-политической ситуации внутри страны и вызовам, которыми грозило капиталистическое окружение.

«Да, в Советском Союзе было много скверного, но ведь немало и хорошего. На счету у злодеев-большевиков по меньшей мере три великих свершения, оказавшихся не по зубам монархии: накормили голодных, обучили неграмотных и победили германский империализм.» Б. Акунин.

Начать, мне кажется, следует с 1927 года, поскольку именно он стал той вехой, которая разделила страну на «до» и «после».

Валовый сбор зерна в тот год составил **73,4** млн. тонн, что было на 3,4 млн. меньше, чем в предыдущем (76,8).

Казалось бы, разница небольшая, но для страны она имела фатальные последствия. Хлебозаготовительная кампания провалилась, государством было недополучено 128 млн. пудов (2 млн. тонн), что резко ухудшило снабжение городов продо-

вольствием. Начались перебои с хлебом, подскочили цены, в обществе стал явно проявляться социальный пессимизм. НЭП разочаровывал.

Угрожающие события, освещаемые в прессе, вызвали насторожённость крестьян, которые, в преддверии ожидаемой войны, заняли выжидательную позицию по сдаче хлеба.

Речь идёт о военной тревоге 1927 года, возникшей из англо-советского дипломатического конфликта, угрозавшего перерасти в полномасштабную войну. Причиной стали революционные события в Китае и поддержка их со стороны СССР, что вызвало жёсткую реакцию Великобритании, которая не без оснований считала эту страну своей колонией и сферой влияния.

Кулак, он же деревенский капиталист, обладая хлебом, но не желая его отдавать государству «задаром», тем более в тревожное время, становился уже не экономическим, а **политическим** фактором.

К концу года положение на рынке стало катастрофическим, раскупалось в запас всё – мука, соль, сахар, крупа, макароны. На фоне развернувшейся инфляции полки магазинов опустели.

Снова вспомним Молотова.

– 1 января 1928 года мне пришлось быть в Мелитополе по хлебозаготовкам. На Украине. Выкачивать хлеб.

– У кулаков?

– У всех, у кого есть хлеб. Очень нуждались – для рабочих и для армии. Всё-таки тогда всё это было ещё частное. Поэтому надо было у частных взять. Вот мы ездили все в деревню за хлебом: «Давай и давай хлеб!» – «А у нас нет!» – «А нет – найди. У вас где-нибудь зарыто». А мы же не знаем, чего у них зарыто. И действительно, зарыто. Жить то государству надо. А они тоже живут своим хозяйством... Хлеб отбирали, платили им деньги, но, конечно, по невысоким ценам. Им, конечно, не выгодно. Я им так и говорил, что пока нам крестьянин должен дать

взаимы. Надо восстанавливать промышленность и армию не распускать.

15 января 1928 года, из-за кризиса хлебозаготовок, Сталин, не любивший разъезжать по стране, всё-таки отправился в Сибирь «брать хлеб». На одной из встреч с трудящимися Омской области, какой-то мужик посоветовал ещё не богоподобному, а просто большому московскому начальнику Сталину **сплясать**, тогда он, может и продаст пудика два. Сталин не стал кобениться и станцевал, но, не сразу, а немного погодя.

Я далёк от мысли, что такое великое событие, как коллективизация, имело своей причиной эти, неудачно сказанные слова, но, для обидчивого и мстительного человека они могли стать определённым катализатором, ускорившим начавшуюся реакцию.

15 февраля 1928 года газета «Правда», **вдруг**, опубликовала большую подборку материалов о «тяжёлой ситуации на селе», повсеместном засилье богатого крестьянства и зловердных «кулацких элементах». Возмущённые трудящиеся в своих письмах писали: «Кулаки – эти яростные враги социализма, сейчас озверели. Надо их уничтожать, выносите постановление об их выселении, отбирайте у них имущество, инвентарь.»

– Тесно мне, – вымолвил Пилат, – тесно мне!

– Жарко сегодня, жарко, – отозвался Каиффа.

– Нет, – сказал Пилат, – это не оттого, что душно, а тесно мне стало с тобой, Каиффа. Знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя. Ни тебе, ни народу твоему. Это я тебе говорю – Пилат Понтийский, всадник Золотое Копьё!

28 мая 1928 года на встрече со слушателями Института красной профессуры Сталин впервые публично заявил, что есть верный и надёжный способ изъятия хлеба у крестьян: это переход от индивидуального крестьянского хозяйства к коллективному, общественному хозяйству. А на **июльском** пленуме ЦК впервые сформулировал знаменитый тезис об **обострении классово-борьбы** по мере продвижения к социализму.

Затем последовала более чем годовая передышка. В ЦК шла борьба с оппозицией. Рана гноилась и все чувствовали, что без хирургического вмешательства не обойтись.

3 октября 1929 года политбюро выпустило секретную директиву о «применении против кулаков решительных мер, вплоть до расстрела».

7 ноября 1929 года «Правда» опубликовала статью Сталина «Год великого перелома», в которой выдвинута задача проведения **сплошной коллективизации**.

13 ноября вышло постановление «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию». Таким образом от предстоящих репрессий не мог спасти даже добровольный отказ от имущества и согласие вступить в колхоз. Людей обрекли на ссылку не за то, что они совершили, а за то, что гипотетически могли совершить.

27 декабря. Сталин: «Раскулачивать не только можно, но и необходимо». Он назвал «смешным» вопрос, можно ли пускать «кулака» в колхоз. «Конечно нельзя, так как он – заклятый враг колхозного движения».

5 января 1930 года вышло постановление ЦК ВКП(б), предписывающее завершить коллективизацию в основных зерновых районах к осени 1932 г.

15 января была создана комиссия политбюро по проведению коллективизации во главе с Молотовым. Сталин предпочёл официальной ответственности на себя не брать.

В комиссию вошёл 21 человек, в том числе и бывший убийца царской семьи Филипп (Шая) Голощёкин. 19 из них впоследствии были репрессированы. Уцелели только Молотов и Калинин.

30 января постановление политбюро «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации».

1 февраля 1930 года официальный запрет в деревне использовать наёмный труд и аренду земли.

2 февраля секретная инструкция «О выселении и расселении кулацких хозяйств». Изымали всё, выселяемым разрешалось иметь на семью только 500 рублей. Концом «раскулачивания» можно считать 8 мая 1933 года, когда вышла инструкция «О прекращении массовых выселений и острых форм репрессий в деревне».

2 марта 1930 года в Правде публикуется статья Сталина «Головокружение от успехов», где перегибы в вопросе коллективизации объяснялись излишней ретивостью начальства на местах. Народ повалил из колхозов назад. Но, большинство вскоре было вынуждено вернуться обратно, поскольку возросшие налоги усложнили возможности вести единоличное хозяйство. Льготы беднякам уже не предоставлялись. Наиболее упёртые (около 10%) так и остались единоличниками. Их терпели.

Это факты. Но, чтобы передать вам картину такой, какой она представляется мне, я буду обращаться и к эмоциям. У меня нет личного, родового отношения к происходившим тогда событиям. Моих предков она не затронула, поскольку они находились в то время на территории другого государства, а после того, как стали гражданами нашего, «радовались» недолго и вскоре «загремели под фанфары» на поселение в Сибирь. Но, по своей, особой статье, как ненадёжные и **«много лишнего болтавшие»**, репатрианты. Так что, у меня есть возможность оставаться беспристрастным, если не принимать во внимание того, что в совхозах и колхозах моей поры я не видел ничего плохого.

4 февраля 1931 года Сталин совершенно откровенно заявил: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут. Вот что диктуют нам наши обязательства перед рабочими и крестьянами».

Герой романа Петра Проскурина «Судьба» Захар Дерюгин думает: «Это же надо, всё на дыбы вздёргнуть, живого места не оставить от вековой жизни! Она то была, вон как из неё кровяца хлещет. А ведь с дохлого она не потекёт. Вот и жуть».

Начав писать эту главу, я разыскал книгу Ивана Шухова, рассказывающую о событиях, происходивших в период 1928-1930 годов в его родных деревенских местах, в станице Пресновской. Это сегодняшняя Северо-Казахстанская область, к которой с недавних пор стал относиться и наш Куспек. Ближе, как говорится, уже некуда. И знаете, как называется его книга? Она называется «**Ненависть**». Весьма красноречивое название, вы не находите? В 1935 году по её мотивам был снят фильм «Вражья тропь».

Пока никто никого не трогал, жизнь в тех местах шла своим чередом. Кулаки богатели, бедняки по разным причинам беднели и становились их батраками, середняки в поте лица добывали свой хлеб, которого хватало в основном только на прокорм семьи. Деревня, с грехом пополам, кормила сама себя (120 млн. человек) и, худо-бедно, 27 млн. горожан.

Кто же он, этот зловерный **кулак**, почему его так ненавидели большевики, хотя и терпели до 1928 года, и почему он был безжалостно «ликвидирован, как класс» при проведении коллективизации?

«Добрая половина хутора была у Елифана Окатова в долгу, как в шелку, и каждый из должников старался отработать долг то на его обширном, богатом скотом и хлебом дворе, и ещё более обширной и ещё более богатой урожаями пашне. Он никогда и никому не отказывал в хлебной ссуде, в денежном кредите, никого не торопил с возвращением долга, чем и снискал

уважение хуторян, которые, впрочем, с лихвой отработывали ему в посевную или страдную пору, отставляя свои неотложные домашние дела».

Покойный его родитель, переселившийся во времена столыпинских реформ с семьёй из средней полосы России на целинные земли, быстро освоившись на новом месте, оставил мелкую свою торговлишку красным товаром и, помимо пашни на возделанной чужими руками целине, занялся оптовой скупкой и перепродажей лошадей местной степной породы. Кочуя зиму и лето по окрестным ярмаркам, старик на глазах у изумлённых хуторян начал ворочать уже десятками тысяч рублей. Но, запутавшись в тёмных делах со своими дружками, степными конокрадами-барымтачами, был убит и ограблен ими же на пустынной степной дороге.

Однако Епифан, оплакав убиенного родителя, не пал духом, не растерялся.

Унаследовав от покойного батюшки незаурядную его сноровку и хватку, он взялся за оптовую торговлю рогатым скотом и так умело и бойко повёл своё дело, что в канун революции уже не имел конкурентов в степной округе и диктовал цены на скот на любой из окрестных ярмарок.

После революции волей-неволей пришлось Епифану свернуть дело и определиться на службу в должности заготовителя шерсти и кож от районной конторы Казгосторга.

Он вскоре добился безграничного доверия районного и окружного начальства и, пользуясь своими правами государственного заготовителя, занялся спекулятивными махинациями, сплавляя заготовленные кожи пронырливым дельцам из соседнего Зауралья. Планы заготовок он всегда перевыполнял, за что был не раз премирован начальством. Многие догадывались о его подозрительных связях с **влиятельными степными баями-феодалами!** и с барымтачами-конокрадами, но долго не могли уличить в прямых преступлениях.

И Епифан Окатов, твёрдо уверовав в свою новую звезду, нередко хвалился во хмелю: «Да, грею на государственном дельце руки – это правильно. Ворую, где можно. Не отрицаю. Ну, а кто меня уличил в этом! Никто! И не уличить никому. Извиняйте. Я поумнее и похитрее вас, товарищи прокуроры и уездные Шерлок Холмсы! Я – стреляный воробей: меня не проведёшь на мякине. А потом, ежели с умом воровать – государству не в убыток. Так я свою новую должность при Советской власти понимаю».

Однако, был всё-таки уличён в спекуляции государственной шерстью и отстранён от должности заготовителя. Но от суда ему удалось уйти.

На время присмирив, он снова решил взяться за пашню. Надоумил его давнишний дружок, самый богатый в окрестной степи земледелец и табаковод Лука Бобров, с которым Епифан был связан тайным грехом убийства екатеринбургского скотопромышленника, грозного их конкурента на Куендинской ярмарке.

– Только пашней, – решительно сказал Лука. – Сам понимаешь, времена для твоих былых рискованных дел миновали. Торговые операции для нас с тобой не с руки: сразу в спекулянты запишут. А вот хлеб сеять – это другое дело. Земля у нас – золотое дно. Нищеты вокруг – невпроворот: полударовых рабочих рук хватит. На сложные машины тоже незачем попусту тратить. Словом, сей больше пшеницы по целине – озолотишься. А налог досрочно заплатишь – от властей почёт! Видишь, я при Советской власти не хуже, чем при старом режиме живу. Что ни год, то мне и почётная грамота из района или округа на гербовой бумаге. А чем ты хуже меня?

И Епифан, приняв рассудительные слова дружка к сердцу, взялся со свойственной ему энергией и решимостью за новое дело. Обзаведясь рабочими лошадьми, волами и необходимым сельхозинвентарём, он в то же лето поднял при помощи наём-

ных рук свыше ста десятин (гектаров) вековой целинной земли, а на следующий, не скупой на урожай год засыпался хлебом.

Не дожидаясь окладного листа, он, как советовал Лука Бобров, досрочно с лихвой выплатил весь причитающийся с него сельхозналог, за что и был отмечен в корреспонденции, напечатанной в окружной газете «Смычка», как передовой сознательный гражданин и образцовый хозяин. С тех пор так и пошло из года в год. Снимая с поднятой целины ежегодные высокие урожаи (*А, что, на кулаков засуха не влияла?*), Епифан Окатов был назван районными властями культурным хлеборобом, и образцы его пшеницы занимали почётное место на осенних сельскохозяйственных выставках в районе и в округе. Сам ректор Омской «Сибакки» прислал ему «Почётную грамоту» за содействие в продвижении перспективных сибирских сортов пшеницы.

Как Лука Бобров и все прочие хлебные заправилы, слывшие в этих местах в канун тридцатых годов за «хлеборобов-культурников», Окатов являлся неременным участником всех земледельческих съездов, слётов и совещаний. Епифан получал ежегодно то похвальный лист, то диплом за предоставленные им экспонаты высокоурожайных или особо морозоустойчивых сортов пшеницы.

А воротясь с наградными листами и грамотами восвояси, учинял он на хуторе шумные гульбища».

Да не упрекнёт меня ни один либерал в том, что я очерняю образ кулака!

А как Ленин? На чём основывалась логика большевиков в отношении кулака?

Во-первых, они идеологически не любили независимых хозяев.

Маркс писал о «собственническом свинстве» и «идиотизме деревенской жизни».

Ленин публично обещал «лечь костями», но не допустить свободной торговли хлебом и обзывал зажиточных кре-

стьян «кровососами», «пауками», «пиявками» и «вампирами». Столь же эмоционально основатель Советского государства высказывался только в адрес интеллигенции.

Во-вторых, государству, затеявшему форсированную индустриализацию, а, вернее, милитаризацию экономики, требовалось получать хлеб для снабжения городов и армии по крайне низким ценам или вообще даром. Сталин полагал, что крестьяне обязаны вечно расплачиваться с Советской властью за переданную им помещичью землю, не стесняясь употреблять слово «дань».

Единоличники же, хотели продавать продукцию на свободном рынке, а если им препятствовали, сокращали посевные площади или скрывали хлеб, пряча его по ямам.

Работники ОГПУ извлекают из ямы спрятанное зерно.

Глава 20

ЛИКВИДИРОВАТЬ КАК КЛАСС

Работая главным агрономом совхоза «Новосветловский», я стал свидетелем и участником саботажа, стихийно возникшего в районе в ответ на неправомерное «выкачивание» хлеба из хозяйств. Речь уже не шла о фураже, в опасности оказался семенной фонд. Я подробно осветил этот случай во второй книге, где описывается партия в бильярд, которую я выиграл у председателя райисполкома Каршалова, и тем самым спас свои семена.

Помню то **яростное** чувство, охватившее меня в ответ на, казавшееся несправедливым, решение областного начальства. Это был **наш** хлеб, он по закону принадлежал совхозу. Мы сдали всё, что могли, даже более того.

У меня был оклад в 190 рублей, ни о каком голоде не шло и речи. Казалось бы, забрали, ну и чёрт с ним, вам же хуже. Скот не сдохнет, есть солома, сенаж, кукурузный силос. Привеся только не будет хорошего. Свиной люди до Нового года порежут. Отходы все рабочие получили, куры не подохнут, весной яйца начнут нести. Сено частник запас. Совхоз не мой, государственный. А ярость была нешуточная.

Что же тогда говорить о людях той, коллективизационной поры, когда государство покусилось на саму основу их жизни? Всё, что люди делали наперекор власти, я понимаю, принимаю, и не упрекаю их. Вполне возможно, что и я, живя в те годы, стрелял бы в двадцатипяти тысячников, приехавших из города загонять меня в колхоз. Я тоже крестьянин.

– Ладно, ладно, успокойся, крестьянин, – останавливает меня Мир. – Чересчур впечатлительный, я смотрю. Стрелок хренов. Стрелял бы, да, разве, только махорку у своих более удачливых односельчан. На кулака ты никак не тянешь, скорее

своё последнее отдашь, крепким середняком вряд ли бы стал, читаешь много. Перебивался бы с петельки на пуговку, как раз бы в совет бедноты и вошёл. Там бы свой темперамент и расходовал, загоня сельчан в колхоз и разыскивая с милиционерами ямы со сخورенным хлебом.

Изба комсомольца-бедняка.

В 1930 году на селе произошло около 14 тысяч выступлений, в которых участвовало до 2,5 миллионов человек.

По деревням мужики, таясь друг от друга, торопливо и бестолково резали свой скот и «курили» из зерна самогон. Впрок не солили, не надеясь жить дальше. Нарком земледелия М. Чернов заметил, что в 1930 году впервые за всю свою тяжкую историю русский крестьянин поел мяса досыта.

Поголовье коров с 1928 по 1934 г. снизилось с 29 млн. до 19, лошадей с 36 млн. до 14, свиней в два раза, коз и овец втрое.

Сытость продолжалась недолго. В 1932-1933 годах разразился голод, унёсший миллионы жизней.

Остановить спад в аграрном секторе удалось лишь в 1937 году, но вернуться на уровень 1928 года до войны так и не удалось. Разве что по хлебу. С 1928 по 1939 год госзакупки зерна выросли втрое, с 10,8 до 32 млн. тонн. Живность восстанавливать труднее, нужны годы. Вот материал для любознательных.

Поголовье скота на территории СССР (млн. голов)

	КРС	В т. ч. коров	СВИНЬИ	Овцы и козы
1916	51,7	24,9	17,3	88,7
1928	60,1	29,3	22,0	107,0
1933	33,5	19,4	9,9	37,3
1939	53,5	24,0	25,2	80,9
1941	54,5	27,8	27,5	91,6
1946	47,6	22,9	10,6	70,0
1951	57,1	24,3	24,4	99,0
1961	75,8	34,5	58,7	140,3
1971	99,2	39,8	67,5	143,4
1981	115,1	43,4	73,4	147,5
1991	115,7	41,5	75,6	140,6

Сколько людей пострадало во время коллективизации?

На одной из союзнических конференций второй мировой войны Сталин сказал Черчиллю, высказавшему ему соболезнования по поводу огромных людских потерь СССР:

– При коллективизации мы потеряли не меньше.

– Я так и думал. Ведь вы имели дело с миллионом маленьких людей.

– С десятью миллионами. **Всё это было очень скверно, трудно, но необходимо.** Основная их часть была уничтожена своими батраками.

Перекладывая всю ответственность на «батраков», Сталин лукавил. «Раскулачивание» спланировали и организовали городские коммунисты. Однако доля истины в его словах имела. Партийных работников, чекистов и присланных из города уполномоченных было слишком мало, чтобы провести кампанию таких масштабов.

«В расправе участвовало немало крестьян – завистливая рвань и пьянь, или амбициозные молодые люди, наподобие героев повести Филиппа Наседкина «Великие голодранцы». Последние и оказались в итоге единственной категорией людей, выигравшей в результате коллективизации. Вплоть до 1985 года власть в стране принадлежала в основном бывшим сельским комсомольцам начала 1930-х годов».

– Мир, я не могу писать этот бред. Мне противно.

– А я тебя предупреждал, что про те времена всяк по-своему думает.

– Но не до такой же степени быть мелким. Несколько комсомольцев у него, видите-ли, выгоду с колхозов поимели, а остальные все в убытке. А как быть с теми десятками миллионов сельских жителей, которые с середины 60-х жили и счастливо трудились на полях и фермах, будучи совершенно искренне уверенными в нужности своего труда на благо Родины. Почему потерю той жизни они считают самым большим несчастьем, случившимся с ними? *(А шустрые ребята, эти комсомольцы. То власть в стране приберут, то богатства.)*

Про «пьянь» и «рвань». Автор, видимо, из тех, кто понятия не имеет о выпивке. Наверное, нахерачится до положения риз, особенно если на дурнину, а потом неделю стонет, болеет. У крестьянина такой лафы нет, у него заботы другие. Да и где вы видели в страдную пору пьяного мужика? Ах, да, возле магазина. А сами вы там что потеряли в эту пору? Ну, смелее, смелее. Какого чёрта вы околачиваетесь возле магазина, когда все нормальные люди в поле? Ах, вы не в сельском ларьке были, а в городском продмаге. Ну так и скажите.

В период НЭПа аграрная политика государства была направлена на поддержку бедняков и притеснение кулаков, с которым те довольно успешно справлялись, обладая большим потенциалом. Налоговые льготы получали около 20% крестьянских хозяйств.

По современным оценкам, к концу 20-х годов к малоимущим относилось около 50% крестьянских семейств. Это были безинвентарные хозяйства с посевом до 3 га, имевшие одну лошадь или не имеющие скота вообще.

В среднем семья состояла из 4-х человек, из которых 1–2 работали. Рацион малоимущих крестьян был скуден: в основном ели хлеб с примесями, картофель и кашу. Мясо покупали по очень большим праздникам.

В бедняцких хозяйствах урожай был ниже. Его хватало обычно на 2–3 месяца, после чего приходилось жить «в долг» или сдавать землю в аренду. Взрослые члены семьи уходили на заработки, дети становились пастухами, а женщины подёнщицами.

Покровительственная политика советской власти по отношению к беднякам во многом обусловила **враждебную позицию середняков** по отношению к малоимущим крестьянам: последних часто характеризовали как «лодырей», «ленивцев», «пьяниц», «лентяев», обвиняли в иждивенчестве. Однако причислять всех бедняков к разряду тунеядцев неправильно. Большая часть малоимущих хозяйств образовалась в результате семейных разделов, из-за отсутствия рабочих рук или по причине стихийных бедствий. Среди бедняков преобладали не ленивцы, а трудовики, которых было абсолютное большинство. Кулаки на их работу не жаловались.

В 20-х годах понятие «кулак» определялось чётко: крестьянин, использующий в хозяйстве наёмный труд.

– Знаешь, Мир, я бы не стал настаивать на утверждении, что кулак был таким уж крестьянином. Возможно, вначале – да. Но, как гласит русская народная пословица, «Трудом праведным не обретёшь палат каменных». Судя по героям книг Ивана Шу-

хова, в деятельности каждого из них был период первоначального накопления капитала, который предполагал какую-то торговлю, скупку, перекупку, спекуляцию, обман, устранение конкурентов. Как сказал один из известных американских миллиардеров, он готов честно отчитаться о происхождении каждого из своих миллионов. Каждого, кроме первого. Они богатели и становились кулаками в силу особенностей своего характера, включающих рискованность, настойчивость, оборотистость, трудолюбие. Трудолюбие не пахаря, а управляющего, капиталиста.

Называть процесс «раскулачивания» «раскрестьяниванием», как это делают сегодняшние либералы, я бы не стал.

В ходе коллективизации вопрос, кого считать кулаком, был полностью отдан на откуп местным властям. Те придумали термин «подкулачник» и к этой категории можно было отнести любого недовольного коллективизацией, независимо от имущественного положения.

Семьи порой попадали под раскулачивание за то, что имели два самовара, «слишком часто ходили в церковь или «в сентябре 1929 года зарезали свинью и съели, чтобы не дать ей стать социалистической собственностью».

Кулаки делились на три категории. Главы семей, проходящих по **первой категории**, арестовывались как «злостные контрреволюционеры» и направлялись в лагерь, а их семьи на поселение. **Вторая категория** ехала в «холодные края» вместе с отцами, **третьей** разрешалось после конфискации имущества устроиться на заводы и стройки.

Около 250 тысяч семей (примерно миллион человек) успели «самораскулачиться», продать или раздать родным имущество и уехать в город. (*Кулацкие отродья?*)

На поселение было отправлено 3 миллиона человек (2млн. 926 тысяч, если быть совсем уж точным). 400 тысяч из мест ссылки бежало, 500 тысяч погибло, в основном от голода 32-33 годов.

Цифры жертв раскулачивания из разных источников разнятся в пять раз. Кто-то предполагает, что репрессиям подверглись 10 миллионов хозяйств. Это, братцы мои, выходит около 40 миллионов человек, 33% от общей численности деревенских жителей. Многовато. Официально считается, что в кулацких семьях на 1928 год было 6 миллионов человек (5%). Три миллиона выслали, три перебрались в город, нормально. Если учесть, что были перегибы на местах и пострадали невинные (*а что, кто-то действительно был виноват, кроме той вины, что оказался более удачлив при НЭПе, а в новой ситуации стал лишним?*), то добавим к семьям кулаков ещё 4 млн. человек, и как раз получим искомые 10 миллионов, которые упоминает Сталин. Он употребляет слово «уничтожены», но имеется в виду «уничтожены как класс», а не буквально, физически. Есть отчёты ОГПУ, НКВД. Не будем сейчас говорить о жертвах голода, это отдельная тема. Не выводили же «пьяные голодранцы» людей за околицу и не убивали тайно миллионами.

Почему у меня нет полной ясности по этому вопросу? Дело в том, что согласно статистике, городское население страны с 1926 по 1939 год практически удвоилось с 27 до 56 миллионов человек. Откуда оно взялось? Нет, я понимаю, что существует такое понятие, как рождаемость и естественный прирост. Общее число населения за эти годы в стране увеличилось на 23, 6 млн. несмотря на все жертвы голода. Вроде, как 7 миллионов из кулацких лишенцев мы нашли, откуда взялись остальные? Ведь считается, что крестьяне в колхозах были закабалены, и просто так по стране перемещаться не могли. Наверное, всё-таки могли и по разным причинам в города и на стройки социализма перебирались. Для того коллективизация и затевалась, чтобы высвободить лишних людей. А может и не умирали миллионами, а как-то по городам и стройкам спасались.

А что было дальше с ссыльными кулаками и их семьями? С 24 мая 1934 года было разрешено восстанавливать их в

гражданских правах, но в индивидуальном порядке. Во время войны 100000 их сыновей были призваны в армию, а члены семьи получили свободу. В 1954 году спецпоселение было отменено. В 1991 году они были признаны жертвами политических репрессий.

Глава 21

ВЕЛИКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Сейчас мы будем с вами говорить о голоде начала 30-х годов, число жертв которого тоже не определено точно и варьирует от **2** до **12** миллионов. В этом плане, конечно, хохлы себя выпячивают. Геноцид, голодомор, 6 миллионов. Спросите казахов и тогда поймёте, что ещё легко отделались.

Голод, это когда нечего есть. Приглядимся к цифрам, их можно найти везде, они почти не отличаются в различных источниках, только интерпретируются по-разному.

Я уже упоминал о валовом сборе зерна в 1927 году. Он составил **73,4** миллионов тонн, по сравнению с **76,8** млн. в 1926. Разница небольшая, но, аграрная страна, в деревнях которой проживало 120 млн. человек была непредсказуема в своих действиях с хлебом. Городу, скажем прямо, нечего было предложить крестьянам, чтобы получить у них хлеб, и те затаились.

Хлеб был. Если его правильно распределить, ни о каком голоде не могло быть и речи. Недоедание – да, но не голод. Царская Россия производила в среднем 70 млн. тонн, имела население в 170 млн. человек и экспортировала ежегодно за границу 8 млн. тонн. Советская страна имела население 147 миллионов и производила более 70 млн. тонн. Но, хлеб находился в частных руках. Он и раньше был в частных, но тогда существовали крупные помещичьи хозяйства, которым надо было хлеб кому-то продавать, чтобы выручать деньги. Мелкий частник конца 20-х особой роли не играл, ему бы только самому прокормиться, и на первый план вышел кулак. Хлеб был, но зажиточный крестьянин не спешил с ним расставаться. Его примеру следовали и остальные.

В последующие годы сбор зерна складывался следующим образом:

1928 – **72,3** млн. тонн
1929 – 71, 7
1930 – **83,5**
1931 – 69,5
1932 – **50,1**
1933 – 68,4
1934 – 67,6
1935 – 75,0
1936 – 56,1
1937 – 97,4
1938 – 95,0
1939 – 82,5
1940 – 95,5

Я посчитал средний валовый сбор зерна с 1927 по 1935 год, и он оказался ровно 70 миллионов тонн. Голода не должно было быть. Но, копаемся дальше.

Самой распространённой версией случившегося считается, что причиной голода стало чрезмерное принудительное изъятие зерна и продажа его на внешнем рынке с целью получения валюты и покупки на неё машин и оборудования для индустриализации страны. Кроме зерна, вроде, продавать было особо нечего, так что, извините.

Не будем заглядывать в зубы гнилым либералам, посмотрим лучше на цифры. Экспорт хлебных культур составлял:

1926-1927 – **2,2** млн. тонн
1927-1928 – **0,388**
1929 – 0,262
1930 – 4,8
1931 – **5,2**
1932 – **1,8**
1933 – 1,7

В 1934 году по одним данным экспорт был полностью прекращён, по другим продолжался, но в незначительном количестве.

Да, зерновой экспорт был одной из крупных статей валютной выручки СССР в сталинский период. Потом его сменил экспорт драгоценных металлов, которые, в числе прочих, добывали в безлюдных местах и ссыльные кулаки.

В 1930 году был получен рекордный урожай, что позволило резко увеличить экспорт. Именно на этом фоне И.В. Сталин пишет В.М. Молотову письма: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут». (6 августа 1930 г.)

«Надо бы поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3-4 миллионов пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинзавод и пр.) заводов. Найдутся мудрецы, которые предложат подождать с вывозом, пока цены на хлеб на международном рынке «не поднимутся до высшей точки». Таких мудрецов надо гнать в шею, ибо они тянут нас в капкан. Чтобы ждать, надо иметь обеспеченные позиции на международном хлебном рынке. А у нас нет уже там давно никаких позиций – мы их только завоёвываем теперь, пользуясь специфически благоприятными для нас условиями, создавшимися в данный момент. *(Он имеет в виду Великую депрессию в США)*. Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба». (24 августа 1930 г.)

Зимой и весной 1931 года экспорт продолжался. Но цены на рынке упали в 2,5 раза. В сентябре Сталин заявил, что «копейки платят» и подчеркнул, что экспорт экспортом, но хлеб нужен для внутренних нужд. Страховой запас был истрачен. Следующий неурожай мог стать фатальным, что и произошло в 1932 году. Уже в мае, в связи с начавшимся голодом часть экспорта была возвращена обратно, а порядка 100000 тонн закуплено за границей. Вызывает удивление, но и в 1933 году было вывезено, правда уже осенью, из нового урожая, 1,7 миллионов тонн.

Мнения о связи экспорта с голодом диаметрально противоположные: «Вывезли 13 миллионов тонн, а народ голодал»

и «В период голода вывезли всего 300 тысяч тонн, и это ни на что не повлияло».

А что же тогда повлияло? Подкрутим наш микроскоп ещё на несколько делений.

Ф. Чуев: «В писательской среде говорят о том, что голод 1933 года был специально организован Сталиным и всем вашим руководством».

Молотов: «Это говорят враги коммунизма! Это враги коммунизма. Не вполне сознательные люди. Не вполне сознательные... Нет, тут уж руки не должны, поджилки не должны дрожать. А у кого задрожат – берегись! Зашибём! Вот дело в чём. Вот в этом дело».

– Но ведь чуть ли не 12 миллионов погибло от голода в 1933-м...

– Я считаю, эти факты не доказаны. Нет, нет, ни в коем случае. Мне приходилось в эти годы ездить на хлебозаготовки. Так что я не мог пройти мимо таких вещей. Не мог. Нет. Это преувеличение. Но такие факты, конечно, в некоторых местах были. Тяжкий был год».

В 1928 году доля хлебозаготовок составила 14,7% от валового сбора, в 1929 – 22,4%, в 1930 – 26,5%, в 1931 – 32,9%, в 1932 – 36,9%. Можно при виде этих цифр ужаснуться, но я вам скажу, что совхозы, в которых мне довелось работать, сдавали государству и по 75% собранного зерна, в зависимости от урожайности, оставляя себе семена и фураж в виде зерноотходов. Главное же отличие от тех суровых лет состояло в том, что мы получали ежемесячную заработную плату и могли покупать хлеб и другие продукты в магазине.

Итак, мы вплотную приблизились к причине голода. Растущие из года в год хлебозаготовки. Но, трезвые головы говорят, что он был вызван не ростом хлебозаготовок, а резким падением сбора зерна в результате коллективизации. Тем более, что по непонятной причине, хотя, чего тут не понимать, государство подстраховывалось, и я вам потом скажу, почему, в 1932 году план хлебосдачи был составлен на основании предварительной оценки урожая, а не фактического его сбора. В неко-

торых случаях расхождение было в два раза в сторону фактического снижения. Но, Москва требовала неукоснительного соблюдения плана на основании озвученных цифр. На местах были вынуждены приступить к фактически полному изъятию хлеба у крестьян.

Ещё одной из причин возникновения голода считают принудительное обобществление скота, вызвавшее ответную реакцию крестьянства – массовый забой скота, в том числе и рабочего в 1928-1931 годах. С осени 1931 года количество скота у единоличников значительно сократилось и убыль стала происходить за счёт колхозного и совхозного стада (нехватка кормов, плохие условия содержания).

Сельское население было психологически не готово к сплошной коллективизации. Многие предпочитали съесть или продать свой скот (или забить и продать мясо) до вступления в колхоз, чтобы скотина не досталась тому задаром.

Это внесло большой дисбаланс в сельское хозяйство в 1930-1931 годы, особенно в животноводческих районах. Мясозаготовки же проводились в 1932-33 г. г. в соответствии с планами, рассчитанными на наличие у населения **большого** количества скота, что приводило порой к отъёму последнего.

Меры спасти страну, и, в первую очередь городское население, от голода, начали предприниматься уже с января 1932 года. Все видели кризис задолго до осени. Можно было установить твёрдые нормы сдачи зерна государству, но Сталин отверг это предложение. Можно было сократить экспорт зерна и начать покупать его за границей. Такие закупки в ограниченных количествах производились весной 1932 года. Однако Сталин дальше этим путём не пошёл, поскольку он прямо или косвенно свидетельствовал бы об ошибочности «большого скачка». Для смягчения положения с голодом он согласился на снижение темпов индустриализации в 1933 году. Промедление с этим решением было оплачено миллионами жизней.

Пожалуй, хватит о виновнике, столь жестоко обошедшемся со своим **милым** народом. Приглядимся немного к жертве, к крестьянину.

«Высшая и самая характерная черта нашего народа – это чувство справедливости и жажда её». Ну, естественно, чай не немчура какая. Кудой мы без справедливости? А вот главной особенностью крестьянского сознания является **недоверие**. Коллективизация была крайне болезненной для крестьянина. Он ведь имеет очень ущербное сознание, он – мелкий собственник, эгоист в высшем смысле этого слова. Есть и такая точка зрения, и, если имеют право на существование все остальные, почему надо делать исключение для этой.

Какой интерес у крестьян повышать товарность, если всё придётся отдать злему и жестокому государству на совершенно непонятные для них цели? Поэтому охвативший крестьянство саботаж в 1931-1933 г. г. был выражением протеста десятков миллионов эгоистов против несправедливого, по их мнению, государства.

Государство отреагировало решительно: хлеб стали изымать из амбаров. В 1932 году крестьяне либо разворовали урожай и зарыли его в земле, либо решили вообще не собирать, тогда и отбирать будет нечего.

Нет, себя они уморить голодом не хотели. Хлеб остался на полях в скирдах и валках. Зиму рассчитывали прожить за счёт наворованного, а весной обмолотить хлеб из скирд.

Но, произошло непредвиденное: хлеб, хранимый в земле, оказался заражённым грибком и мышинными экскрементами. Начались отравления. А тот, что остался на полях, пожрали мыши.

Популяции мышей имеют способность к взрывному размножению, если есть кормовая база. А такой подарок в 1932 году крестьяне им сделали, оставив миллионы тонн хлеба в скирдах и валках, а часть попрятав в землю, где мыши его тоже легко находили.

Читаем скупые строки сводок ОГПУ: «В результате тяжкой уборки в ряде мест значительные площади посевов уже созрели и зерно осыпается. Так в некоторых районах Украины, Сев. Кавказа, Крыма, Казахстана и др. потери зерна составляют от 25 до 50%. Падение трудовой дисциплины проявляется

прежде всего в массовых невыходах на работу. Невыходы на работу местами достигают 30–70% (Украина). В ряде случаев при обмолоте оставляется в соломе 30–50% зерна с целью последующего обмолота». *(Про непогоду и затяжные дожди не упоминается, значит в этом плане условия для уборочных работ были благоприятными.)*

Крестьяне надеялись воспользоваться оставленным в поле зерном, когда уйдут заготовители. Но заготовители долго не уходили и зерно осталось неприбранным. Это и было одной из главных причин произошедшей трагедии.

Будущий диссидент, а в ту пору тот самый «заготовитель» Пётр Григоренко вспоминал: *«То, что я увидел, превзошло мои самые худшие ожидания. Огромное, более 2000! дворов, степное село на Херсонщине – Архангелка – в горячую уборочную пору было мертво. Работала одна молотарка, в одну смену (8 человек). Остальная рать трудовая – мужчины, женщины, подростки – сидели, лежали, полулежали в «холодку». Я прошёл по селу из конца в конец, мне стало жутко. Я пытался затевать разговоры. Отвечали медленно, неохотно. И с полным безразличием. Я говорил: «Хлеб же в валках лежит, а кое где и стоит. Этот уже осыпался и пропал, а тот, который в валках, сгинет» «Ну, известно, сгинет», – с абсолютным равнодушием отвечали мне. Значит, какая же сила протеста возросла в людях, что они пошли на то, чтобы оставить хлеб в поле. Значит, как же противно было народному характеру затеянное партией объединение крестьянских хозяйств».*

«Всё ясно», – скажет бескомпромиссный, и считающий себя умнее всех, правдолюбец. «Устроили большевички бардак. Григоренко «наш», он врать не будет. Вот она, причина голода».

А вот мне, дураку, ничего не ясно. Читаю дальше.

«Я объяснил всё несознательностью крестьян и в одиночку(!) стал бороться с народной апатией. И кое-что сделал. За полтора месяца, что я там пробыл, темпы обмолота увеличились почти втрое – начали убирать кукурузу, подсолнечник, пахать зябь. Но это не благодаря мне. Людям просто надоело

сидеть без дела. И они, сегодня один, завтра другой – выходили на работу».

О каком времени идёт речь? О каком годе вспоминает «диссидент №1»? Я сначала тоже подумал, что это осень 1932, канун голода. Но потом стал читать его биографию, и понял, что описывает он осень **1930**. Года, когда Советское государство собрало самый высокий урожай за всю историю своего недолгого существования, включая времена «сытого» НЭПа – **83,5 млн. тонн**. Хохлы явно не собирались принимать участие в общесоюзном «празднике урожая».

В книге есть воспоминания об отце автора – полеводе сельхозартели, созданной ещё в начале 20-х годов, которого он спасёт от голодной смерти в 1931 году и увезёт из деревни. Отец в том же 1930 рассказывает ему: «Люди почему не работают? Наша артель дружная, работали хорошо, а соседи ничего не делали. Хлеб не обмолотили. Так район и за них выполнил хлебосдачу нашим хлебом. В результате мы остались без хлеба, а соседи свой молотили и ели после хлебосдачи. Кто же станет работать после этого?»

Они вообще, кто, жители этого «огромного села» на Херсонщине? Судя по количеству дворов, там проживало около 8000 человек. Они единоличники или колхозники? Допустим, их насильно согнали в колхоз в 1929 году. Трудно представить такой огромный колхоз, поэтому предположу, что их было несколько. 2 марта 1930 опубликована статья Сталина «Головокружение от успехов». Люди стали выходить из колхозов, но всё же 21% остались. Почему Григоренко пишет, что он один бродит по селу и удивляется, что люди не работают. Где председатели оставшихся колхозов? Где бригадиры? Где звеньевые? Где председатель поселкового совета? Где милиционер? Где «беспринципные» хамоватые комсомольцы? Вы, как хотите, а я вижу в этих записях самолюбование «инакомыслящего», того самого «диссидента», который считает себя морально выше других, а на самом деле есть известная субстанция, которая плавает

в луже и не тонет только по причине своей легковесности. И что это за название мемуара – «В подполье можно встретить только крыс»? Это что, о себе и своём окружении что ли? Советская власть, она, при всех её недостатках, вроде на свету находилась.

Если уж понимать ситуацию более верно, то мне ближе слова секретаря ЦК КП(б)У Станислава Косиора, которыми он напутствует в 1930 году уполномоченных, отъезжающих в деревню, в том числе и автора «Крыс». Григоренко пишет свои мемуары, уже зная, что случилось в дальнейшем, а Косиор, в конечном счёте поплатившийся за свои действия жизнью, об этом ещё не знает.

«Мужик перешёл к новой тактике. Он отказывается убирать урожай. Он хочет, чтобы погиб хлеб. Чтобы можно было костлявой рукой голода задушить советскую власть. Но враг просчитывается. Мы его самого заставим узнать, что такое голод. Ваша задача – сорвать кулацкую тактику саботажа уборки урожая. Убрать всё до зёрнышка и собранное немедленно вывозить на хлебосдачу. Степняки не работают, надеясь на спрятанное в ямах зерно прошлых лет уборки. Надо заставить их раскрыть ямы».

Насколько всё-таки сложное было это дело – коллективизация. Благие желания и жёсткая практика осуществления, которая вызывала неприятие даже у главных «злодеев».

Шифровка Сталина Когановичу и Молотову. 2. 7. 1932г:

«Обратите серьёзнейшее внимание на Украину. Чубарь (председатель СНК Украинской ССР) своей разложённостью и оппортунистическим нутром и Косиор своей гнилой демократией (в отношении ЦК ВКП(б) и преступно-легкомысленным отношением к делу – загубят в конце Украину. Руководить нынешней Украиной не по плечу этим товарищам. У меня создалось впечатление (пожалуй, даже убеждение), что придётся снять с Украины обоих, и Чубаря, и Косиора».

Советская власть смотрела на выкрутасы родного мужика терпеливо и только на третий год приняла закон «Об охране социалистической собственности». Наверное, было нужно.

Конечно, крестьяне не хотели гноить хлеб. Они хотели дожждаться, когда уйдут заготовители. А они не уходили до самого снега, который выпал в ноябре.

То, что от голода умрут миллионы горожан, и так уже 4-й год сидящие на карточках, их не интересовало. Они думали о себе, и то, что случилось впоследствии, в какой-то степени справедливо, как бы кошунственно это ни звучало. То, что заготовители отбирали припрятанный «последний» хлеб – единственно правильное действие. Если бы голод охватил города, страна погрязла бы в хаосе.

Вот и наступило мышам раздолье. Специалисты свидетельствовали, что в обычное время в Ставрополье в скирдах почти не бывает мышей, но зимой 32–33 г. в полове находили до 4 тысяч, по 70 грызунов на кубический метр. Число нор доходило до 10000 на гектар, по норе на каждый квадратный метр.

Очевидцы описывают нашествие мышей на степном Юге: «В ноябре 1932 пошли лавой мыши. И ели всё на свете, даже людям спать не давали, обгрызали пальцы. Народ тогда взволновался. «Это перед какой-то пропастью или перед голодом» – говорили старики.

«Хаты кишели мышами, по улицам в бурьяне раздавался непрерывный треск, это двигались мыши. Наглость их переходила всяческие границы: обувь, продукты, семена – всё уничтожалось прожорливыми грызунами.

А что же то зерно, что было попрыгано в ямах? *(Кстати, таких схронов было найдено относительно немного, что даёт основание либеральным адвокатам крестьянства утверждать, что и сокрытия не было. Но, это ничего не доказывает. Значит, на свою погибель, прятали хорошо.)*

Но, небрежно. Скрывались от любопытных глаз. Яму надо с умом обустроить, чтобы и воздух туда не проникал, и Мать Сыра Земля влагой не делилась, и мышь не могла через упёртую, а то и обожжённую глину пробраться.

Представьте себе разочарование, которое испытали наши саботажники. Подъев то небольшое, что оставалось в амбарах, они отрывают спрятанное, а оно или сгнило, или поедено мы-

шами. Они бегут к скирдам, а там сплошное мессиво из тысяч мышей.

Вот вам и причина голода.

Был ли голод 1932–1933 гг. рукотворным? Да, был. Только исполнили этот «Реквием» в четыре руки. Самые страшные события развернулись весной. Люди, уже ослабленные токсинами, не вынесли голодания. Пик смертности приходится на апрель-май-июнь 1933 года, и это трудно объяснить только истощением. Ведь была уже трава, а в некоторых местах и молодая картошка.

Но, не бросит либерал камня в крестьянский огород. Виновато только государство. «Если бы сталинское руководство приняло во внимание быстро распространяющиеся панические настроения в деревне, то тогда бы удалось избежать огромных потерь зерна при уборке урожая, его массового воровства колхозниками. Его не пришлось бы прятать в ямы, где оно сгнило. В этом случае последствия кризисной ситуации 1932 года не были бы столь трагичными».

То, что Сталин поначалу не верил в голод – это факт. А с чего ему верить, если, по предварительной оценке, хлеб был, а причиной срыва хлебозаготовок явилось воровство и саботаж. Треть урожая украли или оставили на полях – это ведь тоже факт. Выход постановления ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года «Об охране имущества госпредприятий, колхозов и кооперации и укреплении социалистической собственности», прозванное в народе «Законом о трёх колосках» или статьёй 7/8, был не инициативой, а ответом государства на сложившуюся ситуацию.

Когда стала ясна причина мора – отравление зерном и мышьяком, правительство действовало решительно. Отравленное зерно изымалось из оборота, а зимой развернулась беспрецедентная борьба с грызунами. Ядохимикаты гнали на Юг эшелонами. Стали помогать голодным районам продовольствием и семенами.

Обе стороны сделали правильный вывод. Крестьяне поняли, что не стоит так ретиво закусывать удила и воровать зерно

– себе дороже, а в случае неурожая можно рассчитывать на помощь государства. И не было потом такого массового саботажа, и голода не было, когда 1936 год действительно оказался неурожайным. Да и колхозы стали крепнуть, индустриализация стала давать плоды и техника пришла на поля.

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. Когда веселее живётся, работа спорится».

Слова эти сказаны Сталиным в ноябре 1935 года. За месяц до этого были отменены карточки на хлеб.

– Ну а сам как считаешь? Чужих мнений ты достаточно привёл. Но книга ведь твоя, и читателям интересно знать, что именно обо всём этом думаешь ты?

Чувствуется, что тема эта Миру уже изрядно поднадоела, и он ненавязчиво хочет меня подтолкнуть к её завершению. Да, затягивать не надо.

– О моих симпатиях и антипатиях можно догадаться из написанного, но, я отвечу тебе немного необычно. Я свяжу голод с национальностью особо пострадавших, ну, может, не национальностью, а менталитетом проживавших в тех местностях людей.

Это очень интересная схема. Те участки, которые заштрихованы гуще, пострадали от голода сильнее. Под номером 12 у нас Украина, под 18 Северо-Кавказский край. С – это бывшая территория донских, кубанских и терских казаков. С1 – бывшая территория уральских и оренбургских казаков. **Своевольные кичливые казачки и «упёртые» хохлы.**

Думаешь, наговариваю, и зазря целую нацию оскорбляю? А ты спроси моих жён, и они тебе, не сговариваясь, отве-

тят, что «этот проклятый белорус» одного с ними поля ягодка. У него фамилия на «ко» заканчивается.

– Моя фамилия Кравченко. Я такой же упёртый хохол, как вы. И вам меня не переспорить. (Из воспоминаний бывшего Первого секретаря Полтавского райкома КПСС Омской области.) Речь шла об объединении к общей пользе крепкого хозяйства с маленьким и слабым. «Крепкое» не возражало, но упёрлись потомки «стольпинских хохлов». Нет, и всё! А почему «нет», никто внятно и не мог объяснить. Вот Кравченко таким образом их и убедил, что не на того напали.

Моё мнение не может быть объективным. Я знаю последствия происходивших событий. Если бы миллионы саботажников могли предположить, что скоро они начнут вымирать даже не семьями, а целыми сёлами, они бы вели себя иначе. Когда в обществе происходит разлад такого вселенского масштаба и накала – жди большой беды. Природа не остаётся безучастной и даёт всем сторонам свой жёсткий, да что там жёсткий – жестокий урок.

Если бы я имел сегодня фантастическую возможность обратиться к тем, ещё живым сельчанам, я бы крикнул:

– Люди! Послушайте меня, люди! Смириться с тем, что происходит. Вы не одни в этом мире, не будьте эгоистами. Исполняйте старательно своё предназначение и будет вам счастье. Помогите руководству страны провести индустриализацию, и оно отблагодарит вас тракторами и сельхозмашинами. Вступайте добровольно в колхозы, идите работать в совхозы. Я знаю, что вам трудно решиться, и вот так, сразу отказаться от векового образа жизни, но, сделайте это, пересильте себя. Вам никто не желает зла. Не верьте тем, кто говорит, что вас хотят сделать рабами. Совсем наоборот. Вы, наконец, обретёте истинную свободу, освободившись от химеры частной собственности и познаете радость совместного труда. Социалистическое соревнование станет вашим стимулом. Вам оставят личную собственность и этого будет достаточно, чтобы тешить вашу мещанскую душу. Я из будущего, и я говорю вам, что вы будете плакать

за своими колхозами и совхозами, когда последователи недобитого кулацкого сознания разрушат их и опять станут превращать вас в рабов собственности. Верьте мне, люди!

Но, печальна участь Кассандр.

Мне в той ситуации позиция Сталина кажется более объективной, он видел общую картину и перспективу, а саботаж надо было сломить. Либералы 90-х, взявшиеся за передел страны в своей мерзости и жестокости дадут фору любому партийцу 30-х. Только эти из богатой справедливой страны делали опять бедную и несправедливую по распределению богатств, а те, под руководством Сталина, из бедной богатую и справедливую, да ещё в такой короткий срок.

– Добрейшей души был человек, – вспоминал о нём Молотов. – Вот, Ленин, тот строгий. *(Ха-ха!)*

Чтобы понять позиции сторон в той трагической истории, я приведу сейчас выдержки из переписки Шолохова со Сталиным.

В письме от 4 апреля 1933 года Шолохов описывает методы, которыми были добыты 593 тонны хлеба. Письмо большое, желающие могут с ним ознакомиться, оно выложено в интернете. Среди прочих издевательств он пишет об избииении колхозников и единоличников, о том, что на полном серьёзе ставили людей к стенке и стреляли, но выше головы, что раздевали догола и заставляли бегать по снегу. До смертоубийства дело, правда, не доходило. «Обойти молчанием то, что в течение трёх месяцев творилось в Вешенском и Верхне-Донском районах нельзя. Только на вас надежда. Решил, что лучше написать Вам, нежели на таком материале создавать последнюю книгу «Поднятой целины». С приветом М. Шолохов».

И.В. Сталин – М.А. Шолохову

6 мая 1933 г.

«Дорогой товарищ Шолохов!

Оба ваши письма получены. Помощь, какую требовали, оказана уже. Для разбора дела прибудет к вам в Вешенский район т. Шкирятов, которому – очень прошу Вас – оказать помощь.

Это так. Но это не всё, товарищ Шолохов. Дело в том, что Ваши письма производят несколько однобокое впечатление.

Я поблагодарил Вас за письма, так как они вскрывают болячку нашей партийно-советской работы, вскрывают то, как иногда наши работники, желая обуздать врага, бьют нечаянно по друзьям и докатываются до садизма. Но это не значит, что я во всём согласен с Вами. Вы видите одну сторону, видите не-плохо. Но это только одна сторона дела. Чтобы не ошибиться в политике (Ваши письма не беллетристика, а сплошная политика), надо обозреть, надо видеть и другую сторону.

А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего) проводили «итальянку» (саботаж) и не прочь были оставить рабочих, Красную армию без хлеба.

Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови) – этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы по сути дела вели «тихую» войну с советской властью. Войну на измор, товарищ Шолохов.

Конечно, это обстоятельство ни в какой мере не может оправдать тех безобразий, которые были допущены, как уверяете Вы, нашими работниками. И виновные в этом безобразии должны понести должное наказание. *(А вот интересно, сколько «криворуких» либералов за одинаковые издевательства над людьми были осуждены, расстреляны и сели в тюрьму?)* Но, всё же ясно, как божий день, что уважаемые хлеборобы не такие уж безобидные люди, как это могло бы показаться издали.

Ну, всего хорошего и жму Вашу руку. Ваш И. Сталин».

Глава 22

ПОТОМКИ ЧИНГИСХАНА

Казахский («голощёкинский») голодомор (ашаршылык) напрямую связан с именем Филиппа Голощёкина, профессионального революционера, еврея, (см. *А.И. Солженицын «Двести лет вместе»*), зубного техника по образованию, родившегося 9 марта 1876 года, осуждённого и расстрелянного в октябре 1941, и реабилитированного в 1961 году.

«Виривать» зубы казахам он начал в 1925 году и продолжал свою деятельность до **февраля 1933 года**, занимая должность ответственного секретаря Казахстанского крайкома ВКП(б).

«Шерлок Холмс русской революции» В.Л. Бурцев, да, да, именно тот, о ком вы сейчас подумали, разоблачитель Азефа, знавший Голощёкина, писал о нём:

– Это типичный ленинец. Это человек, которого кровь не остановит. Эта черта особенно заметна в его натуре: палач жестокий с некоторыми элементами дегенерации. В партийном быту отличался высокомерием, был демагогом, циником. Каза-

хов он вообще за людей не считал. Не успел Голощёкин появиться в Казахстане, как заявил, что Советской власти тут нет и надо устроить «Малый Октябрь».

Определённый резон в словах Первого секретаря был.

После революции жизнь в казахских степях изменилась мало. Большевики не имели никаких рычагов влияния на кочевое население, которое не зависело от централизованной системы распределения товаров. Основной их опорой была немногочисленная казахская интеллигенция («Алаш», «Алаш орда»), поддерживавшая их только на условиях широкой автономии и невмешательства в традиционную жизнь республики. Всё это давало основания центральным властям считать Казахстан потенциально малолояльной территорией, а его руководство ненадёжным. Определённые виды у центральных властей имелись и на поголовье скота, находившееся в руках казахских родов. Значительная часть казахов вела кочевой образ жизни. По данным переписи 1926 года только 23% аульных хозяйств были полностью оседлыми.

Из уст казахской интеллигенции уже 80-х годов, чему я сам свидетель, всё чаще звучало крамольное высказывание, что их ханы совершили роковую ошибку, отдавшись в начале 18 века под руку Москвы. Ничему хорошему они от русских не научились, только пить водку и ругаться матом. *(Странно, те утверждают, что переняли это от монголов, а казахи, как никто другой, почитают себя потомками Чингисхана.)* Но главный упрёк заключался в том, что пришедшие на смену царскому правительству большевики разрушили уникальную кочевую цивилизацию казахского народа с её многовековой культурой и традициями. Надо было ханам искать другого покровителя. *(Это кого же? На карту давно смотрели?)*

Каким романтичным казался им издали тот мир единения человека, природы и животного. Как рвалась их душа на коктеу, кузеу и жайлау *(весеннее и осеннее пастбище, летовка)*, с их народными гуляньями, кумысом, араком и бешбармаком, песнями, танцами, звуками домбры, состязаниями акынов, джигитов и батыров, свадьбами и собраниями родов. Милая, милая

родина, растоптанная безжалостным русским большевистским сапогом.

Хорошо мечтается интеллигенту в теплоте уютного дома под завывание метели и треск мороза. Уже и туберкулёз, этот вечный спутник казаха практически взят под контроль, и дети скоро придут из школы, и жена, выздоровев, вернётся, наконец, из больницы. Перестал страшить джун. Осел народ на постоянном кыстау (*зимовка*), перебрался из юрт в настоящие дома, телевизоров накупил. Что это там показывают по второй, республиканской программе? В Казахстане проблема с кадрами чабанов, особенно на отгонных пастбищах? Да не может этого быть. Вот люди пошли, красоту перестали понимать. Отдайте детей в интернат и, вперёд, в юрту, на природу, как наши предки жили. Ну и что, что тяжело и одиноко столько месяцев? Кто-то же обязан эту работу выполнять, уж не думаете ли вы, что я, или мои дети станут за вас её делать? «Чёрная кость» должна знать своё место.

Просторен Казахстан, девятое место в мире по площади занимает. Его на карте сразу видно, ни с какой другой страной не перепутаешь, разве что с соседней Монголией.

Проживает в нём на сегодняшний день 19 миллионов человек. 60% населения – жители городов. Казахский этнос лидирует, и его доля в общем составе населения равняется гордым 69%. Так было не всегда.

Я люблю Казахстан, его многонациональный народ, да и к самим казахам отношусь с неподдельным уважением. Считаю Казахстан своей родиной, хотя и родился в другом месте. Но именно в нём, на улице Целинной, стоял родительский дом, в котором я начал ощущать себя человеком и открывать окружающий мир. Я там работал. Оттуда я уехал, чтобы раз за разом постоянно мысленно, да и физически, возвращаться. Я люблю свою родину и хочу как можно больше о ней знать. Но, знания, как известно, умножают печаль, поэтому невесёлым будет мой рассказ.

Сколько людей жило в Казахстане раньше?

С полной достоверностью этого невозможно сказать. Казахи кочевали. Когда стольпинские указы отторгли у них землю в пользу прибывающих поселенцев, часть из них в знак протеста откочевала в Среднюю Азию, где ассимилировалась с узбеками. **У территории края не было чётких границ**, горячие головы в тибетейках сегодня утверждают, что вся Западная

Сибирь тоже принадлежит им, поскольку они в прошлые века кочевали и там. Имеется в виду не только Омская область, но и Новосибирская, а Тюменская подразумевается сама собой... Губа не дура.

По данным **1897** года на казахской территории Туркестана и Степного края (центр в Омске) проживало 4,3 миллиона человек, причём казахов было большинство – 81,7%. Их число традиционно определялось государственными чиновниками из российского налогового ведомства по числу кибиток, умноженному на 5. Ещё более горячие головы в малахях утверждают, что умножать надо было на 10, поскольку казахи из присущей им тюркской лукавости намеренно, на всякий случай, занижали количество членов семьи. К чему такие утверждения? С целью показать, что при Советской власти на самом деле казахов погибло вдвое больше, чем официально считается, хотя, куда уж больше? Это я к ретивости некоторых «учёных».

Налоговые чиновники держались своей методики подсчёта, благоразумно полагая, что лишние головы всё равно умрут в дороге.

Да, среди казахов имела место высокая избыточная смертность (**60%**), особенно детская, на что влияли социальные

факторы: нищета и обездоленность больших групп населения, **кочевой образ жизни** с его антисанитарией, насекомыми, мухами, отсутствие медицинской помощи, массовые эпидемии. Главными болезнями населения были туберкулёз, пневмония, инфекционные желудочные заболевания.

Казахские дети у юрты.

Число русских и украинцев в общем количестве населения составляло 13%. Практически все жители, 93%, занимались сельскохозяйственной деятельностью.

С 1897 по 1916 год, сюда, благодаря в основном столыпинским указам о переселении, прибыло 1,3 миллиона мигран-

тов. Лидировали украинцы со своими 83%, переселенцы из российских губерний юга страны (Воронежская, Саратовская, Самарская) составляли 17%.

К знаменательному 1917 году общая численность населения увеличилась до **6,2** миллионов человек. Число русских и украинцев составляло уже 28%, а, если говорить о Северном Казахстане – 50%.

Невзгоды Гражданской войны к 1920 году сократили население до 4,7 миллионов человек. Казахи кочевали и перекочёвывали, ища лучшей доли у родственников в соседних землях. Но затем последовала первая масштабная трагедия.

1920 год выдался неурожайным. И летом 1921 значительную часть Казахстана, особенно его Север и Запад поразила засуха, которой предшествовал сильный джунт. В некоторых областях он привёл к гибели до 80% скота. Официально считается, что от голода 1921-22 года погибло около 1 миллиона человек, в основном кочевников, но точной цифры никто не знает. Может все действительно умерли, а может кто и спасся у родственников в сопредельных краях.

Данные 1923 года свидетельствуют о том, что в Казахстане осталось 3,8 миллионов жителей.

Но, перепись населения, проведённая в **1926** году, показала, что в Казахстане опять проживает **6,2** миллиона человек, только казахов стало относительно меньше – только 58,5% от общего числа населения. Хохлы и русские не изменили своей любви к новым землям. Число сельских жителей составляло, как и прежде, 92%.

– Ты всё время стараешься украинцев назвать хохлами, – прерывает мои демографические изыскания Мир. – У тебя что, есть к ним какие-то претензии?

– Какие могут быть претензии к самому себе? Я ведь говорил, что фамилия моя оканчивается на «ко», а это значит, что мой род имеет украинские корни. Это чужих мы хвалим, а своих обычно ругаем. Интернационалист, я, Мир, интернационалист, только порой срываюсь, когда понимаю, что народная

молва в своих оценках разных наций куда объективнее, чем политес.

Затем случилась вторая трагедия.

Следствием коллективизации стал голод 1930-1934 годов, то есть, на год раньше и на год позже, чем по остальной стране.

За пределы республики (Китай, Иран, Монголия, Афганистан и др.) откочевало более 1,1 миллионов человек, из них 676 тысяч безвозвратно, а 454 тысячи впоследствии вернулись. Особенно это коснулось казахов на востоке страны. За 1929-1936 года численность населения Казахстана опять сократилась на 2,6 миллионов человек и составила в 1936 году мизерные 3,3 миллиона, падая в 1933 до 2,5. Не было надёжного крова. Разбежались люди, кто куда. И русские, и украинцы, и казахи.

Казахский этнос потерял примерно 2,2 миллиона или **42%** от общей численности. Согласно переписи населения 1939 года, численность казахов на своей территории составила 2,3 миллиона человек, или сократилась по сравнению с 1926 годом на 1,3 миллиона. Их удельный вес составил 37,8%. Большинство населения стали русские (40%).

Уй-бой, большевик-шайтан! Но мы, казахи, гордый народ, и мы вам отомстим. Мы не будем больше писать свои слова кириллицей, мы перейдём опять на латиницу. Там, на Западе, живут теперь наши благородные друзья, и для них мы откроем свои сердца.

Ну, открывайте. Когда есть на чём сидеть, почему бы и не открыть. Только вот небольшая справочка, не побрезгуйте поинтересоваться.

Прерии Северо-Американской равнины – это аналог казахстанских степей. Индейцы, бывшие много веков оседлым народом, с появлением лошадей, завезённых бледнолицыми, стали кочевым народом. Их теснили и они шли за стадами бизонов, как казахи за лошадьми, верблюдами и баранами. Колонизация Америки англосаксами в отличие от колонизации терри-

тории Казахского ханства, происходила путём выселения из родных земель и истребления коренного населения.

Численность индейцев сократилась с первоначальных 15 миллионов до 237 тысяч. Горячие головы в шляпах выдают цифру в 100 миллионов погибших. Численность бизонов, которая составляла в 1800 году 40 миллионов голов, сократилась к концу века до 1000 голов. Их специально истребляли, чтобы лишить индейцев продуктовой базы, да те и сами пошли в разнос, продавая своё основное богатство за бутылку «огненной воды». Бытовало даже такое развлечение, как стрельба по пасущимся бизонам из окон поезда, когда начали строить трансконтинентальные железные дороги. У убитых животных вырезали только язык, а туши оставляли разлагаться.

Геноцид?

Нет, утверждают благородные демократы. Индейцы сами виноваты. Во-первых, они не хотели добровольно отдавать свою землю. Во-вторых, у них не оказалось иммунитета от тех болезней, что принесли с собой колонизаторы. И «огненная вода» делала их поголовно алкоголиками, поскольку в их организме не было фермента, способного его расщеплять, как и у их родственников с севера России и Америки. «Хороший индеец – мёртвый индеец».

С казахами, случись такая оказия, англосаксам пришлось бы провозиться дольше. У тех фермент как раз присутствует.

– Знаешь, Мир, мне нравятся американцы. Сначала что-то беспощадно угробят, а потом это угробленное начинают идеализировать и романтизировать, как будто одно не противоречит другому. Место практически истреблённых и деградировавших индейцев занимает представление о них, в котором живут благородные сыновья Большой Медведицы, Покахонтас, Чинганчгук, Зоркий Сокол и мудрые вожди племён. А Генри Уодсворт Лонгфелло создаёт поэму «Песнь о Гайавате», которой вторит режиссёр Дэвид Кэмерон своим «Аватаром».

Если спросите, откуда,

Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? –
Я скажу вам, я отвечу:

"От лесов, равнин пустынных,
От озёр Страны Полночной,
Из страны Оджибуэв,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги".

А что с бизонами? В дикой природе сегодня обитают около 30000 особей, ещё полмиллиона содержатся на 4000 специализированных ранчо для коммерческих целей. Высушенное

и грубо измельчённое мясо называется **пеммиканом**. Смешанное с жиром и запаянное в свинцовые ящики, оно является важной составной частью пищевых запасов полярных экспедиций.

Численность населения Казахстана (млн. человек)

Год	Всего	Казахи	%	Русские %	Украинцы %
1897	4,3	3,4	81,7	10	1,9
1917	6,2	3,6	58,0	17,5	10,4
1920	4,7				
1923	3,8				
1926	6,2	3,6	58,5	20,6	24,3
1930	5,9				
1933	2,5				
1936	3,3				
1939	6,1	2,3	37,8	40,0	?
1959	9,3	2,8	30,1	Славяне	52,1
1970	13,0	4,2	32,0	42,0	7,0
1979	14,7				
1989	16,5	6,4	39,7	37,8	5,9
1999	14,9	8,0	53,4	30,0	3,7
2009	15,8	10,0	63,1	23,7	2,7
2021	19,1	13,2	69,0	18,4	1,4

В чём особенность кочевого скотоводства? Оно ведь не от хорошей жизни возникло, а из-за изменения климата во 2 тысячелетии до нашей эры в сторону аридности, то есть сухости.

– Я смотрю, ты как та собака, каждый встречный столб хочешь пометить. Нужно ли это делать? Тебе что, лавры «Улисса» покоя не дают? С Джойса пример берёшь?

– Непременно, Мир, непременно нужно. До меня только сейчас начинает доходить суть происходивших тогда событий.

Ну что я знал раньше про кочевников? Только то, что они кочевали. А куда, зачем, на какие расстояния, разве же я знал? Да и мало кто из обычных людей об этом задумывается. Достаточно сказать слово – «кочевали» и прослыть за умного. Причём большинство читателей думает, что казахи кочевали с севера на юг и обратно. Летом жили на севере, зимой на тёплом юге. Как бы не так. Я сошлюсь ниже на наблюдения учёных путешественников, посетивших наши края во времена дореволюционные.

Степь Казахстана неоднородна. В южной, песчаной её части, с особенным успехом разводили верблюдов и овец. Для юга и востока характерно полукочевое скотоводство. Здесь в качестве второстепенного и вспомогательного занятия выступало земледелие. Напротив, на севере, снабжённом во множестве ручьями и озёрами, хорошими лугами и растущей по равнинам ковыл-травой, особенно удобно было разводить лошадей и крупный рогатый скот, который без призрения переносит зиму, укрываясь в лесах и кустарниках. *(Господи, страсти то какие! Я ведь знаю ту жестокую 6-ти месячную зиму. И стаи голодных волков в придачу к тем временам. Туберкулёз к казахам разве от хорошей жизни пришёл?)*

Кочевое скотоводство в наиболее чистом виде существовало на западе и центре степи.

На севере степи кочевали на 20-40 вёрст (километров) от зимовок, на юге на 200-400, в полупустынях на 600-1000 вёрст. Это всё зависело от густоты травяного покрова. Съели – пошли дальше, не от кочевников зависит, а от складывающихся природных условий. И джут, как судья, жить твоему скоту, кочевник, дальше, или умереть, а тебя сделать нищим.

Джут – это обледенение пастбищ, когда животные, даже лошади, не в состоянии разбить копытами наст, и умирают от голода. Случался обычно весной, впрочем, это на севере, в других местах мог случиться и во время зимы, запасов кормов не было, последствия имели катастрофический характер. *(После него у кочевников-казахов рождалась здравая мысль как-то где-*

то осесть, но, лёд таял и дурные мысли сами собой улетучивались). Величина кривой, описываемой в кочёвках киргизом (так в те времена называли казахов), зависит от изобилия подножного корма на летовках и от многочисленности его стад. Чем беднее киргиз, тем круги, описываемые его стадами во время летовок будут менее, те же киргизы, которых имущество состоит из нескольких голов скота, так называемые «джатаки», неимущие, остаются круглый год на месте. То есть, при отсутствии других вариантов, проявляется тенденция к переходу на оседлый образ жизни. Уменьшение количества скота не только вело к большей осёдлости, но и подталкивало на переход к земледельческим занятиям. (Джатаки охотно вступали в колхозы, поскольку выбора у них практически не было).

А вот сколько надо было кочевнику иметь скота, чтобы благополучно сводить концы с концами? Монголоеды подсчитали, что в 18 веке калмыцкая семья из пяти человек должна была иметь табун из пятнадцати лошадей, не менее восьмидесяти овец и коз и трёх верблюдов. В последней четверти 19 века казахская семья имела в среднем 59 голов различного скота, а в 1916 году только 26.

Система зимнего выпаса скота у кочевников-казахов заключалась в следующем: «На сии пастбища выпускают сначала лошадей, которые копытами разрывают снег и едят верхушки. За ними на то же место выгоняют рогатый скот и верблюдов, которые продолжают есть начатую лошадьми траву и съедающих середину стеблей. А потом идут овцы, подчищающие остатки травы. Это называется тебенёвкой».

После скотоводства любимое занятие у киргизов (казахов) всегда составляла охота; волки, лисы, зайцы, барсуки, барсы, дикие лошади, дикие козы, сайги, серны промышляются киргизами в разных местах степи во множестве.

До нас дошли сведения о грандиозной облавной охоте 1391 года в казахских степях, в которой приняла участие вся 200-тысячная армия Тимура во время его знаменитого похода на север. Правое и левое крыло армии растянулись цепью и окружили «бесконечную равнину». Круг сжимался два дня. В нём оказалось так много куланов, джейранов и других животных, что воины, несмотря на многодневный голод накануне, бросали тощих животных и брали только «жирное мясо».

В связи с упадком земледелия и переходом на преимущественно мясную пищу у кочевников степей повысилась роль собирательства. На Яике, Ишиме, в Барабе и далее по всему Забайкалью существовал своеобразный сезонный промысел, заключающийся в разорении нор особой разновидности мелких грызунов. Они имели в своих гнёздах до 3-4 кладовых, в каждой из которых хранилось от 8 до 10 фунтов съедобных кореньев.

В Западной Сибири основным продуктом собирательства была **сарана** (*луковое растение семейства лилейных*), которую тоже извлекали из нор серых степных мышей.

Переход на круглогодичный подножный корм увеличил значение лошадей и понизил статус и количество КРС. «Рогатики» не могли быть многочисленными, так как они не приспособлены к длительным и частым передвижениям и не в состоянии сами добывать корм из-под снега. Коров у киргизов менее, чем прочего скота, потому что молоко и мясо их вполне заменяется охотно употребляемыми лошадиным, овечьим и верблюжьим.

С повышением же степени осёдлости процент КРС в стаде возрастает, а доля лошади заметно уменьшается.

Особенно заметно тенденция к осёдлости и к изменению состава стада проявлялась после жестоких бескормиц, приводивших к массовой гибели скота. После суровой зимы 1879-

1880 г. г. в прикаспийских степях киргизы, имеющие землю, начали прикрепляться к ней, занялись посевами хлебов и стали оставаться, готовя запасы сена и хлеба на зиму. При таких условиях у них появилась потребность часть верблюдов и лошадей заменить рогатым скотом, баранами и козами.

Крупный рогатый скот наиболее удобен в условиях оседлого быта. Он менее чем овца и лошадь требователен к уходу и пище. На участке, где могли прокормиться 10 лошадей, способны пастись 25-30 голов КРС. Для них пастухов не нужно (*Оппа! Но, впрочем, если посевов нет, волков нет, одна степь кругом, то может и меньше надо пригляда*), он пасётся сам, без всякого присмотра, и, кроме того, в хорошую зиму на подножном корме, до половины её или даже до конца января. В суровую же зиму, когда и лошадь требует готового корма, последнего для КРС нужно много меньше. Корова вполне обходится самыми грубыми кормами – объедками сена от овец и лошадей, низшими сортами сена (осокой, колючками, лебедой, мелким камышом), соломой. Возможность подкармливать КРС соломой делает его содержание в условиях пастушеско-земледельческого быта особенно рациональным.

– Заметь, Мир. Это не коммунисты пишут, а царские учёные, которые по мнению либералов – «правдивые» и повествуют о «России, которую мы потеряли». Это какую же они картину перед собой видели, что могли такое писать? Хрущёв бедным «рогатикам» на Целине хоть кукурузного силоса на зиму подкинул. А уважаемый многолетний Первый секретарь Кустанайского Обкома КПСС, кавалер шести орденов Ленина, Герой Социалистического труда Бородин Андрей Михайлович на одном из совещаний шутя пожаловался Л.И. Брежневу на качество железа. Крючья на мясокомбинатах не выдерживали тяжести говяжьих туш и разгибались.

Это был тот самый Кустанай, который вскользь упоминается в «Ненависти» Шухова. «Тоже нашёл, где учиться – в Кустанае! Впрочем, опять, в какую науку пойдёшь. Если в конокрады тянет, тогда – правильно, лучше этого города на свете нету».

– Ты, «коммунист», давай заканчивай с кочевой жизнью. Ведь уже сорок страниц ты коллективизацию проводишь, а всё у тебя казахи кочуют. Давай пожестче с ними, побыстрее, как Сталин с Голощёкиным действовали. Переводи казахов к осёдлости и собирай их в колхозы.

– Да уже сам чувствую, что затянул. Потерпи. Не хочу разочаровывать казахов неясной картиной. Ещё пара абзацев, а дальше начну действовать по-большевистски.

Во время прежних беспокойных дней при постоянных **барантах** (родовой обычай, разрешающий насильственный захват и угон скота с целью вынудить виновную сторону возместить убыток потерпевшей) и перекочёвках на огромных пространствах, рогатый скот часто погибал или доставался врагу.

В кочевом хозяйстве наиболее рациональны овца и лошадь. Овца, как и лошадь, способна добывать корм из-под снега, правда, если последний не глубже 18 см, и не слишком слежавшийся. Поэтому в отличие от лошади, которая может извлекать корм из-под снежного слоя до 35 см, выпас овец более рационален на малоснежном юге – в сухих степях и полупустыне.

Тенденция к осёдлости проявлялась в том, что с рубежа 18-19 столетий в казахстанских степях всё более распространяются зимние поселения, так называемые «зимники». Распространение зимников ознаменовало начало крупной волны осёдлости, которая прогрессирующе нарастала вплоть до первых десятилетий 20-го столетия.

Глава 23

ПО БОЛЬШЕВИСТСКИ

Сказки со счастливым концом обычно заканчиваются свадьбой. И уже никого не интересует, что там было дальше, как жили молодые, как притирались друг к другу, как ругались. С коллективизацией всё выглядит с точностью до наоборот. Большевики, вне всякого сомнения, желали добра своему народу, строили планы и видели перспективу. А поскольку народ в ту перспективу не особенно стремился, значит надо было загонять его в светлое будущее насильно. Наиболее наглядно этот процесс проявился в Казахстане. Эту страшную сказку с нехорошим концом любят рассказывать «правдолюбцы», которые с некрофильским удовольствием смакуют подробности, переворачивая трупы и умиляясь копошащимся в них червям. По их мнению, это и был тот самый конец света, а после него уже ничего хорошего быть не могло, да и не было.

Было!

Если посмотреть на историю становления суверенного и независимого Казахстана непредвзятым взглядом, то невольно напрашивается вывод, что сегодняшнюю гордую страну казахам подарили большевики. Точно так же, как и Украину хохлам. В этих словах не надо искать великодержавного шовинизма. Тот, кто действительно хочет разобраться, должен взглянуть в вопрос и с этой стороны. От большевиков не убудет. Укусом больше, укусом меньше.

Обладея железной волей, они методом проб и ошибок в короткий срок исполнили самую грязную и неблагодарную работу по осуществлению своих планов, повлекшую первоначально резкий спад экономики и, по разным причинам, гибель людей, но, в перспективе, себя оправдавшей.

Ни одно доброе деяние не остаётся без порицания.

В ноябре 1991 года, за месяц до провозглашения независимости Республики Казахстан, была создана комиссия Президиума Верховного Совета Республики Казахстан, в которую

вошли видные учёные, общественные деятели, представители силовых ведомств. Целью комиссии было изучение нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации. Комиссия работала до ноября 1992 года.

Изучали постановление КазЦИК и СНК КазССР от 27 августа 1928 года «О конфискации байских хозяйств»,

от 13 сентября 1928 года «Об уголовной ответственности за противодействие конфискации и выселению крупнейшего «полуфеодалного байства»,

от 19 февраля 1930 года «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством и байством».

Сделали выводы, что Казахстан стал гигантским полигоном для проведения **антигуманного социального эксперимента**. Здесь была предпринята **преступная (!?В.Г)** реализация марксистского постулата о «возможности перехода **отсталых** народов к социализму, минуя капитализм, что закончилось разрушением традиционных систем жизнеобеспечения этносов Казахстана.

В **1919** году делегаты-казахстанцы 8 съезда РКП(б) спросили у Ленина, каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле. «Очевидно, вам придётся раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота».

В ноябре 1927 года 6-я казахстанская партконференция обсуждала вопрос об экспроприации баев, посчитав возможным «допустить изъятие у крупных баев **части** скота и инвентаря», что должно привести к «осереднячиванию аула». Почти через год, 15 августа 1928 года, ЦК ВКП(б) одобрило это решение.

Конфискация была произведена у 696 хозяйств, 619 из них были выселены за пределы округа проживания.

Экспроприровано 145 тыс. голов скота (в переводе на крупный). Скот перераспределили между колхозами (26%) и бедняцко-батрацкими хозяйствами (74%). Так же было экспро-

приоритетно 633 юрты, 475 домов, 108 плугов, 113 борон, 248 сенокосилок и т.д.

Пусть вас не смущает слово «колхоз» или «совхоз» относительно 1928 года. И те и другие сельскохозяйственные объединения стали образовываться в Советской Республике уже с 1918 года и должны были служить образцами эффективного социалистического производства, примером для крестьян. Но, страна по объективным причинам, с подачи Ленина, вошла в период НЭПа, и образцом для подражания в тот период стали кулаческие хозяйства. Дадим опять слово большевикам. Молотову.

– Мог бы Ленин коллективизацию хоть на минуту задержать, позже, чем Сталин, атаковать?

– Нет, не думаю, не думаю.

– Не была коллективизация преждевременной?

– Я думаю, нет.

– Ленин бы не так провёл, говорят.

– Это оппортунисты. Они просто не понимают. Не понимающие. Не могущие вникнуть в это дело.

– Но, говорят, нельзя так с мужиком было поступать. У Ленина другие мысли были на этот счёт...

– Ленин тоже был очень решительным. Наше положение, особенно когда уже Ленина не было, стало очень опасным.

– Погубили мужика, отбили охоту работать на земле, дело это было неподготовленное... Так говорят.

– Тут была, конечно, известная ошибка. Очень сложное дело. В мелкобуржуазной стране революция произошла.

А аульная беднота, получив бесплатно в собственность несколько голов скота почему-то не захотела «осередничиваться» и включаться в общинную жизнь уже на правах владельцев и плательщиков налога. Продав или зарезав дармовую скотину, они с облегчением возвращались к своему прежнему социальному статусу наёмного работника.

В итоге конфискация скота у баев обернулась не консолидацией середнячества в ауле и ростом благосостояния, а,

напротив, нараставшим обнищанием населения и разрушением хозяйства.

Хлебозаготовительные кампании вылились в форму прямых экспроприаций. Крестьяне на сходах говорили, что не нужно развивать сельское хозяйство, иначе правительство задавит налогами, что середняка разоряют, предоставляя за его счёт льготы лодырям-беднякам, что такой власти помогать не надо.

Даже во времена «военного коммунизма» было легче. Кампания по заготовке скота в аулах определялась плановыми заданиями, но у населения такого скота не было. **Они его продали, или спрятали, или съели.** *(Нет, ну замечательно! В такой ситуации проявления абсурда стали вполне ожидаемыми и, даже закономерными.)*

Под прикрытием государственных интересов творились беззакония. В целях «ударного» проведения заготовки шерсти в ряде мест заставляли стричь овец в середине зимы, что приводило к их падежу. Обязательные хлебозаготовки, вопреки всякой логике, распространялись и на не сеющие хозяйства сугубо животноводческих районов. Страшась быть обвинёнными в саботаже, их население было вынуждено обменивать свой скот на хлеб и сдавать его в счёт заготовок. Вследствие этого нормы потребления стали тяготеть к голоду.

В поисках средств для индустриализации государство ужесточило налоговый режим.

В 1927-28г.г. 4% зажиточных и кулацких хозяйств были вынуждены заплатить 33% всей суммы начисленного на крестьянские хозяйства сельхозналога, а 0,6% крупных скотоводческих хозяйств уплатили 25% всей суммы начисленного по скотоводческим районам налога.

В следующем, 1928-29г.г. по сравнению с 1927-28 тяжесть налогообложения возросла вдвое.

Из-за такого давления значительная часть хозяйств «самораскулачивалась» и уходила в город, или меняла источник дохода и формы деятельности. А скотоводы откочёвывали за пределы республики.

Сильнейший удар нанесла по казахскому хозяйству волюнтаристско-силовая политика по переводу скотоводов-кочевников и полукочевников на так называемую оседлость. Идеология оседания (коренизации) тесно увязывалась с полной трансформацией хозяйственных форм. Иначе говоря, пути прогресса казахского крестьянства виделись исключительно в административно направляемой «эволюции» скотоводческого хозяйства в земледельческое или стационарно-животноводческое. Но ведь только через кочевой способ производства представлялась возможность освоить гигантские пустынные и полупустынные ландшафты.

Многие администраторы понимали оседание как стягивание с огромного радиуса (до 200 км.) сотен хозяйств в одно место. Следствием явилось то, что скотоводы лишались хозяйственного простора и возможности маневрировать стадами в поисках воды и корма. А сами поселения до точности повторяли планировку российской деревни. Многочисленные юрты прямо на снегу выстраивали в идеально правильные квадраты. Если квадрат не вырисовывался, посылали в степь милиционеров и те за сотни километров приводили насильно казахов с недостающими юртами.

Кампания по оседанию была по времени синхронизирована с развёртыванием индустриализации.

Не успев выйти из состояния кризиса, вызванного непрерывающейся чередой силовых акций, аул и деревня были тут же втянуты в молох ещё более стремительной и нажимной коллективизации.

Если в 1928 году в Казахстане было коллективизировано 2% всех хозяйств, то уже к осени 1931 в республике насчитывалось 78 районов (из 122), где обобществлению было подвергнуто от 70 до 99% хозяйств. *(Ну, это не новость, национальные республики всегда бежали, и бегут, впереди паровоза, накручивая проценты успеха.)*

На сельских сходах вместо обращения «Кто хочет вступить в колхоз?» зловеще звучало, «Кто против коллективизации?»

При этом в животноводческих районах мера обобществления перешагнула всякие допустимые пределы. К февралю 1932 года в Казахстане 87% хозяйств колхозников и 51,8% единоличников полностью лишились своего скота.

Обобществлённый скот собирался на колхозно-товарных фермах. Ставка делалась на создание крупных животноводческих колхозов. А это понималось как механическое объединение нескольких сот хозяйств в радиусе до 200 км в единый колхоз-гигант. Скот тощал и погибал, не имея возможности прокормиться.

Удельный вес Казахстана в общесоюзном производстве товарного зерна уменьшился с 9 до 3% (1928-1932). Урожайность упала с 9,2 ц/га до 4,3. По мнению членов комиссии начинало сказываться безразличие, порождённое отчуждением крестьянина от земли и превращение его в наёмного исполнителя.

Решением комиссии акты были осуждены и отменены.

Мне это всегда интересно.

Из своего сытого и упорядоченного **«Сегодня»**, которое им дала Советская власть, высоколобые интеллигенты, к тому же, берущие свой задор в национализме, объявляют **«Вчера»** трагедией, спланированной кучкой идиотов, добравшейся до власти. Сплошной идиотизм. Мы бы сделали иначе, по-умному.

Отправь вас в то время, вы бы делали только под себя, ужаснувшись грандиозности поставленных задач.

К 10 юбилею Октября (1927) Голощёкин выступает автором двух работ – «Казахстан на октябрьском смотре» и «10 лет Советской власти», где обосновывает необходимость эскалации чрезвычайщины, буквально призывая к идее гражданской войны в ауле. Следующим шагом должен был стать массовый переход казахов к осёдлости. В декабре 1929 года ЦК Компартии Казахстана постановил, что из 566 тыс. кочевых и полукочевых хозяйств к январю 1930 к осёдлости **насильно** должны перейти 544 тыс. *(За месяц, что ли? Хотя, где их ловить, если не на зимовках?)*

Он начал борьбу с теми партийными лидерами, в основном казахами, которые не разделяли его взглядов. Многие ли-

шились своих постов и были осуждены. *(Из ссылок и тюрем их вытаскивал в 1954 году Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, ставший Первым секретарём ЦК Компартии Казахстана.)*

В романе Ивана Шухова директор вновь создаваемого совхоза Азаров, которого поддерживает молодёжь, но ставят палки в колёса вредители-специалисты, падкая на сенсацию пресса и, как ни странно, райком партии и райисполком, ищет защиты и справедливости в Казкрайкоме и находит её там в полном объёме. А кто там главный? Так Голощёкин же, хотя имя его не называется. Коллективный мудрый орган.

В 1926-27г.г. был осуществлён передел пахотных и пастбищных угодий. Около 1360 тысяч десятин сенокосов и 1250 тыс. десятин пашни были отобраны у зажиточных хозяйств и переданы беднякам и середнякам. Следующим шагом стала конфискация имущества крупных баев и султанов-скотовладельцев с выселением их вместе с семьями за пределы районов проживания. К крупным относили хозяйства, имевшие более 400 голов (в пересчёте на крупный) в кочевых районах, более 300 в полукочевых и 150 в остальных. Я об этом писал выше. Ну не могут одновременно существовать Советская власть, колхозы, совхозы, баи, султаны и батраки. *(А в Китае смогли. Так то, Китай. Они, кстати, казахов, которые в Синцзяне в 30-х годах осели после бегства от коллективизации, сегодня гнобят по высшему разряду, хотя и их переделают в китайцев.)*

В дальнейшем, в ходе коллективизации у 11260 хозяйств было отобрано около 4,5 миллионов голов. *(Не хилые, однако, хозяйства, почти по 400 животных).* Скот отбирали и перегоняли в «точки оседания». Скот, реквизируемый для нужд колхозов, забивали на месте, так как невозможно было прокормить собранные в одном месте большие стада. К 1933 году из 40 миллионов голов осталась примерно 1/10 часть. У меня есть под рукой более подробные цифры потерь поголовья, и я их вам сейчас приведу. Счёт идёт на **тысячи** голов.

Год	1928	1932
КРС	6500 тыс.	965
Овцы и козы	18500	1400
Лошади	3600	400
Верблюды	1000	63

Правда, в 1928 году набирается не 40 миллионов, а только 30, но не будем занудами, снижение действительно десятикратное. *(Ничего удивительного, в таблице отсутствуют данные о поголовье свиней и птицы. В Казахстане жили и немусульмане.)* Скот исчезал не только в желудках людей и волков, но норовил переместиться за границу. Только с начала 1930 до середины 1931 года с территории Казахстана откочевало 281230 хозяйств (это около полутора миллионов человек). Бесчисленные аулы пытались спасти себя вместе со скотом. Первоначально эти побеги были очень похожи на традиционные миграции кочевых сообществ, которые пересекали степи со всем своим скотом и имуществом. Но, значительная часть их оказалась на территории Китая, Ирана, Монголии, Турции, Афганистана. С ними боролись, объявляли басмачами, создавали вооружённые заслоны, но они с боем прорывались. Кочевали и по Союзу, доходя со стадами до Читы и Улан-Уде.

Оставшиеся резали свой скот и продавали за бесценок мясо, чтобы тот не достался в руки представителям власти.

Хотя в своих общих чертах казахстанский голод 1930-1934г.г. напоминает другие прецеденты голода по причине советской коллективизации, но он имеет и отличительные особенности. В Казахстане основными жертвами голода стали пасторальные кочевники, а не крестьяне. Переселение голодающих беженцев было гораздо более многочисленным, а социальные последствия более катастрофичными. Погибло около 90% поголовья скота республики. *(Господа обличители! Всё-таки выберите более объективные выражения, например, «поголовье сократилось на 90%». Скотина гибнет массово при эпидемиях или повальном бедствии (джут). При джуте страшно даже не*

то, что скот не может добыть траву. За неделю не сдохнут, а там, глядишь, и оттепель придёт. Страшно то, что животные режут льдинками ноги, и потом не могут на них наступать.)

То и другое имело своё место, этого никто не отрицает, но в остальных случаях, как правило, её успевают дорезать, а мясо и шкуру употребить.

Без своего скота казахи не могли кочевать. У них не было средств к существованию и приобретению каких-либо продуктов питания. До голода понятия «быть казахом» и «быть кочевником» были тесно переплетены. Но с гибелью скота большинство казахов были вынуждены начать вести оседлый образ жизни, что для них означало резкую переориентацию идентичности.

В конечном итоге казахский голод способствовал созданию Советского Казахстана, стабильной территории с чётко очерченными границами, ставшего неотъемлемой частью советской экономической системы.

Голод резко изменил существовавшие элементы казахской идентичности, такие, как родственные связи, лояльность наследственной элите. Бедный казах уже не мог в случае нужды обратиться к богатому баю, и бай не мог ему помочь по обычаю степи возвратным кредитом в разной форме, поскольку сам сидел в дырявой юрте где-то в солончаках.

Сказка о прежней лубочной жизни закончилась. Определён и заклеимён виновник всех бедствий, оплакана безвинная жертва, которая, почему-то и раньше, без большевиков, периодически вымирала сотнями тысяч.

17 сентября 1932 года после того, как республика пережила почти 3-х летнюю агонию, ЦК пошёл на уступки, в том числе разрешив частное владение скотом, начал поставки продовольственной помощи и вернул в некоторых местностях кочевую систему содержания скота. Сам голод, однако, продолжался до 1934 года, когда республика, наконец, начала медленный и болезненный процесс восстановления. Ситуация усложнялась эпидемиями, периодически возникавшими в те годы в степи, как

среди ослабевших животных, так и среди людей. При отсутствии надлежащего здравоохранения порой единственным разумным выходом было объявление карантина в определённом районе и ожидание выработки иммунитета у выживших.

А что было потом?

А потом была вполне себе приемлемая жизнь. Казахстан стал индустриально-аграрной страной с высоким уровнем образования. Не будем забывать, что кочевники отличались от оседлых жителей практически поголовной безграмотностью.

Ещё в 1975 году объём продукции промышленности превзошёл уровень 1940 года в 27 раз, а валовая продукция сельского хозяйства в 5,4 раза. Об успехах республики говорят пять орденов на её знамени. Об этом косвенно свидетельствуют 8 орденов Ленина и три звезды Героя Социалистического Труда, которыми за успехи республики был награждён её многолетний руководитель Динмухамед Ахмедович Кунаев. *(Подумаешь, восемь, у Рашидова их десять было.)* Смещённый Горбачёвым с поста в декабре 1986 года, Кунаев отрицал термин «застой», справедливо, на мой взгляд, утверждая, что по сравнению с 1955 годом экономический потенциал КазССР вырос по данным Госкомстата СССР в 7 раз, уровень жизни, промышленность, производство поднялись до исторического максимума. Республика стала третьей по значимости в Союзе после РСФСР и Украины.

Какие цифры нужно ещё привести? О демографии я рассказал, и даже создал оригинальную таблицу, которой не существует ни в одной публикации. Катастрофа с поголовьем скота? Я привёл данные. Но что же всё-таки было дальше? Кто-то из авторитетных учёных сказал, что для того, чтобы восстановить утраченное поголовье необходимо около 25 лет. Как практически справлялись с этим наши предшественники, пра-колхозники, насильно, по мнению правдолюбив, загнанные в колхозное рабство? А у Шухова в «Ненависти», бывшие батраки и джатаки идут в совхоз и колхоз вполне осознанно. Правда, там события завершаются к 1930 году, ещё до голода. Я брал данные из официальных отчётов Госстата, они отличаются от тех цифр,

что приводят «независимые» публицисты. Интересно, откуда они их тогда берут? Или сознательно искажают, чтобы страшнее было. *(По переписи населения 1926 года в границах Казахстана проживало 3,6 млн. казахов. 2,2 миллиона погибли или откочевали за границу, кто-то родился, короче, перепись 1939 года показала наличие 2,3 миллиона. «Новые казахские учёные» с цифрой 2,3 миллиона согласны, но, не моргнув глазом, тут же утверждают, что казахов пропало не 2,2, а более пяти миллионов, в том числе от голода умерло 4 миллиона. Как так? А вот так. Оказывается, при переписи казахи в два раза занижали свою численность. И при царской, и при советской, как будто у тех глаз не было. А вот в 1939 году почему-то начали говорить правду. Как можно с такими людьми спорить? Это здорово напоминает те 100 миллионов жертв, которые демократы приписывают Сталину. Или более семи миллионов хохлов, погибших от москальского геноцидного Голодомора. Но, когда в укор России, стали создавать «Национальную книгу памяти жертв», нашли 880000, а дальше дело застопорилось.)*

У меня и от госстатовских данных волосы дыбом встают.

Вот, например, данные за 1916 год. Они же из каких-то официальных документов взяты. Какой смысл большевикам завышать количество скота до революции? Это никак не в их пользу, но они публикуют и выходит, что при царском режиме скота было больше, чем считают сегодняшние либералы. Возможно, что всё дело в существовавшей тогда неопределённости границ. Но тогда надо говорить спасибо коммунистам, что они эти границы чётко очертили в пользу коренного населения. У либералов овец и коз в 1916 году – 18,4 млн. голов, у большевиков – 24,8. И КРС на 700000 голов больше и лошадей на 300000. То же самое с данными за 1928 год.

Пусть кто-то говорит, что статистика врёт в угоду власти, но я, приученный к дисциплине годовых отчётов, ей верю

Численность скота в Казахской ССР (млн. голов)

	1916	1928	1933	1935	1936	1938	1941	1951
Лошади	4,6	3,7	0,46	0,42	0,47	0,64	0,9	1,5
КРС всего	5,7	7,4	1,6	1,8	2,2	3,0	3,4	4,5
Коровы	1,9	2,3	0,6	0,7	0,8	1,1	?	?
Овцы	24,8	25,3	2,7	2,6	3,5	5,2	8,1	18,0
Верблюды	0,7	1,0	0,06	?	?	?	?	0,13
Свиньи	0,3	0,3	0,14	0,3	0,5	0,4	0,5	?

Не врал учёный. На восстановление понадобилось более тридцати лет. Поголовье 1928 года восстановилось только к середине 60-х. Но, в 1991 году Советский Казахстан передавал Казахстану Суверенному вполне приличное стадо. Не будем заморачиваться лошадьми и верблюдами, как рабочими и вьючными животными, потребность в которых значительно снизилась. Казахи уже давно «осели». «Железный конь пришёл на смену крестьянской лошадке». Остановимся на КРС, коровах, овцах, свиньях и птице. Так вот, вступивший на путь капитализма и рыночной экономики Казахстан получил от социалистической экономики солидное приданное: **9,8** миллионов голов КРС, в том числе **3,2** млн. коров, **36,2** млн. овец и коз, **3,2** млн. свиней и **57** млн. голов птицы.

С чем сравнивать эти цифры? Естественно, с показателями образцового НЭПовского 1928 года, когда хозяйства развивались по естественным экономическим законам и использовали все преимущества кочевого животноводства, позволяющего рационально использовать травяные и водные ресурсы степи. С тем, о чём так скорбят сегодняшние интеллигенты. С данными 1933 года, чтобы показать способность коллективного хозяйства к восстановлению после катастрофы, ну, и с сегодняшним днём.

Численность скота и производство молока и мяса в Казахстане
(млн. голов/млн. тонн в убойном весе)

	1928	1933	1971	1990	2021
КРС	7,4	1,6	7,2	9,8	7,0
В т. ч. коровы	2,3	0,6	2,9	3,2	3,8
Овцы и козы	25,3	2,7	31,8	36,2	20,0
Свиньи	0,3	0,14	2,3	3,2	0,9
Птица			30	57	45
Пр-во мяса		<i>В 1941 г. 0,23</i>	0,92	1,3	0,93
Пр-во молока			3,9	5,0	5,6

За первые десять лет существования независимого Казахстана с его переходом на рыночную экономику поголовье КРС уменьшилось в **2,4** раза, овец в **3,7** раза, лошадей в **1,7** раза, верблюдов в **1,5** раза, свиней и птицы в **три** раза. Производство мяса на душу населения снизилось с 75 до 40 кг, молока и молочной продукции с 311 до 208 кг.

Что-то мне до боли знакомы эти цифры. Где-то я их уже слышал. Да вот же они. Цитирую: **«Поголовье коров с 1928 по 1934 г. снизилось с 29 млн. до 19, лошадей с 36 млн. до 14, свиней в два раза, коз и овец втрое»**. Это цифры потерь по всему СССР за время коллективизации. Чем образованные и желающие быстрого перехода на рыночные отношения либералы-реформаторы лучше «тупых и злых большевиков», насильно загонявших людей в светлое будущее? Только большими масштабами разрушений.

Прошло тридцать лет, но «новый» Казахстан так и не вышел на показатели последнего года Советской республики,

хотя в выступлении, посвящённом этому юбилею, Назарбаев сказал, что казахстанцы стали жить в 18 раз лучше. Ни по КРС, ни по овцам, ни по свиньям, ни по птице. Увеличилось только поголовье коров, лошадей и верблюдов. Ну, по коням и верблюдам вопросов нет, если скот находится в частном владении, то на повестку дня встаёт вопрос, на чём пасти все эти мелкие стада. К тому же согум. Каждый уважающий себя казах должен осенью забить коня на мясо. Национальные традиции дают себя знать. По коровам тоже понятно. Деньги за сданное молоко помогают сводить концы с концами в течение года. Доход с мяса разовый.

Когда будут создаваться новые правительственные комиссии по расследованию злодеяний либералов, перед нами предстанет во всём маразме их некомпетентность, холодная безжалостность и мерзость. Кровь маточного поголовья на их руках. Голощёкин будет спокойно курить в сторонке.

– Но разве можно укорять великую идею демократии каким-то сокращением поголовья, о котором демократы имеют самое смутное, и, в основном, теоретическое представление? Они ведь думают в первую очередь о большом народном счастье.

– О себе они думают в первую очередь, тешат своё тщеславие. В гробу я видел их большое народное счастье. Не хочу становиться мещанином. Мне противно.

Но, может быть, потеря животных происходила в 90-е годы только в Казахстане, и я зря наговариваю на людей? Вглядимся в сравнимые данные РСФСР и, соответственно, России.

Поголовье скота в РСФСР/России (млн. голов)

	КРС	В т. ч. коровы	Свиньи	Овцы и козы
1916	33,0	17,3	11,3	47,0
1990	57,0	20,5	38,3	58,2
1995	39,7	17,4	22,6	28,0
2000	27,3	12,7	15,7	14,8
2005	21,5	9,5	13,5	18,2
2006	21,5	9,4	15,8	19,7
2007	21,3	9,3	16,2	20,2
2020	18,9	8,0	26,8	23,8

Как видим, прошло 30 лет и, результаты ещё поразительнее. Чтобы их оправдать, выдвигаются различные теории. Например, такая, что сегодня России не нужно такое поголовье КРС, как во времена СССР. Тогда существовал громадный перекос в потреблении говядины. В 2018 году средний россиянин съедал 75 килограммов мяса в год, из них 35 птица, 25 свинина, 15 говядина, что соответствовало уровню развитых европейских стран. Ну, не знаю, может у них сейчас и курица друг человека, а у нас корова была другом человека. В СССР на первом месте была говядина 36 кг, на втором свинина 20 кг и на третьем птица 15 кг. Более 40 миллионов мусульман проживало в отделившихся позднее республиках.

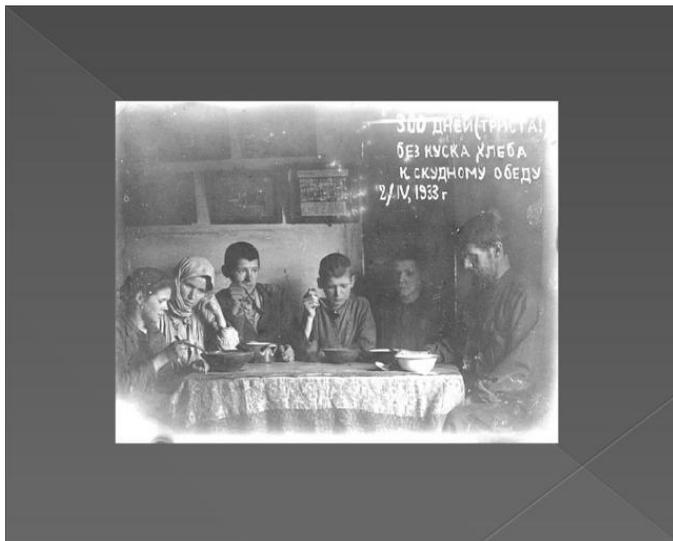
Ещё упор делается на то, что в два раза повысились приросты и надои. Конечно, без них какой рынок, да вот только пугает это скороспелое мясо и молочные реки.

На мой взгляд, образовался тупик со стадом КРС. При таком количестве коров оно не может расти. Корова приносит в год обычно одного телёнка: бычка или тёлочку. Бычок выращивается на мясо, тёлочка тоже на мясо или на замену матери. Поголовье КРС обречено на снижение, если не заняться пополнением маточного поголовья.

Глава 24

ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ

Мы оставили наших мужественных коммунаров и членов их семей переживать свалившуюся на них пятилетнюю нужду и бродить по окрестным лугам и лесам в поисках съестного.

Можно и нужно вспоминать те дни, ибо они повторились на нашей памяти и повторятся ещё не раз на памяти наших потомков. Я день хлеба не ем, и чувствую себя голодным. А про немцев врут, что они хлеба не едят. Он здесь в каждой лавке и каждом магазине, причём хорошего качества. Не такого, конечно, как в СССР, однако много лучше, чем в сегодняшней России.

Но мы повысим градус повествования, потому что нашим героям ещё предстоит совершить свой подвиг и исполнить выпавшее на их долю предназначение. Это были великие люди.

Стихотворение «Жизнь, жизнь» написано Арсением
Тарковским в 1965 году для Анны Ахматовой.

I

Предчувствиям не верю, и примет
Я не боюсь. Ни клеветы, ни яда
Я не бегу. На свете смерти нет:
Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо
Бояться смерти ни в семнадцать лет,
Ни в семьдесят. Есть только явь и свет,
Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете.
Мы все уже на берегу морском,
И я из тех, кто выбирает сети,
Когда идёт бессмертье косяком.

II

Живите в доме - и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом,-
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.
Я каждый день минувшего, как крепью,
Ключицами своими подпирал,
Измерил время землемерной цепью
И сквозь него прошёл, как сквозь Урал.

III

Я век себе по росту подбирал.
Мы шли на юг, держали пыль над степью;
Бурьян чадил; кузнечик баловал,
Подковы трогал усом, и пророчил,
И гибелью грозил мне, как монах.
Судьбу свою к седлу я приторочил;
Я и сейчас в грядущих временах,
Как мальчик, привстаю на стременах.
Мне моего бессмертия довольно,
Чтоб кровь моя из века в век текла.
За верный угол ровного тепла
Я жизнью заплатил бы своевольно,
Когда б ее летучая игла
Меня, как нить, по свету не вела.

Нам, порой, может показаться, что Земля держится на говорливых. Нужны и они. Но, именно мои герои, вместе с Арсением, подпирают своими худыми ключицами земную твердь, как те атланты, что сдерживают твердь небесную. И им труднее, чем могучим исполинам. Судьба идёт за ними по следу, «как сумасшедший с бритвою в руке».

Я подробно рассказал о сложившейся ситуации в животноводстве края, но, хлеб? Что случилось с полеводством? К сожалению, я не нашёл пока цифр, которые бы меня удовлетворили. Если удастся найти, я их приведу. Пока же поглядим на те, что предоставил один из авторов интернета.

Валовый сбор зерна и хлебозаготовки в Казахстане (млн. пудов)

	1930	1931	1932	1933
Урожайность (ц/га)	7,3	4,9	3,7	4,2
Валовый сбор	46,8	44,2	40,8	42,4
План сдачи	29/30 41,1	30/31 44,9	31/32 50,5	32/33 40
Сдано	37,8	40,7	40,4	41

Цифры, конечно, дурные. Не знаю, откуда они взялись, из какого, заслуживающего доверия источника, но, служат единственной цели, показать насилие власти. Либералу понравятся. В 1930 году при урожайности 7,3 ц/га собрали 46,8 миллионов пудов зерна, а в 1932 при вдвое меньшей – 40,8. Что, площадь в два раза увеличилась? На чём, интересно, целину поднимали, если половину всех рабочих лошадей и быков порезали и съели? Не было столько и тракторов, чтобы миллионами гектаров вращать. Низкий уровень агротехники привёл к чрезвычайному засорению полей и развитию фитопатологических инфекций. Я помню, как на кафедре защиты растений, нас, студентов агрофака, даже в 70-е годы совершенно серьёзно учили, как распознавать спорынью ржи, пыльную и твёрдую головки пшеницы,

фузариоз («пьяный хлеб»). Мука из поражённых растений ядовита для людей и животных, поскольку содержит опасные для жизни алкалоиды. Отравление вызывает судороги, головокружение и рвоту.

А куда деться от факта, что два года из пяти степь поражает засуха.

В стране в 31-32 годах хлебозаготовки составили 35% от валового сбора, а в Казахстане почти 100? Не верится. Первое, о чём думают хлеборобы, собрав урожай, это как запасти семена для посева следующего года. При урожайности в 4 центнера с гектара почти половина валового сбора должна стать неприкосновенной, и,неважно, хранится она в государственных закромах или частных, иначе конец зерновому производству.

И как быть с письмом членов Казкрайкома от июля 1931 года на имя Сталина, в котором они просят снизить план хлебодачи с 75 млн. пудов до 50. На что Сталин отвечает: «Сделать нагоняй. Прекратить дискуссию». Надо бы ещё поискать, да времени на всё не хватает. И Лилия Александровна вчера письмо прислала, пишет, что может быть не надо так увлекаться изысканиями, а просто писать о себе, поскольку она считает, что я сам по себе человек интересный, а остальное всё ко мне и приложится. Может и правда, бумага моя, чернила мои, а я всё про других да про других.

Но, по любому, хлебом нашим коммунарам в те годы баловаться не приходилось. Люди работали, мечтая выжить и когда-нибудь поесть **досыта** хлеба. Именно хлеба. И где? В благодатном лесостепном краю, самой природой созданном для зернового производства. Проклятые большевики! А ведь это они сделали мечту явью. Пусть через испытания, но сделали. Люди потом купались в хлебе. Я сам любил падать с разбега на бурт и лежать, счастливо глядя в небо, на сотнях тоннах прекраснейшего целинного зерна.

Вчитываюсь в скупые строчки библиотечной информации, приобретших для меня теперь совсем другое звучание:

– **В то время ещё существовали кулацкие хозяйства (1935 год !?), единоличники, промышленные артели. И всем**

доводился план хлебосдачи. Поэтому, несмотря на мясомолочное направление, совхоз «Аканский» занимался и выращиванием зерновых культур. Посевов в то время было очень мало. Пшеницу молотили прямо на поле, где работали всё лето. Трактора принесли людям облегчение и веру в свои силы. В нашем районе первый американский трактор «Фордзон» появился в начале 1934 года. А в 1935 их было уже 80.

Казалось, только начали хорошо жить, как на Родину напал враг. На второй день началась мобилизация. На фронт забирали поэтапно.

Первую похоронку на мужа получила Д.Е. Кулешова, потом Бевз Анастасия (на мужа и на сына), Н. Ефремова, В. Данилова, А. Гребенникова.

Вы посмотрите на список погибших. Ведь это жители всего лишь одного совхоза.

Когда всех мужчин, годных к службе, проводили на фронт, директор, собрав женщин, сказал им: «Хлеб зреет, а комбайнеров нет. Кто будет убирать? Хлеб ждать не станет».

В совхозе оставался всего лишь один комбайнер – Хлопотов Григорий Кондратьевич. Вот ему и было поручено, чтобы за две недели до уборки он научил женщин. Лишь бы могли запустить мотор, застегнуть полотно и включить молотилку.

– Я не спала ночей, всё думала, как скосить этот дорогой сердцу хлеб. (Из воспоминаний Кашириной П.Д.)

Она приняла комбайн своего мужа Каширина Г.П. отремонтировала под руководством Хлопотова и Петрова И.Е. (он был механиком в то время) и поехала косить.

1941 год выдался урожайным. Хлеб стоял стеной. У меня нет цифры по совхозу, но по Кокчетавской области собрали 13,5ц/га. А в нашей зоне он всегда был на несколько центнеров выше среднеобластного.

Есть другое подтверждение небывало высокого урожая. С площади 2779 га было сдано государству 3767 тонн. То есть почти 14ц/га. *(Сталин узнал об этом и довольно потёр руки: «Вот видите, товарищи, а вы ещё сомневались в правильности коллективизации».* Прибавим сюда 2ц/га, оставленных на семена, и, пусть, даже самое минимальное количество фуража в виде отходов от очистки зерна и можем смело утверждать, что куспекцы в тот год имели урожайность 17-18 ц/га. Даже при том уровне агротехники. В этом нет ничего сверх естественного. Не надо забывать, что под зерновые культуры, да и вообще пашню, в те годы отводились только лучшие участки. Это потом, во время целины, в оборот были введены практически все земли, как высоко, так и низко продуктивные. Но уж если уродит, то уродит. Говорят, так всегда перед войной бывает.

Они замечательно трудились в поле. И Петров, и Хлопотов, и Каширина. А ещё Алексеева И.З. Руцкая Е.Е., Майер Е.Д., Башкирцева Л. А., Емшин В.С.

Животноводство среди других женщин тянули на своих плечах Пичикова П, Валяева М, Гапеева А. В 1941 году в хозяйстве насчитывалось более 3000 голов скота.

П.Д. Каширина и М.И. Валяева за высокие показатели в труде были награждены орденами Ленина. Позднее его кавалерами стали бригадиры тракторно-полеводческих бригад С.К. Истембеков и И.С. Егоров, бригадир дойного гурта М.В. Максин, токарь МТМ П.В. Соловьёв. А доярка третьего отделения совхоза Маканова К.С. удостоена звания Героя Социалистического Труда. 120 моих односельчан отмечены другими орденами и медалями.

Я всех их знал. Чужому уху приведённые имена ни о чём не говорят, а для жителей села это легенды, олицетворяющие собой трудовые свершения, участниками которых были и они сами. Заслужить орден рабочему человеку непросто, иногда для этого требуется вся жизнь, и опыт, накапливаемый годами, который однажды даёт отдачу. Я в следующей книге опишу, как и за что награждались люди на селе. С подробностями, чтобы какой-нибудь «знаток», первую и последнюю почётную грамоту получивший за сбор металлолома в 4 классе, не корчил рожу, мол, мы знаем-знаем, как у **вас** героев делали.

*Вид на **то** село. Трогает «бармашинскую» душу.*

Большие изменения произошли в Куспеке во время освоения целинных и залежных земель. Если в 1953 году совхоз обрабатывал около 3000 гектаров пашни, то через год в 6 раз

больше. На полях работало уже 30 тракторов и столько же комбайнов.

Одновременно с возделыванием пашни хозяйство имело 3000 голов КРС породы «казахская белоголовая», которая досталась в наследство от Балкашинского племсовхоза. Её со временем заменили на более продуктивную «красностепную». Эта кропотливая селекционная работа проводилась под руководством главного зоотехника совхоза Мищенко А. Г.

Это наш любимый клуб. Позднее его сменил Дом культуры. Те окна, что посредине снимка, это окна библиотеки. Пусть вас не смущает внешняя обшарпанность. Это последние годы его жизни. В лучшие времена в здании витал дух Культуры.

Освоение целины вызвало большой приток людей. Им необходимо было жильё. А в Куспеке всего одна улица саманных домиков. Организовали кирпичный цех, потом столярный. Восьмилетнюю школу строили уже из своего кирпича. Люди до

сих пор добром вспоминают директора совхоза Лызлова Г.В. и главных специалистов, которые по воскресеньям трудились на стройке.

Трудно узнать в нынешней центральной усадьбе совхоза ту дереvушку, с которой начиналось хозяйство. Не найти саманных домиков, землянок и старой школы, зато здесь был лучший в районе детский сад, представленный на ВДНХ СССР.

Что и говорить, детский сад был украшением села.

Я описал историю коммунаров со слов старожилов, переживших все этапы становления совхоза. Какое счастье, что они не дожили до начала 90-х, когда всё, созданное их трудом, стали целенаправленно разрушать. Вечная благодарность вам, великие люди. Спите спокойно.

Конец ноября 1978 года ознаменовался в истории человечества важным событием: Виктор Михайлович Гридюшко приступил к обязанностям агронома первого отделения совхоза «Аканский». Но, к своему стыду, подавляющая часть жителей Земли отнеслась к этому факту абсолютно равнодушно.

Глава 25

ЗИМНИЕ БУДНИ АГРОНОМА

В уютном кабинете с голыми стенами стоял крепкий двухтумбовый стол сталинских времён, покрытый когда-то зелёным, а теперь серо-бурым сукном. На нём лежало большое тяжёлое стекло от кабины трактора ДТ-54, может вытащенное при списании, а может взятое прямо со склада. Такие стёкла являлись непременным атрибутом всех специалистов сельского хозяйства, имеющих столы, включая зачастую и директоров совхозов. Очень удобно. Раньше говорили: «Положил под сукно», то есть забюрократил, а теперь, нате вам, демократически: «Положил под стекло». Хотя, скажу вам откровенно, разница в этом небольшая. Если ты один раз достал бумагу из под стекла и потом вернул её обратно, то это то же «сукно».

Стекло на столе – наш тогдашний компьютер и, одновременно, сейф.

Мой предшественник Валера Штабченко не обременил меня томами передаваемых документов. Открыв тумбу, я обнаружил в шуфлядах несколько тощих папочек с какими-то бумагами, гранёный стакан и засохшую корку хлеба. Потом я понял, что Валере принадлежали только папки, ну, может быть ещё старая газета, а стакан и корка хлеба являлись собственностью стола. Иногда они исчезали, что меня настораживало, но потом каким-то таинственным образом возвращались безо всяких моих усилий обратно, и в мире опять наступала гармония. Стол, как и «бардачок» в автомобиле, должен быть оборудован.

Мне и сегодня трудно идентифицировать себя в той ипостаси. С одной стороны, я был интеллигентом, пусть и «сельским», если «**настоящий**» интеллигент, вдруг, побрезгует сесть со мной на одном поле. С другой, у меня не было шляпы. А одеть летом белую рубашу и проходить в ней целый день, было несбыточной мечтой. Или я приносил вечером домой серую тряпку, или был вынужден забегать домой и переодеваться

«погрязнее». Специфика работы помноженная на ветер, пыль, пот, грязь, мазут и баню раз в неделю. Но, опять же, не замасленная одежда механизаторов. Не фуфайка, а пальто и куртка. Ботинки, а не валенки с резиновыми калошами.

Мерилом интеллигентности служил следующий факт: если ты в своей обычной одежде мог утром управляться в сарае и потом, не переодеваясь, идти трудиться, ты был рабочим, а если тебе после сарая необходимо было переодеться в «чистое», то ты был каким-никаким интеллигентом и мог потом целый день кривить губы и делать пальцы веером.

Это действительно была моя мечта – чистая **белая** рубашка целый день, и я интимно делюсь ею с вами, мои дорогие читатели.

Став позднее главным агрономом, я смог к ней приблизиться и, иногда, себя побаловать, например, выезжая в район или область на совещания.

– Слушай, Валера, а что я должен делать? Быть агрономом зимой мне ещё не приходилось.

– Работы много, – строго сказал Валерий Анатольевич, озабоченный своей новой должностью и прилагающимися к ней обязанностями. – Ты должен бывать на объектах, следить за очисткой семян, ремонтом тракторов и комбайнов, организовывать и контролировать снегозадержание, проводить агроучёбу и вести документацию. Писать книгу истории полей, составлять технологические карты. Образцы здесь, в папках. Кроме того, ты должен доводить до бригад производственный план.

– А где я его возьму?

– Анатолий Андреевич даст тебе цифры.

Вся документация, которую мне предполагалось вести, была отголоском более ранних времён, строгих сталинских и волюнтаристских хрущёвских. Эхо хозрасчётных времён, когда, вроде бы надо было всё рассчитывать на бумаге, а потом осуществлять на практике.

Из рассказа Г.В. Лызлова, 1986 год, диспетчерская совхоза «Арыкбалыкский»:

– Ты меня про хозрасчёт в «Аканском» спрашиваешь? Внедряли мы и его, вернее, нам внедряли. Страшная штука, особенно на целине. Приходят в кассу женщины за авансом, а в кассе нет денег. Будут, но только в конце месяца, когда маслозавод с совхозом за сданное молоко рассчитается. Они ко мне в кабинет. Выручайте, Георгий Васильевич, детишек надо в школу отправлять. Одевать, обувать, книжки покупать. Мы ведь не сидим, мы работаем с утра до ночи. Что делать? Выхожу, сажусь в машину и еду на ингушский край к старому Кастову. Ты должен был его тоже знать. Главным был у ингушей. Так и так, дорогой, займи совхозу денег. Через двадцать дней отдадим. А мы тебе тоже, когда понадобится, навстречу пойдём. Едет потом кассир из банка с деньгами, и первым делом к нему домой, рассчитаться и уважение проявить. Несколько раз выручал, не отказывал. Хорошо, что тогда это прекратили. А сейчас, гляжу, снова затевают, только, правда с бригад начинают. С бригад можно, они на совхоз опереться могут.

Не вёл надлежащей документации Валерий Анатольевич, не вёл потом и я. Попытался было исполнить всё, как предписывалось, но потом понял, что это муть, которая развращает агронома и отвлекает от непосредственного общения с землёй. Или ты научишься с ней разговаривать напрямую, или меняй профессию и иди в экономисты. К счастью, и взаимному уважению, наши взгляды по этому вопросу сошлись, что в дальнейшем обеспечило комфортную и, самое главное, успешную совместную работу, правда, в другом совхозе.

Да, были ещё агрозанятия. Два раза в месяц я обязан был их проводить с механизаторами нашего отделения. Ни им, ни мне не хотелось в 8 часов вечера тащиться через сугробы в контору. Что мог им рассказать пацан, который ещё не видел их полей? Но люди добры. Они дают тебе аванс. Происходило знакомство. Дальнейшее зависело от того, появится ли у них интерес к тебе?

Кто-то скажет, подумаешь, один раз в две недели вечером

на занятия сходить. Тоже мне, нашёл тяжесть. А вот и нашёл. Я маленьким был, но хорошо помню, как отец одевался в «чистое» и уходил по вечерам на эти мероприятия. И было это не два раза в месяц, а гораздо чаще. Агрозанятия – само собой. Кроме того учёба по повышению классности механизаторов. Механизаторский всеобуч. «Живёшь на селе – знай технику.» Курсы по подготовке комбайнеров. Когда он стал трактористом-машинистом первого класса и асом комбайновой уборки, вечерние уроки не прекратились. Он обязан был посещать партийные занятия и партийные собрания своей низовой ячейки, которые, в отличие от общесовхозных собраний, проходили именно вечерами.

Агрозанятия, на мой взгляд, были отголоском ещё более старых отношений государства и трудящихся, берущих своё начало в эпохе коллективизации, когда немногочисленные агрономы должны были обучать колхозников новым приёмам агротехники.

Польза от этого была, но небольшая.

Я опять повторю мысль, от которой уже никогда не отступлю: агроном должен научиться разговаривать с землёй. Да, именно так, стоя на коленях и разгребая её руками. И механизатор должен стоять рядом с ним, и бригадир. Вот это и есть настоящая агроучёба, где каждый может высказать своё мнение, а земля рассудит. Иногда из нескольких зол приходится выбирать меньшее.

Был такой знаменитейший агроном в наших целинных краях – полевод колхоза «Заветы Ленина» Щадринского района Курганской области, народный академик, дважды Герой Социалистического Труда Терентий Семёнович Мальцев, проживший почти сто лет и умерший в 1994 году в своём родном селе. Тот самый, что создал свою собственную систему безотвальной обработки почвы, применяемую на 1,5 миллионах гектаров, названную «мальцевской», собирал относительно высокие урожаи, тепло относился к академику Т.Д. Лысенко и даже выращивал

на своих полях его ветвистую пшеницу и клеймил Сахарова (академики между собой разбирались).

Живой человек. О нём ещё будет разговор на последующих страницах, поскольку эту глыбу ни одному агроному целины миновать нельзя.

Но сейчас я хочу остановиться всего лишь на одном его высказывании: «Земля не терпит шаблона».

– Ну вы скажите всем, что пшеницу надо сеять с 15 по 25 мая, ячмень с 1 по 5 июня, с нормой 3-3,5 миллионов всхожих зёрен на гектар, на глубину 7 сантиметров. Ведь вы так делаете. И мы так рекомендуем. Почему вы не даёте строгих рекомендаций? Вас слушают. Ведь всё так?

– Может быть и так, а может и не так, – отвечал высоким начальникам близлежащих областей учившийся только от земли полевод. Вот в этом «а может и не так» и заключается вся сущность успешной агрономической деятельности и я горжусь собой, что в трудный момент сумел подняться над общепризнанными канонами местного земледелия и воспарить.

– Так, орёл, возвращайся на землю. Никуда ты ещё не воспарил, а только вешаешь читателям на уши лапшу, пытаешься оправдать свою лень и нежелание надлежащим образом работать с документами. Если не сидится за столом – иди на объекты.

Солому сволоковали ещё по первому снегу и теперь на полях работали снегопахи. «Держали» снег.

Наличие влаги в пахотном слое являлось главным критерием, который определял величину степного урожая. Влагу накапливали зимой, влагу задерживали весной, вся система безотвальной обработки почвы служила именно этой цели.

Суть снегозадержания сводилась к тому, чтобы нарезать на поле снежные валки в направлении, поперечном господствующим ветрам. Тогда следующий буран уже не уносил снег куда-то туда, к околкам и другим местам его естественной остановки (улица Целинная, дом №1), а оставлял часть на поле, между этих самых валков.

На снимке мы видим хорошее поле, где сцеп снегопахов делает первый проход. Снег есть и это хорошо. А ведь бывали малоснежные зимы, как первый звоночек к последующей засухе, когда снегопаху нечего было делать. В идеале старались провести два снегозадержания, а если было много снега, то и три. На втором и третьем были задействованы уже «Кировцы» с ДАГами. Кто не знает, что это такое, пусть вспомнит автодорожников, чем они чистят дороги.

Зимой полевые станы бригад не действовали, техника стояла в ангарах и механизаторы ездили на поля своим ходом, возвращаясь вечером домой.

Пошёл во вторую бригаду пешком. Никто меня, мелкую сошку, не обязан был возить, я мог только к кому-нибудь напроситься. Но напрашиваться было не к кому. Бригадные «хозяйки» стояли на ремонте, причём ремонте капитальном, чтобы выдержать следующий сезон.

Полевая дорога была расчищена, но завевал ветерок и кое-где образовались перемёты. Пальтишко моё в степи оказалось не таким уж и надёжным, как об этом думалось в селе, а снег похрустывал уже не только под подошвами, но и в самих ботинках. Когда немцы видят, как я сегодня скрючиваюсь от холода, они недоумевают. Как так, Viktor, у вас, ты сам говоришь, морозы за 30, а ты от 10 горбишься. На что я им отвечаю, что за свою жизнь так намёрзся, что мне и малого хватает.

Это всё потому, что одежда была неправильной. Нельзя зимой в одном и том же сидеть в кабинете, а потом идти по степи пять километров, чтобы посмотреть, как мужики снег пашут. Нет, ничего со мной страшного не случилось. Нашёл, сел в кабину трактора, снег из ботинок высыпал, отогрелся. Поездил час, потом вылез и пошёл обратно в село.

В овощехранилище ходил. Тоже, вроде, в мою ответственность входит. Раньше оно напротив нашего дома размещалось, А теперь новое построили, на въезде в село, большое, в землю заглубленное. Даже ЗИЛ-130 может заезжать. Заведует им Алексеева И.З., подруга бабы Кати Малюченко, из старожилков, бывшая трактористка военных лет. Это её свиньи гуляли свободно возле тока. В хранилище работают несколько женщин, перебирают картофель. Запах непонятный. Вентиляция естественная, через «колодцы» в потолке, прикрытые по зимнему времени. Пахнет и гнилью, и квашеной капустой, и солёными огурцами. Это детище нашего директора. Он хочет, чтобы в совхозе было всё своё. И картошка, и морковь, и свёкла и капуста. Отсюда продукты поступают в совхозную столовую и на санпропускники, где кормят животноводов, а потом всю весну, лето и осень в отделенческие и бригадные пункты питания.

Ирина Зиновеевна проявляет должное уважение к новому агроному (господи, сколько же она их перевидала на своём веку!), а чтобы я не шастал часто по её территории, нагружает меня проблемами. И дверь надо переделать, и вентиляцию, и загородки. Записываю претензии в блокнот, сочувствую, но ничего не обещаю. Я тоже уже тёртый калач.

В МТМ меня радостно приветствует Витя Сайбель, который уже давно в совхозе освоился и с удовольствием работает инженером-контролёром по ремонту тракторов и сельхозмашин. Вместе с ним мы с трудом пробираемся через битком забитое тракторами и комбайнами помещение. У меня, вдруг, возникает мысль, что, если, не дай бог, загорится, то отсюда ни одна машина не выберется. Раньше было попросторнее. Я заходил к отцу в моторный цех, когда приезжал домой на зимние каникулы.

В совхозе уже несколько лет проявляет свой талант, напористость и недюжинные организаторские способности главный инженер Кин Артур Адамович. Отношения с подчинёнными он строит на основе строжайшей дисциплины и беспрекословного исполнения своих указаний. **Давит.** Многим, в том числе и моему отцу, такой стиль руководства нравится. Может быть потому, что как раз ему, команду не отдают, а просто объясняют ситуацию. Этого достаточно, остальное он додумает сам.

Трезв, работоспособен, хороший семьянин. Он откуда-то из степного района. Начинал трактористом, был бригадиром, заочно учился в институте. Теперь вот у нас. Разговаривает быстро, двигается тоже. Такое впечатление, что он всё время куда-то спешит или гонится за кем то.

Инженерная служба работает как часы. Но это механические часы, пружину которых надо постоянно подкручивать. Многие почитают за лучшее лишний раз не попадаться ему на глаза. А некоторые просто боятся.

Амбициозен. Ему мало того, что его считают на сегодняшний день одним из лучших главных инженеров района, ему хочется, чтобы его считали самым лучшим.

В этом нет ничего плохого. Вполне себе понятное желание, ради которого он дни и ночи пропадает на работе к обоюдной пользе.

Но они все там пропадают. Все главные инженеры совхозов. И задачи, поставленные перед инженерной службой, решаются во всех хозяйствах. Не слышно о каких-то провалах. Хорошее снабжение запчастями, опытные механики, толковые

бригадиры и управляющие отделений, трудолюбивые расторопные рабочие, что ещё нужно? Трудно инженеру выделиться среди других своих коллег. У них есть, конечно, критерии оценки их работы, но всё это вспомогательно, не наглядно.

Агрономам и зоотехникам проще. Получил самый высокий урожай, надой, привес в районе, вот ты и лучший. А то бывает так, что служба образцовая, а урожая нет. В соседнем, вроде похуже по показателям, а их комбайны молотят 20 ц/га, а твои, идеальные, только 12. Мир вообще несправедлив, а тут ещё агрономы гадят.

Чтобы об инженере говорили, надо сделать что-то такое, чего раньше не было. Например, отремонтировать трактора и часть комбайнов до Нового года. Обычно трактора ремонтируют всю зиму, а комбайны летом, после того, как закончили с тракторами и отправили их в поле. Тогда и МТМ пустая, и другие помещения можно приспособить для ремонта. Отец, например, пригонял комбайн домой, ставил его возле стены зерносклада и возился с ним до уборки между другими делами.

Вот почему МТМ забита до предела. Нужен показатель. Социалистическая система хозяйствования основана на соревновательности. Районная газета «Знамя труда» является рупором этого межсовхозного соревнования и еженедельно публикует сводки. «Аканский» по темпам ремонта на первом месте.

У меня с ним за те полтора года, что мы вместе работали в совхозе, состоялся всего один серьёзный разговор. Как-то он «налетел» на вторую бригаду и в своей обычной манере учинил разнос бригадиру, наладчику и тем механизаторам, что находились на стане. Я стоял в стороне и курил, меня, как агронома, это не касалось. Ещё возбуждённый и не остывший от крика, он подошёл ко мне и попросил сигарету. Насколько я помню, серьёзно он не курил.

– А ты почему их не ругаешь? Почему не давишь?

– Зачем? Нормальные мужики. Хорошо трудятся. Это мне надо думать, как организовать дело так, чтобы им хотелось

работать и получать от этого удовольствие и хорошие деньги. Урожайность надо повышать, остальное всё приложится.

– Так они разные, одни опытные и толковые, а другие новички, да ещё норовят увильнуть.

– Это от страха. Когда будет интерес, и не заметишь, куда что денется. Пусть воспитывают сами себя.

Ответ мой явно пришёлся ему не по душе. Но я не входил в число его подчинённых. У меня был свой начальник, Анатолий Андреевич, который очень не любил, когда разные «рогатки» лезли в дела его службы. *(А вот разрешите спросить, какая тяга у человека сильнее: тяга к труду или тяга к ленности?)*

– Ну и зачем ты всё это пишешь? Мало ли на свете амбициозных специалистов, которые, в отличие от тебя, вели дело правильно, на основе суровой дисциплины? Тебе что Лилия Александровна сказала?

– Я, Мир, не просто так пишу, данная встреча предполагает дальнейшее развитие сюжета. Дело в том, что спустя шесть лет я сменял Артура Адамовича на посту директора с-за «Арыкбалыкский», в котором пружина дисциплины была накручена настолько туго, что могла в любой момент лопнуть и ударить по тому, кто её заводил. Он уходил директором в другой совхоз области.

Самое комичное в этой истории то, что я умудрился навести такой морок на нового Первого секретаря райкома партии Осипенко Виктора Петровича, что он, несмотря на возражения других членов бюро, настоял на моём назначении директором именно **этого** совхоза, полагая, что я и есть тот человек, который продолжит линию предыдущего руководителя и будет дальше **давить** совхозных арыкбалыкцев, слишком умных от близости к районному начальству.

Но это тема уже следующей книги. А я встретил своего старого товарища и одноклассника Витю Сайбея и мы, дождавшись окончания рабочего дня, уединились с ним в его кабинете, купив предварительно в «ингушском» магазине бутылку водки. Хорошо посидели пару часов, наслаждаясь добрым разговором. Хороший он был парень, Витя. Жил у родителей. Неженатый ещё, свободный, счастливый.

Глава 26

ЗИМОЙ АГРОНОМОМ, ЛЕТОМ УЧИТЕЛЕМ

Что же, бытовала и такая присказка, о том, кем бы человек мечтал работать. В ней была своя доля истины.

Самым главным моим объектом, «Волфшанце», был зерноток. Тот самый, вблизи, и на территории которого, прошли мои золотые годы. На стене зерносклада до сих пор красовались две большие гордые буквы «Г» и «В», начертанные мной собственноручно коричневой масляной краской, умыкнутой из школы во время покраски полов. Имел доступ, как сын технички, эту самую покраску производившую, и не прошёл мимо.

Наглядный пример приобщения к вечности оказался заразительным и недалеко от моих инициалов тоже гордо, но не так крупно, виднелись «Г» и «А», и уже совсем скромно «Г» и «Л». Либералы утверждают, что страна неудержимо скатывалась в застой, так что пусть и этот пример заберут в качестве иллюстрации.

На ток по-прежнему можно было попасть напрямую, минуя центральный въезд с воротами и калиткой. Сколько себя помню, эти три доски в ограде напротив нашего родительского дома, были всегда обломаны до верхней прожилки и с обеих сторон для удобства были придвинуты большие камни. Это только невежды считают, что деревенские мужики и бабы обычно сидят на завалинках и скамейках возле домов, лузгают семечки и считают пролетающих мимо ворон. Нет. Они тоже торопятся. Может быть и не так, как ушибленные урбанизацией горожане, вынужденные бегать на длинные дистанции, но тоже спешат. А сокращение пути – это всегда бальзам на душу.

Если бы речь шла только об энергичных людях, бог бы с ними. Но возле ограды всегда околачивались предприимчивые куры, и, в основном, наши, принадлежащие моим родителям, которые с радостью перелетали на заветную территорию. (*Кто перелетал, куры или родители?*). И те, и другие, я тоже перелетал.

Но, на правах начальника я чаще всего потом заходил через ворота, зорким взглядом выискивая недостатки. Вдруг, какой-нибудь проверяющий нагрянет и начнёт выспрашивать, а кто тут у вас агроном отделения? Но недостатков, как правило, не было, если не считать кур, гусей, телят и, даже свиней, прорывавшихся через эти самые ворота, стоило сторожике на минутку потерять бдительность. Наши, белорусские, как партизаны действовали с тыла, маскируясь в зарослях сорной травы и полыни, лишь ненадолго позволяя себе короткие вылазки к буртам, благо, что зерна и мелких насекомых хватало и в траве, а те лезли напролом. На этом бандитском фоне наши, по мнению заведующего током, считались хорошими и воспитанными, но я не принял эту завуалированную взятку и принципиально требовал гонять их наравне с другими.

Делалось всё возможное, чтобы разумно обойтись с зерном, поступающим из бригад. Пока было сухо, проблем не возникало. Но даже небольшой дождь во время уборки их создавал. А если заряжали дожди, то начинались настоящие неприятности. Спрятать зерно в склады было невозможно. Они предназначались только для семян и фуража. С товарным зерном работали на асфальтированных площадках. Чтобы обезопасить себя от действия влаги, необходимо было правильно сформировать бурты, чтобы потоки дождя скатывались с них. Чаще всего с этим справлялись, но иногда хлеб поступал так интенсивно и на таких разных «аграрных машинах» (*бессмертное выражение Ремчукова К.В.*), что просто не успевали. А самым слабым местом бурта считались края подножия, на которых после дождя зерно начинало прорастать.

Но это я тороплюсь с изложением. Пока что зима и то, что меня интересует, это очистка семян, которая длится, обычно, до Нового года. Можно, конечно, как инженерам, пришпорить коня, но в нашей работе есть свои особенности, на которые влияют погодные условия и скорость очистки. Зерно, в отличие от металла – живой организм. В нём есть такой нежный орган, который называется зародыш. Его можно увидеть только в лупу,

но его повреждение снижает качество семян и полевую всхожесть.

Заведовал током в те времена совершенно замечательный человек Горбань Владимир Иосифович. Из наших, из белорусов, возможно, один из тех, кто жил с нами на берегу Балхаша. Но я не буду этого утверждать. Они все замечательные, нет, не белорусы (не дай бог мои жёны эти слова прочитают!), а заведующие токами. Спокойный, улыбчивый, умный, опытный, интеллигентный. Такая хорошая смесь бухгалтера с управляющим.

Он уходил на пенсию, я начинал работать. Он хотел хорошо уйти, я хотел хорошо начать. У него получилось, а я после него по глупости и доверчивости влип в воровскую историю, да ещё и подвёл новую заведующую током Тоню Ткаченко.

Единственным тёплым помещением на току была весовая. Сами весы, способные взвешивать до 10 тонн (*эй, либералы, как там насчёт ваших любимых пудов 1928 года?*), уже не соответствовали реальности с её большегрузными автомобилями и сцепами телег. Территория тока вдруг стала тесной. Машинам с прицепами и «Кировцам» в разгар уборки приходилось с трудом разворачиваться среди буртов. Расширяться было некуда, и руководство совхоза приняло решение о строительстве нового тока.

К моменту моего поступления на работу оно уже велось, там, за ингушским краем. Сооружались ограда и большие ворота, нарезались, отсыпались и асфальтировались просторные площадки, монтировались два зерноочистительных комплекса «ЗАВ-40» (производительность каждого до 40 тонн в час), возводилось типовое здание весовой и новые весы могли теперь взвешивать 20 тонн. Как обычно, самострой, только мехтока и весы монтировали специализированные бригады из Кокчетавы, когда удалось пробить этот вопрос в областном сельхозуправлении. Слушай, Мир, а не было ли там двух весов? Одни на приём зерна, другие на отправку. Как на элеваторах? А, Мир! С Анатолия Георгиевича станется.

Строили долго и трудно. В 1979 и 1980 году мы по-прежнему принимали зерно на старом току, только осенью последнего начали чистить семена на новых «ЗАВах».

Старый ток! Я носился по его площадкам на велосипеде. Я помогал армянам-асфальтировщикам, которые делали их ремонт, тягать каток. Сторожиха тока по вечерам собирала нас, ребятню, под склад, и рассказывала страшные истории. Даже кошки-крысоловки, живущие на току и преисполненные важности от исполнения государственной службы, были из помёта наших домашних кошек.

Старая весовая! Я знал её давно. Может быть с того самого момента, как она была построена. Я приходил сюда к матери, когда она здесь работала. Лавочка в виде доски, прибитой к двум чурбакам возле входа, куча угля и обрезки досок со стройучастка. Здание весовой защищало сами весы, чтобы их не заносило снегом, обрушивающимся во время буранов на село. Над весами была крыша и стена из горбылей с подветренной стороны. Вы не поверите, но они работали как часы, нужно было только прочистить въезд на них. Многое из того, что сегодня кажется древним металлоломом в те годы вполне себе нормально работало и выполняло свои функции.

Когда я впервые переступил порог весовой в новом качестве, Горбань указал мне на свой стол и уважительно сказал:

– Присаживайтесь, Виктор Михайлович. Теперь это ваше место.

– А как же Вы?

– Не беспокойтесь. Я здесь не часто сижу. Мне свою службу исполнять надо. А Вы уйдёте, я и посижу. Да здесь ещё два стола есть, видите, один обеденный, другой для весовщика. Разместимся, как-нибудь. Располагайтесь, располагайтесь, и бумаги свои сюда приносите. Здесь тепло, уютно.

Моё имя и отчество он произносил с каким-то особенным удовольствием. Вроде как гордился. И беседовать со мной любил. На разные темы. Особенно в присутствии других людей. Он ведь долго заведующим работал. Моих родителей хорошо знал и уважал, да и меня ещё мальчишкой часто на току видел.

Был пацан, а теперь вот, учёный человек, агроном. И главное, свой, не чужой. Значит понимает, что к чему в этой жизни.

Чтобы мне не было скучно, он принёс из дома годовую подшивку журнала «Огонёк». Тот выходил еженедельно, так что стопка из 50 экземпляров выглядела очень солидно. Каюсь, я увлёкся разгадыванием кроссвордов, тем более соблазнительным, что в последующем номере печатались ответы на предыдущий. Исчерпав все запасы интеллекта, я сдавался и смотрел ответ. Разгадывание кроссвордов ещё ни одного человека не сделало умным, но, как зарядка для мозга, приветствуется. Ты ведь не создаёшь что-то новое, ты выуживаешь из памяти то, что там уже когда-то отложилось.

Но не подумайте, что я только и делал, что сидел за столом и листал журналы. (*А вот и подумали!*) В декабре ещё продолжалась очистка семян, вернее, она уже почти заканчивалась, но в конце ноября был страшный буран, а потом ударили тридцатиградусные морозы. Женщины, работающие на току, и слесарь, обслуживающий «ЗАВ-40» до сих пор очищали комплекс от снега. Вдруг, снег попадёт в семена, а весной растает и зерно начнёт гнить?

В своих пахучих фуфайках, они, напуская белые клубы мороза, заходили каждый час, чтобы погреться и попить горячего чая. Печь топилась круглосуточно, но тепло в помещении было зыбким. Уборочный накал прошёл. Рабочий день упорядочился и начинался теперь в 9 утра и заканчивался в 5 вечера с обеденным перерывом с часу до двух. В субботу работали без перерыва до трёх часов. На обед все шли домой. Уезжал и Иван Ромоносков, водитель ЗИЛа, прикрепленного к току. Рядом с ним королевой восседала его жена Ядя. ЗИЛ был самой удобной машиной для работы на току. Он лучше, чем ГАЗ-53 формировал бурт, а то, что их водители были «миллиметровщиками», знали все. Некоторые совхозные «дальнобойщики», бывшие всегда в рейсах, пренебрежительно относились к токовским шоферам, считая их паразитами, пристроившимися на тёплое место. Но когда им приходилось их замещать, мнение менялось сразу. Если проводить параллели, то по искусству вождения

наши токовские не уступали сегодняшним водителям немецких мусоросборочных машин. Те же старые склады с узкими воротами и те же узкие улочки старинных немецких городков. Миллиметровая точность.

Очистка семян возобновилась, и я периодически брал пробы, взвешивал и высыпал зерно на обеденный стол, чтобы посчитать количество сорняков и зерновых примесей. Речь шла о том, чтобы очистить семена до кондиций второго класса. По сложившейся в хозяйстве традиции, этот результат считался достаточным, чтобы избежать какой-либо критики. На всех совещаниях в докладах указывалось, что «посев зерновых и бобовых культур на 99% будет произведён семенами 1 и 2 класса». А сколько там внутри этой цифры первого и сколько второго, никого сильно не волновало. Это тоже был отголосок прежних времён, когда успехом считался и этот результат, не самый плохой, кстати.

И получилось так, что в «Аканском» 95% семян соответствовали второму классу и только 4% первому, поскольку «элита» для размножения была получена по разнарядке из семеноводческого хозяйства. А в совхозе «Новосветловский» все 100% семян были первого класса, поскольку агрономом-семеноводом там работала Климкина Мария Афанасьевна, выпускница Львовской сельскохозяйственной академии, посланная по распределению на целину и там оставшаяся. А на совещании оба эти хозяйства упоминались в одной строке, вроде как одинаковые.

Горжусь тем, что оказался первым, кто нарушил многолетнюю традицию в этом вопросе и организовал работу так, что 70% семян зерновых культур стали соответствовать кондициям первого класса. Правда, случилось это только в 1980 году.

Казалось бы, после завершения очистки семян на току начнётся затишье и женщины смогут чаевать подольше, но на самом деле работы хватало постоянно. Я не говорю о чрезвычайных ситуациях, когда бураны «запечатывали» территорию тока, наметая многометровые сугробы, и несколько дней уходило на то, чтобы очистить проходы к складам и сделать проезды.

Зачем, спросит умный читатель? Зачем толкать снег туда-сюда, если следующий буран сведёт всю работу насмарку? Весной сам растает.

Хорошо быть умным и плохо дураком. А вот нам, дуракам, эта мысль как-то не приходила в голову. Наоборот, брали лопаты и шли подчищать за бульдозером, без которого зима на току немыслима. И снег грузили на машину мехлопатой, чтобы очистить площадку под удобрения.

Ток, как и животноводческая ферма, живой организм совхоза. Будь добр ежедневно, включая воскресенья, обеспечить скот фуражом в виде раздробленного зерна. Его надо приготовить, а дробилка старая, малопроизводительная, новых и мощных промышленность не торопится предлагать, и две женщины дробят все дни рабочей недели, покрываясь дурно пахнущей пылью. Завевает метель. Надо очистить весы, надо очистить ворота, надо очистить въезд в склад. Рутинная. У заведующего нет выходных. Он должен исполнить свою часть обязательных работ. Естественно, он не один такой. И в воскресенье приходят в контору отделения бригадиры полеводческих бригад, я не говорю уже о бригадирах животноводства. Управляющий всегда на месте. Пока скот не будет накормлен и подоен, никто, включая главных специалистов, которые собираются у директора, не может считать себя свободным. Это просто такой образ жизни на селе, и я приучился к нему сразу. Воскресенье начинается только после удачного утра. А ведь бывают и неудачные.

Глава 27

ГДЕ МЫ?

Уважаемые читатели! Я вынужден прервать своё неспешное литературное повествование о днях минувших и обратиться к событиям сегодняшних дней. Тут, брат ты мой, такое происходит, что волосы дыбом встают!

Вот уже более двух месяцев Россия воюет с Украиной. 24 февраля 2022 года российские войска вторглись на украинскую территорию под предлогом проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации соседнего государства. Замах был большим, но молниеносной войны «малой кровью на чужой территории» не получилось. Я не знаю, что за советники были у Путина, и о чём он сам думал, принимая это решение, но последствия оказались самыми драматическими.

Может и были вначале какие-то военные успехи, но информационную войну Украина уже выиграла и позиционирует себя в мире жертвой российской агрессии, хотя, на мой взгляд, она в первую очередь является *провокатором*, а уж потом жертвой.

Выделю три основных момента, которые не учло, или учло, но в недостаточной мере, понадеявшись на «авось», российское правительство.

– Хохлы, почему-то, не поторопились приветствовать своих «освободителей», разве только жители непризнанных Донецкой и Луганской Народных Республик.

– Украинская армия оказалась более боеспособной и мужественной, чем это представлялось высоким военным начальникам из Генерального штаба.

– Европа, эта старая кошёлка, вдруг отбросила весь свой декларируемый гуманизм и, подстрекаемая Америкой и Англией, тесно сплотила ряды и со зверским выражением лица стала требовать войны до победного конца.

Чьего конца? Естественно, России. Ни одного вменяемого политика на горизонте. Всеобщее умопомешательство. То, что на территории Украины идёт война между НАТО и Россией, ясно всем. Гибнут украинцы? Но это не беда. Мы похвалим ваше мужество и дадим ещё оружия. Вы ведь сами на эту роль напрашивались, будьте теперь добры доиграть пьесу до конца. Гибнут русские? Так это же прекрасно!

– Слушай, Мир, уже об обмене ядерными ударами говорят так, будто снежками собираются кидаться.

– Были в истории и худшие ситуации, правда, без такого мощного оружия. Как-то всё решалось. Большой кровью, но решалось. У человечества есть инстинкт самосохранения. Не думаю, что он совсем уж исчез. Ты лучше напиши о своей первой реакции на произошедшее тогда. Не забывай, что ты не просто человек, а писатель. *Noblesse oblige*.

Я был потрясён этим известием. Первым моим порывом было как-то оправдать Россию. Это неважно, что я живу в Германии. В душе я русский человек и слово Родина для меня не пустой звук. Суверенный Казахстан, за малым временем проживания в нём, не успел развернуть меня, и я навсегда остался гражданином СССР.

27 февраля, на четвёртый день войны я опубликовал на своей странице в Фейсбуке стихотворение Александра Сергеевича Пушкина «Клеветникам России», написанное им в 1831 году в ответ на известные польские события.

О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы.
Уже давно между собою
Враждуют эти племена;
Не раз клонилась под грозою
То их, то наша сторона.
Кто устоит в неравном споре:

Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.
Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали;
Вам непонятна, вам чужда
Сия семейная вражда;
Для вас безмолвны Кремль и Прага;
Бессмысленно прельщает вас
Борьбы отчаянной отвага —
И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..
Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измайльский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Я не ожидал, что моя публикация вызовет какие либо отклики, она предназначалась лишь к выражению моей собственной позиции в этом вопросе. Но комментарий последовал незамедлительно. Слишком уж остра была тема. Станислав Юрьевич Яржембовский, чей путь на позиции славянофильства

был настолько тернист и извилист, что невольно вызывает в уме образ апостола Павла (Савла), первым бросил копьё:

– «Мы не признали наглой воли того, пред кем дрожите вы», – явно намекая не на современную Пушкину Францию, а на современную нам Америку.

Но, Михаил Эндин, хороший поэт, которому не повезло со временем, высказал другую точку зрения, которую его более радикальные со-мысленники фанатично оборачивают в жовто-блакитную материю, сознательно не замечая гнойника, там обрзовавшегося.

– Сейчас не первая половина 19-го века, Виктор. Не нужно оправдывать Пушкиным агрессивную войну против Украины. Хорош "спор славян между собою", когда один из спорящих приводит в боеготовность ядерное оружие и угрожает ядерной войной всему миру...

Я ответил:

– В сложившейся ситуации за любую соломинку готов ухватиться, Михаил. Эта неделя у меня рабочая. В буквальном смысле. В понедельник утром стоял на планёрке перед своими коллегами-товарищами и отвечал за Россию. Давно мне не было на душе так паскудно. Правоты нет. Ей богу, лучше бы НАТО на неё напало. От страны откреститься легко. При любом раскладе она уже проиграла. Морально. Но не на пустом же месте эта ситуация возникла? Хохлам тоже меньше надо было выделяться. Собрались в Европу – идите как люди. Без всех этих ужимок, скачков, кривляний и кричалок. Не одни на свете живёте. Накликали беду.

Станислав подлил масла в огонь:

– Если вам мало Пушкина, вот вам Тютчев:

Напрасный труд — нет, их не вразумишь,

Чем либеральней, тем они пошлее,

Цивилизация — для них фетиш,

Но недоступна им её идея.

Как перед ней ни гнитесь, господа,

Вам не снискать признанья от Европы:

В её глазах вы будете всегда

Не слуги просвещенья, а холопы.

Михаил, начиная терять терпение:

– Ещё раз говорю: не нужно прикрываться классиками – они здесь ни при чём. Можно, как угодно, долго длить спор западников со славянофилами, Россия, как угодно, может относиться к Западу, а Запад - к России, но зачем же было начинать войну с Украиной? – не словесную, не мировоззренческую, не гибридную, не холодную, а настоящую, горячую – с кровью и смертью. Зачем?..

Но у Станислава свой взгляд на сложившееся положение:

– Настоящую горячую с кровью и смертью начала нацистская Украина на Донбассе. «Зачем же было начинать войну с Украиной?» – а нас то за что?

Непрерывно пугая самого себя русской угрозой, Запад почему-то не хочет взглянуть на проблему взаимоотношений с Россией с противоположной стороны: а нет ли у России основания опасаться Запада? Ведь в новейшей истории Европа объединялась уже дважды – Наполеоном и Гитлером, и оба раза объединение кончалось походом на Россию. Оба раза Россия пыталась как-то договориться: Тильзит, Молотов-Риббентроп – бесполезно. И вот Европа едина в третий раз и в союзе с Америкой мощна как никогда в своей истории. С точки зрения рядового россиянина, расширение НАТО это просто продолжение дела Наполеона и Гитлера, разве что до поры до времени другими средствами, а именно, медленным экономическим, политическим и идеологическим удушением — знаменитый план «Анаконда». А если Запад отвергнет эти обвинения (ну что вы, это же всё исключительно для самообороны, нет у нас агрессивных намерений!), то самое время напомнить ему о тех обещаниях, которые он давал при роспуске Варшавского договора, выводе из Восточной Европы советских войск, объединении Германии и т.д. Пусть он теперь думает, как задним числом эти обязательства исполнить - начиная с исключения из НАТО всех, кто туда приняли в нарушение прежних обещаний.

Разумеется, Запад ничего такого никогда не сделает. И именно для того, чтобы иметь моральное право этого не делать, в средствах массовой информации Запада на протяжении последних двадцати лет ведётся против России немислимая даже

во времена холодной войны пропагандистско-психологическая война. Россию равномерно мажут чёрной краской, представляя её перед мировой общественностью в образе авторитарного имперского монстра, который только и знает, что посягать на территории соседних государств, затягивать энергетическую петлю на шею Запада, растаптывать права и свободы человека и убивать всех подряд правдорубов - журналистов и блогеров.

То, что мы наблюдаем, это совершенно сознательное тотальное неприятие всего, что так или иначе связано с Россией. На Западе Россия воспринимается как страна, совершенно чуждая западному миру в культурном и ценностном плане, несмотря даже на Чайковского и «Толстоевского», так что доверия к нам у Запада не будет никогда. Западу по большому счёту не нужны долгосрочные договорённости с Россией, все его договорённости носят исключительно конъюнктурный характер. Те из нас (включая и автора этих строк), кто был убеждённым западником, сейчас сожалеют об этом: мы не понимали, что все страны имеют свои интересы и продавливают их любой ценой, мы не понимали, что для Запада помехой для продавливания его интересов была наша страна, из последних сил защищавшаяся коммунистами. Мы не понимали, что следующим шагом после развала СССР станет развал России, поскольку Россия не устраивает Запад не потому, что она недостаточно хороша, а самим фактом своего существования. Для Запада неприемлема Россия как великая держава, как огромное государство, у которого есть свои геополитические интересы. Западу не важно, монархия у нас, коммунизм или демократия, ни одной из великих держав не нужна сильная – пусть даже тысячу раз демократическая – Россия, которая в этом случае станет для них опаснейшим конкурентом.

В глазах Запада Россия останется империей зла, пока у неё остаётся нефть, газ и ядерное оружие, так что ни на что другое как на наш полный распад Запад никогда не согласится: для него хорошая Россия это мёртвая Россия. В сознании западных элит до сих пор ещё господствует представление о том, что Россия должна занять позицию побеждённой Германии, то есть, признать своё поражение в холодной войне, капитулировать и за все своё прошлое беспрестанно извиняться. Как-то получилось так, что мы (и только мы!) все время кому-то что-то должны: то

извиниться, то покаяться, то денег дать, то территории вернуть. А перед Европой мы, окаянные, должны (предварительно сделав двойное «ку») извиниться за то, что спасли большую часть её населения от газовых камер Освенцима.

Михаил доводов не воспринял и от дальнейшей дискуссии отказался:

– Станислав, я всегда уважал и уважаю Ваши ум, знания, эрудицию и оригинальные взгляды, но в оценке сегодняшних событий согласиться с Вами не могу, но и спорить дальше не буду, потому что всё самое главное я уже сказал.

Мне показалось, что я высказался не до конца, поэтому решил обнародовать ещё несколько соображений:

– Я уже изложил своё мнение о происходящих событиях. Но хочу его дополнить. И сказать, что я не согласен с вашим, Михаил, утверждением о том, что точка зрения поэтов-классиков прошлых веков сегодня неактуальна. Совсем наоборот. История имеет два свойства, которых никто не отрицает. Во-первых, она никого ничему не учит, во-вторых, движется по кругу. И когда круг пройден, классик, не желая того, становится, вдруг, нашим современником, и мнение его о повторившейся ситуации куда весомее взглядов сегодняшних "знатоков".

Речь шла о двух великих поэтах, Пушкине и Тютчеве. Они были гениями? Да, были. Что может гений, по сравнению с просто умным человеком? Он может попасть в цель, которую умный человек не в состоянии определить. К тому же, Тютчев был дипломатом, и он, пусть даже обзовём его славянофилом, знал, о чём пишет. Пушкин пишет о польском восстании. Это не меняет смысла по отношению к сегодняшнему дню, который, несмотря на всю кажущуюся сложность, прост до идиотизма. Посмотрите. В мире сегодня нет ни одного вменяемого политика. Меркель была последней. Все крутые, как варёные яйца. Все официально заявили, и не сегодня, а ещё раньше, что будут действовать в отношении России только с позиции силы. После распада СССР и содружества социалистических стран образовался нарыв. Россия пыталась лечить его дипломатическим пу-

тём, но никому это было не интересно, хотя на словах справедливость её претензий признавалась. Разуверовавшись, она взяла в руки скальпель. Самоубийственно, на мой взгляд. Но будущее время покажет. История вышла на новый круг.

Я не знаю, как можно разрешить сложившуюся ситуацию. Сегодня она ещё сложнее, чем была вначале. Россияне в большинстве своём поддерживают своё руководство, но если не будет положительного результата, то и поддержка сойдёт на нет.

У меня было и ещё одно открытое обращение. Это апрель 2022 года:

– Здравствуйте, мои уважаемые друзья по "Фейсбуку". Мы все разные, но нас объединяет равнодушие к происходящим сегодня событиям и связь с местами, где они разворачиваются, будь то Россия, Украина, Израиль, Беларусь, Германия. Не надо сразу хвататься за вилы, если какое-то слово нам не понравилось. Этим делу не поможешь.

Любая крайняя точка зрения по поводу "операции" (войны!) не несёт решения, а только усугубляет конфликт. Порой в жизни складываются такие абсурдные патовые ситуации, когда любое поведение преступно. И поддержка вынужденного проводить "агрессию", и безоговорочное его осуждение и солидаризация с "жертвой", которая, на мой взгляд, несёт не меньшую вину в случившемся. Как это ни звучит цинично, но Украине повезло, что на неё напали. И для России было бы большим благом, если бы НАТО первым по ней ударило. Но, с полной уверенностью можно сказать, что первым солдатом, который бы пересёк её границы, был бы украинский солдат, воспитанный в ненависти к "москалям".

Чем сегодняшней осуждающей войну миротворец отличается от "агрессора"? Только тем, что он занял выгодную и беспроблемную в моральном плане позицию. Но он же не выходит на демонстрации против насыщения зоны конфликта оружием, значит тоже является "убийцей" и выступает за продолжение смерти.

Ситуация страшнее, чем нам кажется. Два стада упёртых баранов сошлись на мосту через обрыв, и каждый считает, что он первым должен его пройти. Мира уже нет, и долго ещё не будет. Надо искать только перемирие и более-менее непозорный выход для каждой из сторон.

Уйдём, друзья мои, с крайних позиций и поможем найти компромиссное решение, отложив настоящую войну на завтра. Она обязательно случится, вся мировая история кричит об этом, но её можно отсрочить. Войны не нужны никому, тем более народам России и Украины, на своей шкуре ранее испытавшим, что это такое, но они случаются с пугающим постоянством.

Я за перемирие. Кто со мной? Это вопрос не сегодняшнего дня и даже не завтрашнего, но его надо настойчиво ставить. А там глядишь, и ситуация на более благоприятную сменилась. Или арктический холод заморозит Европу, или... Природа, она умеет по-своему охладить горячие головы, когда видит накал ненависти. Не будем её провоцировать.

Глава 28

ПИСАТЕЛЬ ИЛИ НЕ ПИСАТЕЛЬ?

– Вот видишь, Мир, и мы с тобой сподобились, нас уже писателями начинают называть.

– Называют – не обзывают. А какие ещё критерии нужны, чтобы это звание заслужить? Книги есть, читатели есть, критика есть, положительные отзывы тоже. Жанр литературный, не хуже других. Всё правильно, товар налицо, без обмана. Ты не комплексуй, не скромничай. Речь твоя на встрече мне понравилась, будет нелишним, если ты познакомишь с ней своих верных читателей.

Да, мои дорогие друзья, была эта самая «Творческая встреча с писателем Виктором Гридюшко», и состоялась она 10 апреля 2022 года, как теперь говорят, онлайн. Присутствовало 14 человек, ведущим был редактор сайта «Круг интересов» Эдвард Ковалерчук. Проводилась запись встречи, которую Эдвард потом любезно разместил на моей странице и в Ютубе. Пусть вас не смущает небольшое число участников, запись впоследствии просмотрели сотни людей.

Полтора месяца в ущерб написанию книги, я свою речь обтачивал, чтобы уложиться в 40 минут. Что из этого получилось, судить вам. Предваряя встречу, Эдвард во вступительном слове сказал:

– Семь лет назад Виктор издал первую свою книгу из задуманной им трилогии "Броуниада или путешествие по замкнутой спирали" под названием «Дом на целинной улице». Позднее она была опубликована и в онлайн-формате на сайте "Круг интересов". Книга имела довольно большой успех и за короткое время набрала в интернете тысячи просмотров. За первой последовала вторая часть трилогии: "Лучшее время нашей жизни", и рейтинг просмотров вышел на первое место среди всех публикаций на сайте "Круг интересов". О повышенном интересе к книгам Виктора Гридюшко свидетельствует большое количество отзывов и комментариев. В настоящее время он заканчивает работу над третьей книгой, которая, надо полагать, в скором времени увидит свет. Привлекательность этих книг объясняется прежде всего тем, что их сюжеты не являются плодом

фантазии автора, а реалистичным описанием его собственной богатой событиями жизни, увиденной и показанной в далеко не тривиальном подходе с сугубо личной и не стандартной оценкой пережитого времени.

А само моё выступление, которое знающие люди назвали не докладом, а, почему-то, *эссе*, прозвучало так.

Уважаемые участники встречи! Дамы, господа и товарищи! Предваряя наш разговор, я хочу сообщить, что все события, о которых вы сейчас услышите, действительно имели место. Все герои и соавторы моего повествования реальны, даже если они не совсем обычны. Всё, о чём я вам сейчас расскажу, уже подробно описано в моих опубликованных книгах или будет описано позже.

Мне посчастливилось прожить три жизни. Одну там, в России и Казахстане, другую здесь, в Германии, и третью во сне. Каждую из них я готов повторить снова, несмотря на совершенные ошибки. Если пытаться не повторять прежних, им на смену придут другие, которые могут оказаться ещё хуже. Жизни без ошибок не бывает. Все мы живём по первому разу, робко и осторожно ступая по полю жизни, на котором разбросаны грабли.

Мои обстоятельства складывались таким образом, что я, зачастую не желая того, был вынужден прищипывать лошадь своей судьбы и жить так, будто каждый из дней был последним. Час, прожитый зря, и сегодня рвёт мне сердце на части. Я презираю паразитов, не люблю физической лени, но более всего меня отвращает в людях лень ума. Тем приятнее мне сегодня видеть ваши лица.

«Я из простых собак, не из породистых».

По национальности белорус. Нам порой кажется, что «История» – это что-то далёкое, а мы являемся людьми современными. Но в моём конкретном случае именно она, «история», выраженная двумя словами – «**армия Андерса**» предопределила в 1955 году моё появление на свет в бараке для ссыльнопоселенцев.

История армии Андерса в России малоизвестна. Это польское военное формирование, созданное генералом Владиславом Андерсом в 41-42 годах на территории СССР по соглашению с польским правительством в изгнании из польских граж-

дан, попавших в советский плен в результате войны 39-го года, а также польских граждан, которые были депортированы и заключены в лагерь ГУЛАГа.

Антисоветские настроения и ненадёжность этой польской армии, её нежелание воевать с немцами до тех пор, пока не будет закончено формирование всех шести дивизий, вынудили советское правительство разрешить её эвакуацию на Ближний Восток, где она стала частью 8-й английской армии.

Национальный состав её был неоднороден: кроме поляков там было около 30% украинцев и белорусов, и 4 тысячи евреев. Причём, на начальном этапе формирования, евреи составляли до 60% от общего числа военнослужащих. Но потом поляки подтянулись и начали евреев выдавливать. Когда «Польская армия на Востоке», так она теперь официально называлась, добралась до Палестины, три тысячи евреев из неё дезертировали, не понеся за это никакого наказания. Видимо, такой расклад поляков устраивал. Война войной, а антисемитизм антисемитизмом. Но тысяча осталась, в основном на обслуживающих армию должностях. Войско пошло сражаться с немцами, а дезертирам через несколько лет предстояла своя война.

Самым знаменитым сражением корпуса после открытия «второго фронта» считается битва под Монте-Кассино, в Италии. Поляки им гордятся и даже сложили в его честь песню о маках Монте-Кассино, которые стали ещё красней от польской крови. Один из авторов песни еврей из той тысячи, что не осталась в Палестине. Их имеет в виду и Александр Галич в «Балладе о вечном огне», где есть такие строки:

Как нас чёрным огнём косило
В той последней лихой атаке...
«Маки, маки на Монте-Кассино»
Как мы падали в эти маки...

Оба моих деда, один из которых считал себя поляком, а другой белорусом, до войны проживавших на территории будущей Полоцкой области, участвовали в том сражении и были награждены «Крестом Монте-Кассино» и орденами «Виртути Милитари».

До 1946 года корпус оставался в качестве оккупационных сил в Италии. Затем был переправлен в Англию и там сформирован. Большинство его бойцов, как и сам командующий,

не пожелали возвращаться в коммунистическую Польшу и остались в эмиграции. Но часть из тех, кто до войны проживал в Западной Украине, Западной Белоруссии и Литве в 1947 году вернулись к своим семьям.

1 апреля 1951 года, аккуратно на Пасху, около тысячи человек бывших военнослужащих и члены их семей (всего около 4,5 тысяч человек) были задержаны, посажены в эшелоны и отправлены на поселение в Иркутскую область. Взять с собой разрешили только то, что могли унести в руках.

Ссылка длилась до августа 1958 года. В ответ на мой вопрос, за что выслали, мать отвечала, что не знает и винила во всем Берию. Отец был более категоричен: – «Болтали много лишнего». О, пронизательные советские органы! Где же вы были, когда эта болтовня, теперь красиво именуемая старым русским словом «гласность», потоком захлестнула страну и размыва её?

О каких-либо зверствах, чинимых чекистами, в разговорах никогда не упоминалось. Был режим, но жить давали. Все работали в леспромхозе. Отец выучился на тракториста в районном центре Усолье Сибирское и стал трелёвщиком. Мать обрубала сучья. В 1956 году её родители и два младших брата уехали в Польшу. Полякам после войны достались бывшие немецкие земли по реке Одер, в частности в районе города Грюнберг, сегодня именуемом Зелена Гура. Немцев выдавили, а заселять было нечем.

Стали искать поляков и вспомнили про «андерсовцев». Советская сторона не возражала. Тех, кто соглашался уехать, освобождали от ссылки. Но белорусы ехать отказались, видимо, помнили довоенное панство. Среди ссыльных разворачивались нешуточные дискуссии. Отголоском тех событий стала поговорка, которую часто употреблял отец: «Здесь дурных нема, все дурные у Польшу уехали».

Родители отца построили дом, и когда ссылка закончилась, решили остаться в Сибири. Сибирь, она притягательна для русского человека, во всех отношениях. Наша семья, однако, переехала в Белоруссию, но в 1961 году родители завербовались на целину. В селе Куспек, что в Северном Казахстане, они прожили 35 лет, пока были силы.

Мои отец и мать имели начальное образование, поскольку их детство пришлось на оккупацию. В Казахстане мать рабо-

тала разнорабочей на току, потом техничкой в школе, затем, когда в совхозе открылась швейная мастерская, стала швейёй. Отец трудился трактористом в полеводческой бригаде, затем мотористом в МТМ. Освоил зерноуборочный комбайн, стал асом комбайновой уборки и кавалером двух высоких орденов. Он был романтиком целины, этот сын «андерсовца», хотя и припозднился к началу.

Я учился в сельской школе, по окончании поступил в Омский, ордена Ленина, сельскохозяйственный институт имени Сергея Мироновича Кирова, на агрономический факультет. Работал по специальности, в 30 лет стал директором крупного многоотраслевого совхоза, в должности которого пережил недоумение, официально именуемое «перестройкой». Не буду рассказывать, «как катался сыром в масле ипил крестьянскую кровь». День, когда после пяти с лишним лет, мне удалось от директорства освободиться, до сих пор считаю самым счастливым днём своей жизни.

В 1994 году благодаря немецко-русской жене всей семьёй перебрались в Германию. Жили в деревне, в 40 километрах от города Вюрцбурга, куда шесть месяцев ездили на языковые курсы. Потом в него переехали, сняв с помощью маклера квартиру. Работал сначала на так называемой «двухмарочной» работе, затем, как официально признанный «академикер», год учился на компьютерных курсах. Но из-за плохого знания языка компьютер в должной мере не освоил и по окончании выбрал работу, близкую к моей первой специальности.

Занимался благоустройством приусадебных участков, научился класть плитку и камень. Фирма разорилась, два месяца был безработным, а потом арбайтсамт предложил мне работу в винодельческом предприятии с шестимесячным испытательным сроком. Я выдержал конкурс среди пяти желающих местных немцев, и проработал там 25 лет, до выхода на пенсию. Продолжаю трудиться и сейчас, правда, уже не так интенсивно. У меня четверо детей от двух браков: сын и три дочери. Девять внуков и внучек. По гороскопу – Лев.

Теоретически любой человек может написать одну книгу. Материалом для неё будет являться собственная жизнь. Не будем же мы всех их называть писателями. Писатели – это те, у

кого в «портфеле» лежат, как минимум, две книги. Одна, как у всех, документальная, а вторая – художественная.

В отношении себя я нахожусь в сомнении. Имею ли я право считать себя писателем? «Корочек» у меня нет. С одной стороны, я до сих пор пишу ту одну, которая права на это звание не даёт. Но, с другой, это трилогия и общий объём выстраданных страниц перевалил за тысячу. Уже давно я не просто описываю происходившие со мной события, а осмысливаю их. То есть в ткань одной книги вплетаются сюжеты другой, которая рассказывает уже не обо мне, а об окружавшем меня мире. Два в одном. И тогда получается, что я параллельно пишу две, и писателем называться вправе.

Гомер написал две книги. Я тоже пока две. Но через несколько месяцев я его обгоню и у меня будет три. Он был слепой, я глухой, нет, у меня есть что-то общее с писателями.

Первую свою книгу я начал писать в 54 года и закончил в 60. Поначалу я вообще наивно полагал, что ограничусь одной, а потом это мучение прекратится, и я опять стану свободным человеком. Но не тут-то было. Я понял, что книгой мне не отделаться, а нужна трилогия. Сегодняшняя действительность обстоит таким образом, что трилогия будет состоять из 4-х книг. Первая и вторая уже изданы, но третья, заключительная, будет представлена двумя томами под общим названием «В зоне рискованного земледелия». Это только о советской жизни. Надо же рассказать и о немецкой. Это что, тетралогией уже пахнет? Хорошо ещё, что жизнь во сне удалось вместить в две главы и втиснуть в третью книгу.

Вы можете меня сейчас совершенно справедливо спросить, а какого чёрта, тебе, мужик, не жилось спокойно? Зачем ты полез в писатели, если это так, по твоим словам, тяжело? Чтобы более-менее правдиво ответить на этот вопрос, нужно вернуться в 1994 год.

Начиная с первых дней эмигрантской жизни и до выхода на пенсию у меня всегда была полная занятость, будь то учёба или работа. Кроме того, не привыкший к выходным дням, я сразу начал «по-чёрному» подрабатывать в садах, число которых в отдельные годы доходило до 12. Вёл дневник. Но, насколько

всё-таки жёстче была наша тогдашняя сельская североказахстанская жизнь, если даже такая загруженность не отогнала мысли о том, что я в состоянии сделать что-то ещё. И я решил самостоятельно получить ещё одно высшее образование – гуманитарное, а именно – историческое, которое частично включало бы в себя и историю культуры.

Я всегда много и охотно читал. Но все мои познания существовали разрозненно, не складываясь в одну целостную картину. И я решил выстроить для себя историческую конструкцию человечества, создать скелет, который мог потом обрастать, образно говоря, плотью.

Но с самого начала решил, что это будет не просто чтение, а настоящее изучение, с написанием конспектов, рефератов, и, даже, докладов. Через десять лет смог с чистой совестью сказать, что поставленную перед собой задачу выполнил. Конструкция была создана и находилась внутри меня. За первый год я с трудом перевёл и изучил 76 страниц «Мировой истории» на немецком языке, но потом мне повезло. В России начался издательский бум и появилась возможность выписать практически любую интересующую тебя книгу. Я собрал пусть и небольшую, всего несколько сотен томов, но очень содержательную библиотеку. И прочёл её книги с карандашом в руке. Не буду утверждать, что взял бога за бороду, но кое-что в голове отложилось.

Нельзя знать всё. От этой ереси меня предостерег Станислав Юрьевич Яржембовский. Я его послушался, а сам он что сегодня творит со своим «Взглядом и Нечто»? Двойные стандарты исповедуете, Станислав Юрьевич!

Важно не количество прочитанных книг, а их глубина. Самой сложной, которую смог прочесть, считаю «Закат Европы» Освальда Шпенглера, где история представлена не просто событиями, а связками событий, позволяющих на основе уроков прошедшего создавать предположения о будущих временах. Которые, впрочем, не желают сбываться.

Новые знания накапливались во мне и, не имея естественного выхода, превращали мозг в кипящий котёл, грозящий взорваться. Грех гордыни обуял меня всё больше и больше. Это усугублялось и спецификой моей основной работы. Я уже не

помещался на кровати. Рос и рос, становясь вровень со Вселенной. Главный философский вопрос, мучивший Циолковского, не стал давать покоя и мне: – «Зачем всё это? Зачем существуют материя, растения, животные? Зачем существует мир, вселенная, Космос? Зачем?» Меня стала преследовать навязчивая мысль, а что произойдёт, если я замкну начало и конец времён.

Да, прав был мудрый Фамусов, когда предостерегал: – «Учение – вот чума, учёность – вот причина, что нынче пуще, чем когда, безумных развелось людей, и дел, и мнений. Уж коли зло пресечь, забрать все книги бы да сжечь».

А где найти это время? Вселенная безначальна и бесконечна, и времени не существует, его придумали люди для удобства своих исчислений. Но однажды меня осенило! А спираль? Та самая спираль из диалектики Гегеля, про которую нам, молодым атеистам, читали на лекциях в институте. В ней ведь около 30000 лет. Весь период осмысленного существования человечества.

И я действительно совершил это действие душевной ланей ночью 2005 года, став необычайно могучим и дерзким. Поднялся на небо, нащупал в темноте что-то напоминающее растянутую пружину и потянул. Раздался страшный удар грома, блеснула молния. Но, прежде чем провалиться в беспамятство, я успел соединить концы...

Мир вокруг не изменился. Но я проснулся другим человеком. Пытался осознать новизну, возникшую во мне, и не мог дать ей определения. Единственно, что я знал точно, в эту ночь произошло что-то необычайно важное в моей жизни.

С той поры я стал спокоен. Гордыня покинула меня навсегда. Почему-то стал прибавлять в весе. Всю взрослую жизнь до 50 лет я стабильно весил 67 килограммов, теперь вот хорошо перевалил за 100. Заматерел. А ещё стал видеть сны. Я и раньше не мог пожаловаться на их отсутствие, но теперь они превратились в такие яркие картины путешествий и приключений во времени, что вечерами старался как можно раньше лечь в постель и закрыть глаза.

Стал записывать увиденное ночами и у меня накопилось множество материала, позволившего сделать вывод о физиологической основе снов, приправленной эмоциональностью про-

живаемых дней. Свои записи я озаглавил словами великого русского физиолога Ильи Михайловича Сеченова: – «Сновидения – небывалые комбинации бывалых впечатлений».

Ещё одним следствием произошедших во мне изменений стало то, что родилась и окрепла идея написать книгу о нашей семье, вернее, о нашем роде. Три года ушло на её обдумывание. В ту пору я ещё работал на конвейере по розливу вина и этикетированию бутылок. Руки привычно делали работу, голова оставалась свободной. Идеальные условия для человека, решившего заняться творчеством. И деньги в семью, и мысли в голову. Их я записывал на обратной стороне винных этикеток и складывал в коробку из-под обуви, пока она не заполнилась до краёв. Как-то само собой родилось и название будущей книги: «Путешествие по замкнутой спирали».

Но, по-настоящему сесть и начать писать, меня побудил Михаил Веллер, две книги которого «Слово и профессия» и «Слово и судьба» с подзаголовком «Как стать писателем» были мной прочитаны в канун нового, 2009 года. Следуя его советам, я создал территорию творчества, своеобразный кабинет, который расположился в одной из комнат нашей большой квартиры. Это было не трудно. Дети уже выпорхнули в самостоятельную жизнь, внуки ещё не родились. Места хватало. Вы сейчас видите его часть. К сожалению, не нашлось зелёной лампы, как у него, но я застелил стол зелёной бумагой. Кроме того, у меня была библиотека, интернет, синяя домотканая дорожка, волшебное кресло и окно, выходящее в сад.

Писал я по воскресеньям и праздничным дням. Впрочем, зимой использовал ещё и субботы, если не было обязательств перед семьёй и другими людьми. Вставал рано, часов в 6, принимал ванну, одевал свежую одежду и садился за стол. Накануне прибирался в комнате. Во всём должна была быть чистота. В кабинете, в теле, в помыслах. Если бы верил в Бога, то ещё бы и молился. Но я атеист.

Прежде, чем начать писать, мне необходимо было впасть в транс. Это действие заключалось в том, что я должен был воспарить над землёй. Мысленно, естественно.

Я видел нужную мне картину в мельчайших подробностях, вплоть до царапин на клеёнке обеденного стола. Оставалось только найти правильные словосочетания. В нахождении и

заклучалась вся сложность писательского труда. Долго такое напряжённое состояние продолжаться не могло, и, если мне за пять часов удавалось написать две страницы стандартного книжного текста, считал день удачным.

Я последовательно прошёл через все стадии действий, подстерегающих на этом пути дилетанта. От обширного цитирования, через плагиат, к выработке собственного стиля. Основная борьба развернулась с текстовым редактором. Ему не нравился строй моих фраз. Он не вписывался в его представления о литературном языке. Скрипя зубами, я подчинялся диктату, чтобы не прослыть неучем. Но во второй книге я показал ему средний палец правой руки и стал ставить знаки препинания по своему усмотрению, так, как считал нужным, кроме тех случаев, где они в тексте обязательны. И, знаете, он притих, этот бюрократ.

Макет книги я создавал сам. В Word. Как это делать, мне подсказал Станислав, которого я за это почитаю крёстным отцом «Броуниады». Был и автором, и редактором, и корректором, и художником. Начинать печатать одним пальцем, затем научился пользоваться четырьмя. Заказ отдал в немецкую типографию. В момент, когда взял в руки свою первую книгу, я понял, какие чувства испытывает женщина, когда ей подадут её первого ребёнка. С тех пор было напечатано около 80 экземпляров первой и второй книги, они разлетелись по миру, и мне рассказывали, что одну из них видели даже в Новой Зеландии.

Всеми нами уважаемый редактор «Круга интересов» Эдвард Ефимович Ковалерчук предложил мне напечатать книги в электронном виде на его сайте. Я согласился, и ни разу не пожалел о своём выборе. Эдвард замечательный редактор, и у меня порой складывалось впечатление, что он болеет за произведение больше, чем сам автор. Думаю, что люди, которые с ним сотрудничали, согласятся с этим утверждением.

Слова «Броуниада» не существовало в русском языке. Я его придумал и ввёл в оборот. Это производное от «броуновского движения», которое подразумевает тепловое движение взвешенных в жидкости частиц, происходящее под действием толчков со стороны молекул окружающей среды. Я осмелился предположить, что взвешенная частица – человек, а окружающая среда – жизнь.

Читателей может удивить появление в повествовании Мира, существа фантастического. Но, смею вас уверить, он настолько же реален, как и я сам. Помните, как я замкнул цепь времени? Мир, вероятнее всего, есть ожившая в результате замыкания историческая конструкция. А может быть, когда я хулиганил и трогал спираль, мне его отдали как копию, вроде шелушинки от лука.

Сегодня он мой соавтор и мудрый советчик. Есть ещё один тип, который так и норовит влезть со своими циничными комментариями. Но так получается даже интереснее, и мы его не прогоняем. Ну а четвёртый наш соавтор – это сама книга. На определённом этапе текст приобретает самостоятельность и характер, позволяющий ему диктовать автору своё видение дальнейшего развития сюжета. То, что автор задумал, и что получилось в конце – это две разных вещи.

Книги для удобства чтения разбиты на главы, которые с натяжкой можно считать самостоятельными рассказами. Они снабжены говорящими названиями. Жизнь и события, происходящие в первой, показаны глазами маленького мальчика, любопытно смотрящего на окружающий мир. Он проведёт вас по комнатам дома. Покажет, что ели и пили, о чём говорили и пели, зимой, весной, летом, осенью. Вы заглянете в сарай, на огород, сходите в лес, в магазин, в общественную совхозную баню.

Вторая книга рассказана юношей. В ней описаны школьные годы и время обучения в институте. Жизнь в общезжитии. Но в биографическое повествование уже влетают элементы той, другой книги, которая даёт мне теоретическое право называться писателем. Это можно заметить по названиям глав. «Как становятся «идейными?»», «Обыденность волшебства», «Волшебство обыденности», «Кошмары и радости сельской жизни».

Третья книга уже политизирована. А иначе и не могло быть. «Броуниада» задумывалась как рассказ о «потерянном поколении» одним из его представителей, робко пытающимся пролепетать, что «мы тоже были». Но по мере работы у меня стали появляться сомнения. «А судьи кто?» Кто нас в потерянные определил? Уж не те ли скользкие типы с бегающими глазами, что стояли в стороне, боясь замараться, корчили недвольные рожи и держали фигу в кармане? А когда дорвались до

власти, то наворотили таких дел против своего народа, что злодеяния коммунистов кажутся поступками благородных рыцарей.

Советник президента Ельцина во времена реформ, экономист Джеффри Сакс жаловался позднее: – «Главное, что подвело нас – это колоссальный разрыв между риторикой реформаторов и их реальными действиями. И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства – служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия, а злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

Я использую свою книгу как плацдарм для полемики с теми, кто определяет сегодня идеологическую повестку дня. Я не ретроград. Я готов уважать чужое мнение. И вижу то хорошее, что капитализм принёс России. В любой ситуации существуют две правды. Но историю пишет победитель. Потом проходит время и её переписывают. Для меня существует только один ограничительный критерий: справедливо или несправедливо. И я утверждаю, что Советский Союз был более справедливой страной для большинства людей, чем сегодняшняя Россия или Казахстан.

Через несколько месяцев, если мир окончательно не сойдёт с ума, третья книга увидит свет. И вы, если захотите, конечно, сможете в ней прочесть, почему я пришёл к выводу, что коллективизация явилась благом для сельского хозяйства, что кулак не был крестьянином, что образ того крестьянина, что существовал тогда и которого стремятся возродить, живёт только в воспалённом ненавистью мозге либерала, и хорошо, что его не стало. Я покажу вам людей, которые пришли им на смену, трактористов, каждый из которых заменял 50 крестьян 28 года, и перед их трудолюбием, талантом, мастерством, рабочей совестью я преклонял и преклоняю колени. Ни один немецкий бауэр, ни один немецкий трактор, не работают так интенсивно, как работали наши совхозные мужики на наших тракторах. В книге будет рассказано о том, кто явился виновником голода 33

года и куда делись мёртвые души. Там будет показан пример, как рождаются цифры, которыми сегодня оперируют либералы и националисты. И ещё много чего другого.

Я не лезу в чужой монастырь со своим уставом. Пишу только о том, что видел и ощущал сам или доверяюсь мнению уважаемых мною людей. В основном на сельскохозяйственную тему. Но делаю экскурсии в историю. Безусловно, нашлись бы такие, которые смогли бы написать лучше меня, но для этого нужно, чтобы для них благоприятно сложилось много обстоятельств. Что греха таить, для моих бывших земляков и товарищей по совместной совхозной работе ручка и тастатура компьютера не являются предметом первой необходимости. Их мозолистые руки больше привыкли к рулям тракторов, машин и комбайнов, топорам, вилам, косам и стаканам. Не нам их судить. Довольствуйтесь моими трудами, я рассказываю и за них тоже.

Я знаю цену своим книгам. Они не универсальны, поэтому не могут рассчитывать на всеобщее внимание. Но их с удовольствием читают мои земляки. А для любознательного человека это кладёзь таких конкретных деталей советской сельской действительности, которых он не найдёт ни у кого другого. К тому же они просто интересны. В них жизнь представлена и описана как Чудо.

Писать надо только тогда, когда ты не можешь не писать. Это мой случай. Своими книгами я отдаю долг тем людям и тому строю, которые оболганы ненавидящими их. Я же отдаю зёрна от плевел. И если меня сегодня спросят, зачем я пришёл в этот мир, я честно отвечу: с интересом прожить жизнь, продолжить род и написать «Броуниаду».

Далее последовала дискуссия, которая свелась к тому, что советское сельское хозяйство обрекало людей чуть ли не на голод, а сегодняшнее наполнило полки магазинов, и люди, наконец, наелись от пуза. Только вот чего? Я назвал сегодняшнее изобилие миражом и мифом. Побывав осенью этого же, 2022 года в России, я убедился в своей правоте. «Отсталое»

социалистическое производило продукты, а «высокоразвитое» капиталистическое занимается их имитацией.

Но, не по чину агроному отделения рассуждать о таких высоких материях. Пусть это лучше сделает директор совхоза, кругозор которого шире, или, на худой конец, главный агроном. Так что эта непростая тема будет тщательно рассмотрена в завершающей книге трилогии, а я сейчас перейду к своим тогдашним делам.

Глава 29

НЕНОРМАЛЬНЫЙ 1979 ГОД

С каждым днем солнце все дольше задерживается на небосклоне. Воздух пьянит весенними запахами. Снег набухает и напитывается влагой. Работницы тока отбрасывают его лопатами от стен складов с семенами, прорывая траншеи. Бульдозер чистит асфальтированные площадки, чтобы они скорее могли просохнуть. Но с «железным» складом, где хранились запасы фуража, была большая проблема. Со стороны полей его каждый год запечатывал огромный многометровый слой снега. Во избежание подтопления его необходимо было убрать от стены. Простому бульдозеру, навешанному на трактор ДТ-75 это не под силу, хотя, может, и под силу, если по кусочку отколушивать и отодвигать, но нет столько времени. В совхозе есть отряд из трех мощных бульдозеров ЧТЗ (Челябинский тракторный завод), уже древних, но их умудряются латать и обеспечивать работоспособность. Их берегут для дорожных работ и заготовки щебня, но завтоком каждый день ходит в центральную контору и пугает начальство водой, уже якобы просочившейся в склад. Директор дает добро и отряд прибывает к сугробу. Целый день режут и клацают эти «динозавры», но траншея прорыта и путь талой воде открыт.

Я с каким-то нездоровым любопытством смотрю на эти горы снега и представляю, как ветер гнал бы его прямо на наш дом, не будь на его пути этого самого большого в совхозе сооружения. Когда-то, в своей первой жизни, он был ангаром. Его купили, разобрали, перевезли за тысячу километров и снова смонтировали на новый фундамент. Легендарный «железный» склад из толстой гофрированной жести. Он и сейчас в строю.

Мне дают команду приступить к протравке семян. Пшеницу будут травить на площадках, когда ту вывезут для воздушно-теплого обогрева (*ты смотри, помню еще этот термин*), а вот ячмень рекомендовано обрабатывать заблаговре-

менно в складе. Он более восприимчив к болезням, поэтому его травят таким жестким препаратом, как **гранозан**. Если не вдаваться в подробности, то это дуст, усиленный ртутью, порошок фиолетового цвета с резким «ядовитым» запахом. Сегодня он запрещен для применения, как и сам дуст, который дважды засветился в Нобелевском комитете. Первую награду получили его создатели, вторую те, кто его заклеил. (*«А я слышал, что советские модницы красили гранозаном волосы». С наших красоток станется. Голь на выдумку хитра. Тогда дуст считали панацеей от многих бед.*)

Всю свою последующую профессиональную агрономическую жизнь я потратил на то, чтобы игнорировать этот обязательный прием агротехники. Шел на любой обман, только чтобы не травить людей. Я с детства запомнил запах гранозана, которым пахла одежда матери, когда она весной приходила с работы. Но в тот год я был бессилён что либо сделать. (*А почему этот автор не говорит о том, что его мать еще жива и благополучно вступила в 90-й год своей жизни?*)

Запахи, запахи! Сколько их было в моей жизни. Я, порой, могу по нему определить сорт вина, даже не пригубивая.

Протравщицы получали респираторы и новые халаты, которые одевали поверх фуфаяк. Приходя в весовую погреться, они снимали их на улице, и как-то виновато, бочком, садились за стол попить чаю.

Поля оживали. Под воздействием солнца в почве происходили биохимические процессы, начинали прорастать семена сорняков и падалицы, влага из нижних слоев по трещинам и капиллярам устремлялась вверх и испарялась. Марево из водяного пара колыхалось над землей, придавая степному пейзажу какой-то фантастический вид. Для целинного земледелия влага – основной компонент, определяющий величину урожая. Ее надо было «держать». Этот агроприем заключался в том, что черные паровые поля, целый год отдыхавшие и четыре раза за это время обрабатываемые, заборанивались сцепами зубчатых

борон, которые разрушали пути выхода влаги на поверхность. И марево уменьшалось, а то и вовсе исчезало.

Сложнее было с зябью.

– Тебе надо немного осмотрительнее обходиться с терминами. Не все твои читатели понимают правильное их значение, если вообще понимают, о чем идет речь, – неожиданно прерывает мой рассказ Мир. – Не торопись, останавливайся, разъясняй. Тебе что, бумаги жалко? Кто осилил две твои книги, тот и третью осилит. А кто по диагонали листал, тот и эти страницы проскочит.

Старик, как обычно, прав. Ну, слушайте. Посевы зерновых культур подразделяются на озимые и яровые. Озимые сеют осенью и убирают летом следующего года. Но в Северном Казахстане очень жесткие климатические условия, и озимыми культурами в те годы практически никто не занимался, поскольку они вымерзли. Говорят, что климат в последние годы изменился, и такой вариант тоже стал возможен в некоторых местах, но я оставляю его. В те мои агрономические годы практически все зерновые возделывались как яровые культуры, то есть сеялись весной и убирались осенью.

Вот зашли на поле комбайны с жатками, свалили хлеб (пшеница, ячмень, овес, горох) в валки, и через неделю, после такого принудительного приема, зерна в колосе или стрючке приобретали полную спелость, вытянув напоследок оставшиеся питательные вещества из стебля. За неделю можно много свалить, что и происходило в действительности, а потом комбайны переоборудовались, снимали жатки (но не все, часть оставалась на свале) и цепляли подборщики, которые эти самые подсохшие валки обмолачивали, отправляя в узкий проход между бешено вращающимся барабаном и прилегающему к нему подбарбанью. Комбайн сложная машина, и, чтобы упростить рассказ, скажу, что вымолоченные зерна ссыпались в бункер, а солома (стебли) и солома (колосья) протряхивались на соломотрясе и

поступали в копнитель, который по мере наполнения сбрасывал копну, но не как попало, а чтобы образовывался правильный ряд, который облегчал работу тракторам, сволакивающим копна в скирды.

Итак, поле убрано, солома в скирдах, настало время пахоты. В Северном Казахстане со времен пыльных бурь начала 60-х, была повсеместно принята безотвальная система обработки почвы, которая предполагала использование культиваторов, плоскорезов и глубокорыхлителей (по обстоятельствам), но с одной целью – сохранить на поверхности поля стерню, то есть жнивье, если уж уходить в понятиях в глубь старины. Эта стерня, или жнивье, как вам лучше для понимания, должна была в зимний период препятствовать разрушению почвы вследствие диких казахстанских ветров, благодаря корневой системе и задерживать снег, на котором потом можно было работать снегопахами.

Отвальная вспашка была запрещена, и фанатичные голывы запретили бы плуг вообще и порезали его на металлолом, если бы не один сдерживающий момент. Периодически приходилось перепахивать культурные многолетние травы, а сделать это без плуга было невозможно. Казахстанцы производили не только зерно, но мясо и молоко, и посевы как злаковых, так и бобовых многолетних трав были обязательны для каждого совхоза и колхоза.

Зябрь – это когда поля обрабатывают с осени, подготавливая их к весеннему посеву яровых культур. Вы правильно догадались, что оно производное от слова «зябнуть». Почва в результате обработки раздирается, ей больно, и она зимой будет страдать от мороза, зябнуть. Но это человек в своих корыстных целях заставляет землю мучиться, в живой же природе все органично и в ней не бывает пыльных бурь. Вершина творения природы в Северном Казахстане, ее естественное состояние – ковыльная степь. Злаковые травы сильнее бобовых.

Но не всегда удается за осень вспахать всю зябрь. Причин этому много. Как организационно-технических, так и климатических. Под Богом ходим. Да что там зябрь? Порой и хлеб под снег уходил. Не часто, но и такое случалось.

Невспаханное поле определялось как «стерня». Весной и на зяби и на стерне тоже надо было провести закрытие влаги. Для этого использовались дисковые лушпильники. Они срезали верхний слой почвы, сдвигали и переворачивали его, образуя что-то наподобие мульчи, состоящей из земли, растительных остатков, семян сорняков и падалицы. В идеале все это еще прикатывалось кольчатыми катками. Мульча держала влагу, а семена сорняков и падалицы под благодатным весенним солнцем прорастали и затем уничтожались во время предпосевной обработки почвы.

Влагу начинали держать с момента, когда можно было с орудиями обработки заехать в поле. Земля должна была быть рыхлой и не прилипать к дискам. Обычно этот период начинался в самых первых числах мая и заканчивался рядом с днем Победы. Да, шли на демонстрацию и митинг, а потом, как те защитники Москвы, уходили на передовую. Сложнее было 9 мая, и я об этом расскажу позднее, в другой книге.

Но, все-таки, вернемся в весну 1979 года и посмотрим, где на этом празднике жизни находился агроном первого отделения?

Да везде, скажу я вам прямо. Я везде находился, и, единственное, что меня мучило, это то, что я не мог находиться везде одновременно.

Закрытие влаги несложный прием. Тракторист зацепил лушпильник и тягает его целую неделю, переезжая с поля на поле. Полей много, соответственно и тракторов необходимо иметь в достаточном количестве. Ночью не работали, использовали только световой день. После захода солнца земля отсыревала и липла на диски.

С бригадной машиной-хозяйкой приезжал на полевой стан или прямо на поле, к агрегатам. Там с мужиками и оставался. Жег остатки соломы, порой их было много, если уборка кончалась из-за непогоды сумбурно и копны не успевали осенью убрать. Жгли и скирды. Соломы в зерновых хозяйствах в нормальный год обычно избыток. Часть оставалась в поле, непотребная для кормления и подстилки. Иногда совхозное начальство решало, что надо подстраховаться и сохранить прошлогоднюю солому на случай возможного неурожая. Тогда их не трогали и объезжали при посеве кругом. Но обычно сжигали,

растаскивая потом остатки по полю и опять поджигая. Для агронома и бригадира солома весной на поле как бельмо на глазу. Их идеал – ровная поверхность, чтобы сеялка при посеве не забивалась.

Скирду подпалишь, она возмется огнем, и тут писк начинается. Мыши врассыпную несутся. Я такую закономерность заметил, хотя вряд ли смогу ее доказать. Вы ведь скирды не жгли и выводов вам не из чего делать. Чем больше под скирдой мышей, тем урожайнее будет год. Мыши это чувствуют и популяцию свою увеличивают в надежде на сытное существование. Так вот, в весну 1979 года их количество под скирдами просто зашкаливало. И не зря. В этот год Казахстан получил самый большой урожай за все 25 лет освоения целины. Было произведено 34,5 млн. тонн зерна и сдано государству свыше 20 млн. тонн, или **1 миллиард 262 миллиона пудов**.

Для меня, как и для всех тружеников той поры, «миллиард» – цифра сакральная. Она означала, что такое количество хлеба было отправлено в закрома государства. А остальное осталось в хозяйствах в виде фуража и семян. А как трактуют миллиард сегодняшние казахстанские чиновники от сельского хозяйства? А очень произвольно, настолько произвольно, что складывается впечатление, что они не имеют представления, о чем говорят.

«Миллиард» для них – это валовый сбор зерна. Печально, но современное капиталистическое сельское хозяйство Казахстана так и не смогло выйти на показатели социалистических лет. **И мало кто думает о том, каких высот оно достигло бы за 30 лет планомерного развития.**

1979 год оказался не только самым урожайным годом целины, но и самым коварным, заложившим замедленную мину, которая начала приводиться в действие несколько лет спустя. Я был непосредственным свидетелем и участником ее закладки в совхозе «Аканский», но понимать это стал много позднее.

На первый взгляд все выглядело превосходно. Урожайность зерновых культур по совхозу составила 15,0 ц/га, по району 14,6, по области 14,9. Уже один этот факт заставил бы меня сегодня насторожиться, но тогда мои «агрономические» мозги

только-только начинали формироваться. Начиная с 1961 года, а именно с этого времени я располагаю данными по урожайности района, поскольку он в то время и образовался, урожайность в нем всегда была выше среднеобластной. И после тоже. Но вот именно в этот год случился непонятный прогиб. Что касается «Аканского» совхоза, то он не был каким-то изгоем, и его урожайность зачастую превышала общерайонную, что положительно характеризует нашего шефа Анатолия Андреевича Дундука, если бы не эта гадина Константиновка под боком.

Год с агрономической точки зрения гнусно начался и гнусно закончился, несмотря на приличный урожай. Выехали в поле даже раньше, чем обычно, но скоро работы по закрытию влаги пришлось остановить. В этом не было нужды. Влага сама лилась с небес в виде дождя и снега, и делать на поле агрегатам было нечего. Казалось бы, чего вам еще надо, но нам надо было заделать семена сорняков и падалицы и дожидаться их прорастания, чтобы уничтожить. Температура до середины мая держалась на нулевом уровне, дожди перемежались снегом, и даже те сорняки, что были заделаны в землю во время вспашки зяби, прорасти не собирались и ждали солнца. Солнца не было.

Вывезенные из складов на площадки семена мокли в буртах. Подошло 15 мая, день начала сева пшеницы в нашей лесостепной зоне. Никаких шансов. Тревожное ожидание продолжалось до 20. Иногда по ночам мне снится страшный сон. Всю весну идут дожди и сеять невозможно. Люди стоят на краю поля и с надеждой смотрят на небо. Тщетно. Наконец солнце просушивает землю, но трагедия уже случилась. Сроки упущены, хлеб не успеет теперь созреть и уйдет под снег. Это в моей подкорке прокручивается тот год.

К счастью трагедии не произошло, но драма случилась нешуточная. Сорняки, особенно овсюг, так и не проросли и теперь во время предпосевной обработки и посева перемещались в верхнем слое почвы, получая идеальные условия для своего роста. Они всходили скорее, чем семена пшеницы, заделываемые глубже и через десять дней поле, в зависимости от степени засоренности, напоминало зеленый ковер, сквозь который с трудом можно было различить ровные строчки посева. Так они потом и росли вместе, пшеница и овсюг, а поскольку

тот созревает быстрее, то часть спелых зерен падала на землю еще до скашивания поля в валки, часть выбивалась мотовилом жатки и тоже ложилась на землю, ну а третья часть обмолачивалась и поступала с зерном на ток, пугая людей своим черным цветом.

Овсяг был настолько коварным противником, что я посвящу ему отдельную главу. Ему и моей отчаянной борьбе с ним уже в качестве главного агронома совхоза «Новосветловский», которая произошла через два года после описываемых сейчас событий.

Я еще раз подчеркну, что агроном отделения лицо самостоятельное. Он должен выполнять указания главного агронома, даже если они высказаны не лично, а прописаны в принятой в хозяйстве технологии возделывания культур. Но если ответственность за исполнение тех или иных операций можно разделить с бригадирами тракторно-полеводческих бригад, то за соблюдение норм посева я отвечал конкретно.

Сколько тревог, сколько волнений пришлось испытать в ту весну.

Это незнающий человек едет по дороге и умиляется: «Ах, какое все зеленое вокруг!». А за этой зеленью много чего скрывается. Культуры, сорта, репродукции, нормы высева. Беда, если неправильно отрегулированы высевающие аппараты сеялок. На поле обычно четыре сцера работают, чтобы быстрее посеять и получить равномерные всходы. И высевать семена они должны одинаково. Для этого каждый уважающий себя агроном должен иметь деревянные шаблоны, по которым регулируются сеялки. Откуда они берутся? Самому надо сделать, посидев неделю возле сеялок с весами, брезентом и мешочками с различными семенами. Расчеты произвести. Шаблон агронома – это показатель его компетентности. Сам везде не успеешь, а вот по рации можно дать указание, чтобы на таком то поле ориентировались на «две спички», или «полторы», или «две с половиной». И стучат молотками трактористы, подгоняя высевающий аппарат под указанную ширину.

Сев, на мой взгляд, сложнее уборки. Он требует большей точности, большей концентрации внимания от тракториста. Вильнул трактор, вот тебе и огрех. Забился по какой либо причине сошник, вот тебе и пустая строчка. Порвалась цепь привода высевающего аппарата, вот тебе и просев на всю ширину сеялки. Это раньше были сеяльщики, потому что заправлялись сеялки семенами из мешков или ведрами из телег, а теперь машины со шнеком и никаких сеяльчиков, разве что какой дурной агроном, возникший как черт из табакерки посреди поля, заскочит на подножку сцепы и начнет крышки сеялок открывать, проверять, значит, все ли в порядке.

В первые годы целины сеяли круглосуточно. Но когда сеяльчиков убрали, то старались управиться за световой день. Тракторист не железный, а он должен не только за сеялками, но и за маркером следить. Люди были замечательные. Я не устану этого повторять. Опытный тракторист тоже делал заметки на высевающем аппарате, и агроном по этим зарубкам прошлых лет мог ориентироваться в точности своих расчетов. К концу посевной семян на току не должно было оставаться. Тем более протравленных. Куда их потом девать? Лучше всего был результат, когда все сходилось тютельница в тютельница. Но существовала и народная мудрость: лучше пересев, чем недосев.

Отсеялись в тот год поздно. Только на полях, предназначенных для размещения ячменя удалось спровоцировать рост сорняков и падалицы и побороться с ними. Но ячменя тогда сеяли немного, где-то 15% от общей площади зерновых, да и то, в последних полях севооборота, которые были уже истощены и в сильной степени заражены сорняками. Короче, поля действительно были «зелеными», но только эта зелень совсем не радовала. Оставалось лишь уповать на такое слабое утешение, что могло быть и хуже.

Не только весна, но и лето оказалось дождливым. Бывают ведь, и такие годы. Они, кстати, самые опасные. Влаги хватало всем. Овсяг рос рядом с пшеницей и никто не собирался уступать друг другу. На паровых полях, наиболее

чистых, пшеница чувствовала себя вообще превосходно. Она «нежилась» в самых благоприятных условиях и не торопилась переходить от одной стадии своего развития в другую. Поля имели не просто зеленый, но изумрудный цвет.

Как-то обыденно подошли новые заботы. Необходимо было провести первую обработку паров, затем, в июне начался сенокос. Пока зерновые не вышли «в трубку», нужно было успеть провести химическую прополку посевов. Основная масса полей обрабатывалась с помощью самолета, но ему помогали и наземные опрыскиватели, которые транспортировались колесными тракторами и обрабатывали в первую очередь участки приближенные к лесу. Да, среди благородной зелени вдруг стали образовываться темные куртины осота и других, многолетних корневищных сорняков, которые, если с ними не бороться, полностью угнетали культурные растения.

Они не появлялись откуда-то из воздуха, они там жили, в земле, и их можно было только подавить с помощью аминной соли 2,4 Д, специального гербицида, но совершенно уничтожить было нельзя, даже в парах, с их четырехкратной механической обработкой.

Самолетом занимался Валера Штабченко. Он как раз закончил ремонт мотоцикла «Урал», доставшегося ему от отца и рано-рано поутру, когда еще спали даже самые прилежные хозяйки, ехал в пятую полеводческую бригаду, возле которой располагался аэродром. Химпрополка – это неотъемлемая часть агрономической работы, которая после двух-трех недель недосыпания обычно заканчивалась штрафом в размере месячного оклада, который накладывало лесничество за обожженную листву деревьев. Это отдельная тема, и о ее драматизме я расскажу лучше в следующей книге на примере моей работы в Новосветловском совхозе.

Работа в полях не прекращалась ни на один день, разве что дождь мог ее прервать. После сенокоса, а зачастую и параллельно с ним, начиналась заготовка сенажа, потом косовица кукурузы на силос. Про пары я молчу, это было бесконечное занятие. Когда трактора заканчивали очередную обработку последнего поля, первое зеленело вновь пробившимися сорняками. В постоянной суматохе незаметно подошло время уборки зерновых. Время подошло, а косить было нечего. Зерно не

набрало еще молочно-восковой спелости. А посевы по парам вообще не собирались зреть. Пшеница стояла по грудь высотой и радовала зевак своей зеленью. Начали скашивать в валки почти на десять дней позднее обычных сроков.

Глава 30

«ДРАМА НА МОРЕ»

Перед началом уборки все участвующие в ней люди стараются как-то подтянуть свои дела, потому что потом будет некогда. Рассчитывал так же сделать и я, но со мной случилась незадача: от меня сбежала жена.

– Что-то давненько ее не было, – смеется Мир, – я уже и подзабывать стал. Довел человека, значит?

– Вроде ничего не предвещало, хотя, черт его знает, общались то мы друг с другом, мягко говоря, не очень интенсивно. Я поздно с работы возвращался, уже по темноте. Разве только стал замечать, что глаза у нее стали чаще белеть. Она подговорила соседскую девчонку Мельникову, дочку того самого ветсанитара, о котором я уже писал, и они, забрав Диму и Марину, исчезли в неизвестном направлении. У сумашедших очень развитая фантазия и сила убеждения.

– И ты что, тут же объявил беглецов во всесоюзный розыск и с нетерпением стал ждать результатов?

– Нет, Мир, мне хватило ума воздержаться от этого шага. Я, вдруг, совершенно отчетливо понял, что если я это сейчас сделаю, то потом всю жизнь мне придется за ней гоняться. Было еще лето, август, не замерзнут, побегают и вернуться. Как мать она была ответственный человек по уходу за детьми, надо отдать ей должное. Хотя, какая уж тут ответственность, выпучить глаза и лететь сломя голову с двумя детьми, старшему из которых два года, а младшей всего лишь несколько месяцев.

Я перевез наше хозяйство в обличье коровы, бычка, двух подсвинков, курей и пары никак не желающих меня обогатить кроликов в сарай к родителям, и понял, наконец, какого счастья я лишился. Нет, понятие счастья не относилось к беглым, оно означало ту свободу и то тепло, которые я потерял, занявшись не по возрасту рано женихачеством.

Отец отдал в моё пользование свой старый «ИЖ» с коляской, и я ездил на нем по своим агрономическим делам, прихватывая в конце дня с полей то свёклу, то траву, то сенаж, то стебли кукурузы. Их хозяйство удвоилось и требовало больше корма. Не надо так на меня смотреть, будто я страну

разорил. Если сегодня утверждают, что держать скот невыгодно, то этим в первую очередь выражают мысль, что исчез огромный кормовой потенциал, который поддерживал личные хозяйства. Совхозы и колхозы исчезли. А с сегодняшнего фермера много не возьмешь, он, в горячах, и пристрелить может.

Ведь то, что тогда выращивалось на домашних подворьях, в большей части сдавалось в совхоз, по крайней мере бычки шли на откорм, и после него на мясокомбинат и в план сдачи мяса государству. А свиньи те вообще, напрямую на мясокомбинат и в план сдачи мяса. Это были сообщающиеся сосуды, и моя мысль, которую я всегда в дальнейшей работе акцентировал, звучала так, что надо производить столько корма и фуража, чтобы на всех хватало. Но, не наглеть. Если скотник ехал с базы, подложив под зад клок сена, то и агроном мог ехать с поля, накидав в люльку какого-то корма.

Основной неприятностью нового положения было то, что мне казалось, будто люди шепчутся за спиной, вот, мол, идет мужик от которого жена с детьми убежала. От хороших мужей жены не бегают. (*Бегают, еще как.*) Я очень болезненно реагировал на взгляды в мою сторону, подозревая в них насмешки, которых на самом деле не было. Большинство людей знало меня и не собиралось вечно обсасывать эту новость, каждому хватало своих забот. А с теми, кому она успела запудрить мозги, я старался не общаться. Мать и отец жалели меня и на эту тему мы дома не говорили.

– Мир, мне неприятно все это вспоминать. Эта женщина вызывает во мне негативные эмоции. Как правильно поступить? Если я не упомяну об этом случае, тот кто знал о нем, скажет, ага, трусил писака. А я не трус, у меня просто терпение на исходе. Да и нет единой правды, нигде и никогда, и не стоит тратить время на поиск истины. Её тоже нет. Я ведь вызываю в ней точно такие же эмоции, как и она у меня.

– Ну, раз уж ты попросил у меня совета, то я войду в твое положение и дам его тебе. Ты приближаешься к финалу первой половины книги «В зоне рискованного земледелия», поэтому можешь в последних главах пренебречь описанием своей незадачливой семейной жизни и упоминать о ней вскользь. Основная мысль читателями уже схвачена, ничего нового они не почерпнут. Вот, что пишет твой любимый Дмитрий Бы-

ков про Ленина: «Никаких помыслов ни о чем, кроме главного – взойдя как-то на одну из швейцарских гор, стоя среди товарищей, пораженных открывшимся видом, произнес с досадой: «Эх, и гадят же нам меньшевики!»». Твоих читателей не интересуют подробности, для них главное развитие сюжета. Расскажи, чем закончилась эта история и можешь считать себя до конца книги свободным от этой темы.

Стали приходиться сигналы о местоположении беглых особ. Осели они в каком-то совхозе в соседнем Чистопольском районе. Я не реагировал, хотя настроение моё было совсем не радужным. Сигналы стали настойчивее. Надо было что-то предпринимать. Было это уже к концу уборки. Встретился с Витей Сайбелем, попросил его помочь. У его отца были «Жигули». Мы сели и поехали в то место, что было указано в сообщениях. Сотня километров. Спросили местных, те показали. Зашел в дом. Какая-то развалюха. Осенняя холодина. Димка ползает по полу, Маринка ревет в кроватке. Все ревут.

– Собирайтесь!

– Я оформлена на работу.

Пошел в контору. Уж не знаю, что она там наговорила, но смотрели на меня как на исчадие ада. Забрал трудовую. Уехали. Стали опять жить вместе, хотя это слово не совсем уместно в данном случае.

Это для тех женщин, которые захотят поговорить на эту тему

Заведующий током Горбань Владимир Иосифович вышел на пенсию, и на его место была назначена Тоня Ткаченко, молодая женщина, но постарше меня. В совхозе существовала практика доверять эту работу семейной паре, чтобы муж с женой могли подменять друг друга. Так я познакомился еще и с ее мужем Васей, работавшим до этого шофером и мучившимся застарелым геммороем. Тоня официально считалась заведующей, и не только токовым хозяйством, но и отделенческим материальным складом, поскольку была «грамотной», а Вася числился рабочим.

И вот, мы с Тоней, два новичка, стали вести ток. Я как агроном, а она, как лицо материально ответственное. Но, поскольку я успел за зиму протереть штаны на весовой и пролистать подшивку «Огонька», то она считала меня более опытным хозяйственником. Она была замечательным человеком, Тоня, добрым, отзывчивым, и очень дисциплинированным. Меня почитала за своего непосредственного начальника и никогда не шла против моих указаний, что и сыграло однажды с нами плохую шутку. Потерпите еще чуть чуть и я поведаю вам эту неприятную историю.

Несмотря на внушительное количество разгаданных в «Огоньке» кроссвордов, период моей работы в совхозе трудно назвать безоблачным. Я периодически совершал ошибки, правда, всегда новые, поскольку умел на них учиться. В некоторых делах растениеводства агроном должен работать на опережение, или четко следовать указаниям, расписанным в технологической карте. Да и просто указаниям и пожеланиям вышестоящего начальства. Там ведь дураки редко сидят, в основном люди толковые и опытные, и не их вина, что тебе что-то по неразумению не нравится.

Я умудрился пропустить лет бабочек на посадках капусты и они успели отложить яйца, из которых потом вывелись прожорливые гусеницы. Нет, они не съели всю капусту, но было мало потом удовольствия хозяйкам перебирать каждый листок перед засолкой. На следующий год я все предусмотрел и обработал ядохимикатом вовремя, да только не учел, что пчелы с совхозной пасеки, располагавшейся возле Горелой сопки, летят на посевы донника как раз через посадки капусты. Не спалось им, видите ли. Надо было предупредить пасечника, чтобы он

улья закрыл в это утро. Половина пчел погибла. Ох, эти пасечники! Как что случается, гибнут исключительно совхозные пчелы. А их собственных, которые тут же в ульях живут, никакой черт не берет.

Ну и так далее. Почему меня не выгнали? Наверное потому, что наряду с ошибками, я умудрялся показывать и положительные примеры. Не знаю, как кому из наших ребят по курсу, но мне пришлось заново учиться, особенно такому предмету, как «сельскохозяйственная техника». Агроном не обязан знать досконально ее устройство, это прерогатива инженера, но он должен уметь ее регулировать в поле в соответствии со своими желаниями.

Я вам сразу скажу, что я книжный червь. Все знания мои первоначально были книжными. И те, которые я упустил в институте из за чрезмерной загруженности общественной работой, тоже пришлось восполнять книжной наукой. Не оказалось в моей практике человека, который посвятил бы меня в таинства машин.

Вы скажете, а отец твой, известный всем Михаил Васильевич, которого сведущие люди называли за глаза «профессором»? Он что, тебя ничему не научил? И гены свои не передал?

Отец гены свои мне не передал, а оставил своим внукам Димке и Пашке. Вот бы они умилялись, глядя друг на друга, будь бы дед еще жив. А я для него был изгоем, на которого не стоило тратить время. Не в коня корм.

С каждой сельхозмашиной шла с завода в комплекте книжка, в которой, если разобраться, было написано все. Я не лез в регулировки сенажного или силосного комбайна, оставляя это «удовольствие» трактористу и инженеру. Меня интересовала в этом плане разве только высота среза, но регулировки плуга, культиватора, плоскореза, луцильника, опрыскивателя, сеялки и комбайна я обязан был знать и применять. Особенно комбайна.

В один из дней я взял в руки «комбайновскую» книжку, подошел к комбайну, стоящему еще на полевым стане, и попросил комбайнера выполнять все, что я ему сейчас буду говорить. Сам наблюдал, какие изменения в положении частей комбайна происходят. В принципе повторилась история с моим обу-

чением стрельбе из гаубицы на занятиях по военному делу. Я понял смысл всех этих действий и комбайн предстал передо мной, как нечто единое и целое.

Ох, и страшная же машина, этот комбайн, скажу я вам. Приехал как-то в гости к одному нашему мужику родственник, летчик. Ну и напросился взять его на поле, а там как раз уборка шла, и мужик тот был комбайнером. Когда летчик своими глазами увидел это чудовище, которое только что не изрыгало огонь, громыхая всеми частями и качаясь, а от вращения в разные стороны цепей и ремней кружилась голова, то уважительно спросил, сколько лет надо, чтобы выучиться на комбайнера? Пять лет, ответили ему. Да, сказал летчик, понимаю, самолетом управлять проще.

Не надо сводить все к анекдоту. Для того, чтобы стать настоящим комбайнером, асом своего дела, мало было и пяти лет. Причем при одном обязательном условии, что руки у человека действительно золотые и свой новый комбайн он сам **перебрал** до винтиков. И герметизацию делали сами, из старых лент. Это я вам в упрек, господа городские инженеры, интеллектуалы и поборники теории застоя, что сегодня обвиняют их, моих героев, в неумении работать. Легко кивать на государство, а сами вы что сделали, чтобы дело поправить? Они – делали!

Мне Коханный рассказывал, что в пору его секретарства в Красноармейском районе принимали они высокого гостя, какого-то руководителя крупного научно-исследовательского института союзного масштаба. Решили показать ему, как идет уборка. Заехали на поле, где шла косовица хлебов, и остановились возле неподвижного комбайна. Комбайнер менял сегмент косы, ну, тот, треугольный, с зубринками, вы все его видели, кто в селе жил. Там сталь хорошая.

Высокий гость посмотрел, как комбайнер клепает, и начал свою ученость проявлять. Мол, если бы его институту поручили, они бы вместо косы изобрели бы такую нить вибрирующую, от прикосновения которой к стеблям, те бы скошенные наповал, падали бы на полотно жатки или сразу же шли на обмолот, если уборка проводилась напрямую.

Вот, голова, думали люди, слушая большого ученого. Жаль, что у него руки до нас, сырых, не доходят, космос осваи-

вать надо, ракеты против врага делать. А то бы были мы в шоколаде.

Сколько лет прошло, а ни разу не встретил сообщения о том, чтобы какая-то страна применила в своих комбайнах метод вибрирующей нити. Как косили косой, пусть и усовершенствованной, так и косят. Переклепают, заменят, и дальше. Может я чего нового и не знаю, поправьте меня. Буду рад. А отношение к сельскому хозяйству, как к чему-то вторичному, не приемлю, и буду ставить зарвавшихся людей на место, будь то Аганбегиан и даже сам Ремчуков. Занимайтесь своим делом, и не лезьте в ту область, в которой вы ни уха ни рыла.

Разница между асами комбайновой уборки и обычными комбайнерами пятикратная. И в площади скошенных и обмолоченных культур, и, в оплате, естественно. Когда кто-то говорит мне, что мы, мол, знаем, как ордена в Союзе давались, я всегда отвечаю, а вы попробуйте! Только не забудьте трусы менять от напряжения. Ордена в сельском хозяйстве получали в самой большой мере достойные. Были случаи политического, идеологического и националистического благоприятствования, но и в их основе лежал действительно самоотверженный производительный труд, достойный всяческого уважения.

Основной ударной силой уборки был отряд комбайнов в количестве 12 единиц, который обслуживали шесть машин «ГАЗ-53», с нашитыми бортами, способными принимать три бункера от комбайна СК-5 «Нивы». Отцом-основателем этой структуры, безусловно, был главный инженер совхоза Артур Адамович Кин, человек незаурядных организаторских способностей, позволивших ему в дальнейшем стать одним из самых амбициозных директоров Кокчетавской области.

В отряд были отобраны лучшие комбайнеры совхоза, в том числе и мой отец. У каждого из них был помощник, впрочем, эта практика сложилась уже давно и помощник мог быть у любого комбайнера, если тот этого желал. И я был помощником у отца, еще учась в школе, и брат мой Саша был. Попасть в помощники к опытному асу было мечтой каждого желающего принять участие в уборке с целью поправить своё материальное положение. В уборку можно было **заработать**.

Применялись различные приемы оплаты труда, сменявшие одна другую. Экономисты рвали рубахи на груди и до-

казывали, что именно их система позволит мобилизовать все низменные качества натуры человека, склонного к наживе. И он рванет!!! Но вмешивалась погода и ставила все на свои места. В тот год, когда отец, единственно только наживы ради, оформил меня своим помощником, практиковалась двойная оплата труда в течение первых 10 дней уборки, полуторная в течение последующих 10, ну, а дальше обычная. Это, чтобы мы рвали!

Из первой недели только два дня оказались рабочими. Потом пошел дождь. На поле было нечего делать, возились возле комбайнов. В те два «светлых» дня я, любящий считать, прикинул, что мы вдвоем «заработали» более 150 рублей. Потом перестал, погода просто издевалась над нами. В другой год, помню, считали уже не по дням, а по нормам. Выполнил норму, молодец. Получи простую оплату. Выполнил полторы, ах, какой орол, получи полуторную за весь объем, выполнил две, получи двойную. Нет, на уборке можно было заработать, если по благу или дружбе попасть помощником к опытному комбайнеру.

Изучив по книге приёмы регулирования зерноуборочного комбайна, я стал применять свои знания на практике. Пристроил себе грузовой автомобиль ЗИЛ-130 с водителем-солдатом и с утра до полуночи носился на нем по полям. Это вызвало недовольство у некоторых людей и они пожаловались парторгу.

Анатолий Дмитриевич Павлухин встретил меня в поле возле комбайнов и потребовал, чтобы я прекратил занимать машину и оставил ее для перевозки зерна. На что я ему ответил, что машина эта не просто так со мной, а является моим передвижным командным пунктом и, одновременно, резервом. Я не врал. У меня появилась страсть руководить ходом уборки. Кроме отряда были ведь и другие комбайны. На поле работало с десяток комбайнов, иногда больше. Это была саморегулирующаяся система, я имею в виду обмолот и отгрузку зерна в машины. Основное зерно с полей поступает на тока к вечеру, достигая своего пика к 21 часу. В этом нет ничего удивительного. С утра идет заправка горючим, замена сломавшихся за ночь частей, смазка. Да утром и не разгонишься, валки еще сырые от ночной росы, надо им под ветром и солнцем просохнуть, тогда можно и скорость комбайна увеличить.

Разгон начинается после обеда и длится до 10-11 часов вечера. В темноте и нужен командующий. Я выбирал позицию, с которой мне было видно все поле и внимательно следил.

Вот комбайн набрал полный бункер, остановился и замигал фарами. Наблюдаю. Скрытая до этого в темноте машина моргнула ему в ответ светом и поехала навстречу. Порядок. Другой комбайн остановился, съехал с валка и замигал. Это не ко мне, это он мастеру-наладчику салютует, что отработал, пожалуй, на сегодня. Вижу двинувшийся ему навстречу слабенький огонек трактора с тележкой. Но вот стал еще один комбайн, стал второй, оба мигают. Где машины? Нет машин, возможно случился затор на току. И тогда я даю команду своему воину: «Вперед!».

Забираем два бункера, возвращаемся на позицию. По дороге светят фары, это движутся к полю пустые машины.

Если все на поле было в порядке и машин хватало, я занимался своей непосредственной работой – контролем. Для этого я возил на своем «командном пункте» большой прорезиненный полог, который расстилал и загонял на него комбайн. Это был иезуитский способ, потому что он показывал не только потери зерна в соломе и полове, но и вообще всю герметизацию комбайна. Надеюсь ни у кого не возникло сомнения в том, что первой машиной, который я на него загнал, был комбайн моего отца, когда отряд работал на «моих» полях.

Это ему не сильно понравилось, у каждого мастера есть страх оконфузиться, тем более, устроил я этот процесс сразу после ужина, когда помощники поехали молотить, а сами комбайнеры собрались посмотреть, чего это там задумал этот беспокойный агроном.

Комбайн заехал на полог и остановился. Все органы машины работали вхолостую, он качался на колесах, но это было качание укрощенного чудовища, которое почти не производило шума, краснея в лучах заходящего солнца. Меня охватила гордость за отца. Это надо же так тщательно отрегулировать механизм!

Я набрал из валка охапку стеблей пшеницы и порциями стал кидать на подборщик. Наклонная камера жадно принимала их в свою пасть и передавала в зазор между бещено вращающимся барабаном и подбарабаньем. Там зерно выбивалось из

колоса и шло на решета. Гудел вентилятор. Стебли и солова шли на соломотряс, конструкция предусматривала и вторичную очистку зерна. Короче, в конце всего процесса зерно оказывалось в бункере, а солова и солома в копнителе.

Идеальный вариант заключался в том, чтобы, простите за выражение, все было идеально. При обмолоте пшеницы, кстати, его можно было достичь скорее, чем на других культурах, том же овсе или ячмене, которых комбайнеры не любили. Один колосился своими остями, другой был легким.

Испытание закончилось, комбайн съехал и все любопытствующие придвинулись к пологу.

Смотреть было нечего, он был пуст. На поверхности лежало несколько обломков зерен, и все. Раздались одобрительные и, немного завистливые, возгласы. Подошел отец, с некоторой, как мне показалось, опаской, но, увидев картину сразу обрел былую уверенность.

– Ну, что, агрономия, проверил?

– Еще нет.

Оставалась рутина. Я выдернул из копнителя несколько соломин с остатками колосьев, потер их в ладонях, и сдул солову. Одно захудалое зернышко из самой верхушки колоса осталось на них лежать. Это допустимо. Сунул ладонь в солову, достал, подул несколько раз, тоже осталось недоразвитое зернышко. Нормально. Оставался еще один объект проверки и я полез на комбайн, чтобы заглянуть в бункер. Там могло ожидать два сюрприза. Если зазор между барабаном и подбарабаньем слишком узкий, то зерно будет дробиться. На току оно уйдет в отходы, что снизит процент товарного зерна, а если речь идет о семенах, это вообще недопустимо, поскольку и в нормальных зернах может повредить зародыш. Второй сюрприз был более распространенным. Если уменьшить обороты вентилятора, то в бункер пойдет вместе с зерном солова и необмолоченные части колоса. Он будет, естественно, заполняться быстрее, но настоящего веса у него не будет. Может полететь элеватор вторичной очистки, если вовремя не заметить, то как раз такой сюрприз и получишь. Но бункер отца был полон чистого полновесного зерна. Его комбайну было более 10 лет. Он, в принципе, за эти годы собрал его не раз своими руками из запасных частей, но это была «ручная» сборка, не заводская.

– Вы можете продолжать работу, у меня к вам претензий нет, сказал я, подразумевая весь экипаж боевой машины, включая помощника. Но остальные восприняли это так, что я своего отца называю на «Вы», значит и никому другому поблажек не будет.

Через полог прошли все. Что я на нем после проверки видел, это отдельная драма, которая разбивала моё сердце, но и давала силы бороться со злом. Новые комбайны напоминали собой сито, и, порой складывалось впечатление, что у них не было дна. К счастью, все знали их слабости, и, получив новую машину, комбайнер стремился всячески ее загерметизировать подручным материалом, и за этим строго следила инженерная служба. Ко мне иногда люди подходили сами, и просили, давай меня на пологе проверим? Я ведь не был собакой, и не видел в комбайнере преступника. Техника была несовершенна, но мы потом вместе искали путь к ее исправлению. Я помогал людям. Одно дело работать уверенно, а другое, ждать когда тебя неожиданно проверят и ты опозоришься на весь совхоз. Честь рабочего была совсем не простым звуком. А я мог сказать бригадиру, что не разрешаю этому комбайну участвовать в уборке, пока вы не приведете его в порядок. И тогда это была не просьба комбайнера о какой то помощи, которой требовали многие, ведь ломалось всё, а требование официального лица, которое стояло на контроле.

Короче, завязываю я с рассказами о технике и агротехнике, и перехожу опять к людям. А следствием моей агрономической работы стали слова отца, которые он с удивлением произнес потом.

– А ты знаешь, они ведь тебя уважают.

Глава 31

О ЛЮДЯХ

Люди бывают разными. (*Вот, открыл Америку!*) Есть честные трудяги, которых было в деревне, к счастью, большинство, а есть ловкачи, которые так и норовят попользоваться своим, хоть и малым, положением в свою пользу. В Акан-Бурлуке агрономом отделения работал Казахстан. Ну, имя у него такое было, он детдомовский. Крепкий такой парень, представительный, женатый, с детьми. Улыбался все время, эта улыбчивость, кстати, была свойственна в ту пору многим казахам, которые, хоть и считали себя втайне «хозяин страна», но в действительности находились в Северном Казахстане в меньшинстве.

Сто лет бы он мне нужен был, этот Казахстан, тем более в такой чистой книге, как «Броуниада», если бы не свела нас однажды судьба на току первого отделения.

Уборка. Ночь. Сдача хлеба государству. Машины грузятся. Жизнь кипит. Я на весовой, у рации. Вдруг, меня вызывают на улицу. Стоит Казахстан с каким-то шофером, мнетса, в сторону тянет, чтобы, значит, без посторонних поговорить.

«Выручай, Витя, человек в беду попал», – и вешает мне на уши такую лапшу, что нормальный человек не просто удивился бы, а рассмеялся. Типа того, что загрузил у них на току этот водитель зерно, поехал, а по дороге борта раскрылись, и все зерно высыпалось (*вот Ремчуков бы обрадовался*). Теперь его затагают, платить заставят. «Ты загрузи его своим зерном, а бумаги у него наши есть. А я тебе это зерно со своего тока потом отправлю, ты не думай ничего плохого. Выручи, будь другом».

Сегодня я так понимаю, что этот шофер, который работал в Арыкбалыкской автобазе, нашел в лице Казахстана родственную душу и они решили похитить машину с прицепом зерна, весом около 20 тонн. Был, конечно, и покупатель, которого Казахстан мог не знать, но знал водитель.

А заведующим током в Акан-Бурлуке, как позже мне стало известно, работал принципиальный старик прежней закладки по фамилии Солошенко, из казачков. Его сын служил

офицером и дослужился до генеральского звания, заняв в конце 80-х должность облвоенкома в Горьковской области. Той, где делали «Волги». Назначенный после ухода Мищенко директором совхоза Клишкин Николай Федорович генерала уважал и Аканское озеро помнит те дружественные встречи на «государственном уровне», когда сын приезжал в гости к отцу.

Через него Николай Федорович и сумел приобрести с завода новую «Волгу» последней модели за свои собственные деньги. А времена уже начались нехорошие. Людям перестали платить зарплату и эта машина стала бельмом в глазу у некоторых жителей села.

Пока решался вопрос с гаражом, Клишкин держал ее на машинном дворе, рядом с будкой охранников, что, в общем то, противоречило закону, но увеличивало шанс на ее безопасность. Шанс оказался небольшим и местный борец за справедливость Генка Власов, сын того самого Власова, которого когда-то побаивались и уважали ингуши, однажды ночью поджег ее, предварительно подперев снаружи дверь в домике охранника. А охранником в ту ночь дежурил мой отец, который был уже на пенсии, но продолжал потихоньку, как сегодня говорят, подрабатывать.

Заметив пламя, и поняв, что заперт снаружи, он выбил плечом окно и вывалился наружу. Пытался тушить огнетушителем, но было уже поздно. Машина сгорела, сгорел и авторитет отца, как охранника, что сильно подкосило его психическое состояние. Народ оправдывал террориста и ставил ему в достоинство то, что он не стал убивать сторожа, а только придавил дверь. Капитализм вступал на безмятежные улицы села.

События эти произошли десять лет спустя после того, как я и Тоня совершенно неожиданно для себя стали членами преступной группировки, которые в сговоре с целью наживы решили нанести государству ущерб в особо крупном размере.

Но я только про Солошенко хотел рассказать. Старик видел Казахстана насквозь и прозорливо не доверял ему. Тому удалось только состряпать фальшивую накладную на отправку зерна, а вот загрузить и проехать мимо весовой оказалось невозможным. И тогда они решили ехать на наш ток.

Не знаю, где в тот момент находилась моя голова, но я принял решение помочь. Ко мне обращался мой коллега по работе, такой же как и я. Принципа товарищеской взаимопомощи никто не отменял, а в силу своего идеализма я и представить себе не мог, что передо мной стоит гнида.

Насколько все таки Тоня относилась ко мне с доверием, что поверила во всю ту ахиною, которую я ей пересказал, а может и не поверила, да только не стала становиться поперек моей просьбы. Я ей сказал, что если что-то пойдет не так, я всю вину возьму на себя.

Вскорости пришлось своё обещание исполнять.

Не помню, как там все было дальше, мне было противно потом прикасаться к этой истории, но, афера с фальшивой накладной и чужим зерном не прошла и водитель попал в поле зрения милиции. Началось следствие. Впереди забрезжил срок.

Именно тогда мой поэтический друг, а по совместительству участковый милиционер Женя Аширбеков придвинул ко мне листок бумаги, и, тщательно отводя в сторону глаза, сказал: «Пиши». Я написал, как было дело, а в конце добавил, что вся вина в этой грязной истории лежит на мне, и Тоня здесь ни причем.

На что умудренный опытом Женя заметил, что чувства мои понятны, но и Тоне придется отвечать по полной, поскольку дружба дружбой, но она является материально ответственным лицом.

Я не мог смотреть Тоне в глаза. Надо отдать ей должное, она не закатывала истерик, держалась внешне спокойно и уверенно. Но как тяжело давалось ей это спокойствие. У нее было четверо маленьких детей. По селу ползали слухи один нелепей другого.

Мы продолжали исполнять свои обязанности несмотря на то, что следователь из Арык-Балыка постепенно затягивал удавку на нашем горле, заставляя вновь и вновь писать показания и подписывать какие-то бумаги. Нас по отдельности вызывали в прокуратуру, следователь приезжал в совхоз и мы опять что-то писали.

Гнусное было время. Баба в бегах, а нары знай себе поскрипывают, передают привет.

Но в один день все прекратилось. Нас перестали куда-либо вызывать. И благодарить за это мы должны были директора совхоза Мищенко. Он связался с районным начальством и потребовал, чтобы нас с Тоней оставили в покое. Да, мы виноваты, но вину свою полностью признали и ничего от следствия не утаили. Урок получили жесткий и вполне его усвоили. Не надо слишком усердствовать в вопросе наказания. Совхоз берет ответственность за нас на себя.

А что было дальше с Казахстаном и тем шофером?

Всю зиму следователь-казах ездил в Акан Бурлук для проведения следственных мероприятий, но проводил их довольно оригинально, в доме у подследственного. Даже оставался ночевать, если не успевал доесть бесбармак. Дело потихоньку спустили на тормозах, какое-то условное наказание получил только шофер. Тоже откупился, как утверждал народ. Казахстан с семьей по окончании следствия тут же исчез из села.

Директор совхоза «Аканский» Анатолий Георгиевич Мищенко был человеком своего времени. И в первую очередь живым человеком, а потом уже все остальное.

Они неотделимы в памяти людей, совхоз и его руководитель, творец и его детище. Есть немало грехов, в которых его можно обвинить, но никто не скажет, что он был стяжателем или злым человеком. А если говорить о достоинствах, то это в первую очередь внимание к людям и готовность помочь человеку в трудную минуту.

У него был свой особенный стиль руководства, во многом определяемый «брежневской» социалистической системой, которую потом бесталанные критики назовут «застойной», и в ней директору отводилась главная роль и государство всячески поддерживало его авторитет.

Я все пытаюсь найти в его отношении какой-то всеопределяющий образ, в который можно втиснуть все его грехи и достоинства, и мне приходит на ум только священнослужитель, который рукоположен в сан и наделен правом от имени Бога судить людей и прощать им их прегрешения. А его собственное поведение дело второе.

Собственно, и грехов то у него было не много, разве что грех злоупотребления алкоголем и то, что ему сопутствует. А вы найдите абсолютно трезвого директора. Нет, они есть. Но это скорее исключение из правил. Жизнь у них больно интенсивная, загнуться можно быстро, если стресс не снимать, или человеко-ненавистником станешь. Здесь главный вопрос не в том, чтобы совсем не пить, а знать, когда пить и с кем. В кабинете не надо, это нехорошо, контора это тоже своеобразный храм. Лучше на природе, в надежном доме, или в машине с проверенными людьми.

Но, деревня! Деревня знает все. Ты еще не определился сделать шаг, а она со стопроцентной уверенностью знает, каким он будет. Ты не сказал еще слова, а деревня наперед знает, что ты скажешь. И передавали из уст в уста, как плакал сегодня в машине директор пьяными слезами и восклицал: «Ну что я вам не так делал? За что вы покинули меня?»

Два исхода пережил совхоз «Аканский», когда десятки семей, вдруг поднялись и устремились в поисках лучшей жизни в Херсонскую область, в тот самый Голопристанский район, где

сегодня идут бои. Совхоз не пропал, приехали новые люди, заменили прежних, но когда привыкаешь к чему-то устоявшемуся, расставание очень тяжело.

Как относились люди к директору? Прощали слабости, цenia хозяйственность и доброту. Другие ветви совхозной власти, тот же партком, могли по товарищески критиковать, но сор из избы старались не выносить. Пьяный проспится...

Совхоз не блистал выдающимися результатами, если не считать мечты о племенном хозяйстве. Но это был крепкий середнячок, в котором удивительным образом, как в отлаженном часовом механизме, работали все шестеренки. Села совхоза представляли собой образцы социалистического общежития, в котором люди в большинстве своем были счастливы и ощущали гармонию своей жизни. И во многом благодаря Мищенко, который вину за собой чувствовал, но умел вовремя оказаться в нужном месте и сказать народу правильные слова.

Это была кузница кадров, и большинство специалистов, которые потом отправлялись в самостоятельное плавание, достигая больших высот, с благодарностью вспоминали «мищенковскую» школу. И главное, чему от него можно было научиться, это широте мышления. И умению подбирать людей на такие важные совхозные должности, как управляющие, бригадиры, начальники участков. Наученный горьким опытом, их он старался подбирать из рабочих-самородков, чтобы не возникало у районного начальства соблазна забрать и их, когда они пройдут его школу.

Это было проклятье любого хозяйства, но «Аканского» особенно. На совещаниях журили за недочеты, а специалистов забирали наверх. И вспоминал, наверное, с благодарностью, свою практику агрономом первого отделения сегодняшней заведующий организационным отделом ЦК Компартии Казахстана Игорь Цветков.

Анатолий Георгиевич проработал директором более 20 лет. И память о нем осталась в совхозе добрая, несмотря на драматизм последних лет его жизни.

Уборка того года завершалась тоже драматически. Пшеница на паровых полях так и не смогла достигнуть необходимой для скашивания спелости, и легла в валки поздно. Шли дожди, потом лег снег. Весь совхоз был мобилизован. Сметали,

по полю ездили трактора с самодельными воздуходувками, использовали любую возможность для обмолота. Рабочком лично возил замерзающим на поле комбайнерам водку и колбасу, но тщетно. Лучшие паровые поля ушли под снег. Много? Ну, не скажу что тысячи, но сотни гектаров точно, во всех хозяйствах района. Стихия, называется. Весной следующего года эти валки пришлось сжигать, поскольку считалось, что перезимовавшее зерно нельзя использовать даже на корм скоту. Но не все так поступили. Рисковый Альберт Альбертович Штоль, зоотехник по образованию, в совхозе «Новосветловский» дал приказ обмолотить и то зерно скормили скоту.

Тут вот в чем была загвоздка. Это был скорее политический вопрос, чем технологический. В нем звучало эхо гибели людей в 1933 году от пораженного грибок зерна, но в меньшей степени нельзя было создавать прецедент. Хлеб должен был быть собран только осенью, ценой самых невероятных усилий и дикого напряжения. Если сказать, что перезимовавший в валках хлеб тоже пригоден к использованию, у людей могла появиться ненужная слабина. Тем более, он оставался в совхозе в качестве корма, а не шел на сдачу зерна государству.

Валки были плотные, урожайность тех несчастливых полей по любому была около 30 ц/га, снег и мороз законсервировали их. А весной плесень и грибок просто не успели развиваться. Так что прав был, по моему разумению, Штоль. Но, надо было принимать решение конкретно, по каждому полю. А самому мне уход хлеба под снег, в дальнейшей практической работе пережить не пришлось, успевали управиться, хотя всякие препятствия случались. Особенно год запомнился, как Колбина Первым секретарем ЦК Компартии Казахстана назначили. Дождь месяц лил в уборку, валки к земле приросли. Но об этом в следующей книге.

В марте 1980 года в совхоз приехал корреспондент журнала «Сельская молодежь» Марк Григорьев, который до этого работал в журнале «Юность», главным редактором которой был Борис Полевой, автор знаменитой «Повести о настоящем человеке». Анатолий Дмитриевич Павлухин, который «гонял» меня осенью за неправильное использование военной машины, тем не менее мнение обо мне сложил самое доброе и решил, что я

вполне могу стать одним из героев будущей общесоюзной публикации. В его кабинете был еще Вася Муштенко, наш совхозный комсомольский секретарь.

Марк оказался человеком небольшого роста, на вид лет 35-ти, в простенькой искусственной дубленке, пыжиковой шапке и красно-сером махеровом шарфе. Простецкий парень, доброжелательный, даже веселый, но его выдавали глаза. Они были очень внимательными и умными. Но он «не задавался» и сразу мне понравился.

– Куда же мне вас определить? – мучился сомнениями Анатолий Дмитриевич. – В нашу гостиницу, так там не очень уютно, постояльцев пока нет, да и что вы будете скучать весь вечер один? Надо что-то другое придумать.

– А что думать, Анатолий Дмитриевич, сами знаете, что у меня квартира больше 100 квадратов, а в зале диван стоит, его разложить можно. Пусть товарищ корреспондент у меня переночует, а дальше видно будет. Только сразу предупреждаю, прохладный у меня зал, как бы не замерзнуть.

Марку эта идея сразу понравилась, у него аж глаза заблестели.

– Не бойтесь, не замерзну, мне на севере приходилось бывать.

– А мы вас подогреем, – обрадовался решению проблемы парторг. – Василий Алексеевич, выпишите мясо со склада, скажите, что я распорядился, ну и все остальное там организуйте, чтобы человек не скучал.

Я позвонил Тане, чтобы предупредить ее о том, что у нас будет сегодня гость, и, возможно, не один. *(Это куда он звонил? К себе домой, что ли? Откуда у агронома отделения телефон в доме?)*

Вечером в нашем зале собрался почти весь совхозный комитет комсомола. Мясо было замечательное, жирная говядина. Делали ли мы бесбармак, чтобы потешить высокого гостя, не помню, но стол ломился от угощений, каждый из гостей что-то принес своё. Было что и выпить, эту проблему Вася тоже решил. Он был толковым организатором, наш Вася Муштенко.

Марк старался держаться простецки, да он и был «своим» парнем. Отвечал на любые наши вопросы. А они были, и не совсем простыми. Как раз накануне, аккурат к Новому 1980 году, Советский союз ввел в Афганистан войска. Нет, мы не сомневались в правильности этого решения, но хотелось подробностей, чтобы укрепиться в своем мнении. И Марк, блистая своими умными глазами, старался рассказать нам все, что знает сам, не скрывая тех трудностей, которые там начали возникать.

Алкоголь и вкусная еда раскрепощали сидящих за столом. Развязывались языки и уже скоро Марк из вещателя и рассказывателя анекдотов о редакционной жизни «Юности» и, вообще, «столичной жизни», превратился во внимательного слушателя, которому ребята и девчата хотели рассказать о своей, местной жизни. Зачем они здесь остались и не уехали в город в поисках более легкой жизни, или почему, отучившись, вернулись. О проблемах сельского бытия и о радостях их жизни. И Вася, все чаще произносил фразу, оставшую в моей памяти от той встречи: «Марк, это не для печати». И мудрый наш гость понимал, что нам хочется высказаться постороннему человеку, что не так все просто в этой жизни, и мы были ему благодарны за его понимание.

Да, это был тот самый Марк Григорьев, визитку которого с его московским адресом я до сих пор храню в своих бумагах. Он погиб 23 февраля 1991 года, в Ленинграде, в номере гостиницы «Ленинградская» во время пожара. Жертвами его стали девять пожарных и еще шесть постояльцев гостиницы.

Экспертиза показала, что очаг возгорания находился в номере 754, который снимал корреспондент журнала «Огонек» Марк Григорьев, известный журналист эпохи «перестройки». По официальной версии его гибель однозначно считалась чисто трагической, несмотря на травму черепа, которую тоже отнесли на счет пожара, и решили, что он мог треснуть от высокой температуры. Но уже будучи в Германии, в одной из газет я прочитал большое интервью Собчака, в котором он на полном серьезе утверждал, что Марк собрал в Ленинграде такой убойный компромат на криминальные структуры города, что бандиты решили его не выпускать живым.

То, что у демократов язык без костей, я понял уже давно. Он ведь был из вашего лагеря, Собчак. Что же вы его не уберегли, если все знали? Последними людьми, которые провожали Марка в номер из ресторана, были Александр Невзоров и Юрий Шутов, тот самый бандит, которого Собчак называет убийцей. Что, ленинградские Мориарти так легко подставляются, или при вас вообще никакой управы на них не было?

Хороший наш Марк. Зачем ты полез в демократические детективы? Поверил, что на их стороне правда? Судьба сделала тебе страшный подарок, не дав разочароваться.

Очерк был напечатан в журнале «Сельская молодежь» летом 1980 года. Весной, в самый разгар посевной, из Москвы приехал фотокорреспондент, который сделал несколько снимков на поле второй бригады, которое мы как раз сеяли. Было несколько вариантов. Общий снимок со мной и ребятами трактористами, среди которых были Володя Дербеденев, Володя Коновалов, Федя Сухин и другие, но потом он стал фотографировать меня и в журнал вошел черно-белый снимок на всю страницу, где я стою, подняв руку, а под моей рукой К-700 засевают поле, а на краю их ждет машина с семенами.

Хороший снимок. Он погиб вместе с моими тетрадами. Там я в «летнической» кожаной куртке, которую мать Тани прислала нам в подарок с Дальнего Востока вместе с соленой красной рыбой, которой мы поделились со всеми. Одну рыбину мы передали Мищенко. У меня были хорошие тещи, может быть потому, что они со мной не жили, или жили мало.

А журнал этот мы выписывали. Мы много чего выписывали в своих селах, может быть в процентном отношении больше, чем городские жители. И однажды я взял этот журнал в свои руки из почтового ящика и посмотрел на своё фото и следующий за ним очерк. Чувство, которое я тогда испытал, да и до сих пор испытываю, если кто-то обо мне хорошо говорит, называется неловкостью и стыдливостью, и только потом, через годы, приходит осознание того, что стыдиться то, вроде, и нечего. Здорово смахивает на правду, когда она устоится во времени. Фото погибло, но очерк сохранился.

Марк Григорьев

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ: ХЛЕБ (сокращено)

За окном синее небо, вот-вот выкатится из-за дальнего леса солнце, оно где-то рядом, на подходе, за вершинами деревьев уже показались золотые языки. Между лесом и домом взгляд нащупывает, точно трогает края хрупкого белого блюда, заснеженное озеро, а справа выдвигается косматая шапка сопки, словно человек в бараньей папахе выглядывает из-за угла. Я знаю, что за лесом снова озеро, за ним степь, сопка, лес, и так до самого Кокчетава, откуда я вчера приехал в посёлок Куспек, центральную усадьбу совхоза «Аканский». Типичная картина в южных и западных районах области, пересечённых Кокчетавской возвышенностью. Вся эта местность получила своё название от мелкосопочника, от синих гор. Самая высокая так и называется – гора Синюха, а казахское «Кокшетау» переводится на русский как Синегорье.

Солнце наконец выползает чётко очерченным сегментом, оно не расплывается в бесформенную жёлтую массу, как в летние дни, а смотрит холодно и строго. Весна запаздывает. Уже середина марта, но ещё с разбойничьей лихостью налетают метели, которым бы пора угомониться. Так было и накануне. Часов в восемь вечера такой поднялся ветер – в одну сторону с ног валит, в другую, хоть ложись, не даст опрокинуться. Запустился буран, перемело улицы и переулки в посёлке, где-то провода ветром замкнуло, свет погас. Зато сегодня – тишь, на небе ни облачка. Стоя в саях, проехал мужик по обочине – там снег ещё держится, но уже потемнел, слежался, полозья не оставляют следа. Как ни крути, а весна уже у самого порога – стучится, напоминает о себе каждым солнечным днём.

Агроном первого отделения Виктор Гридюшко, у которого я живу, уже успел сбегать на утреннюю разнарядку и сейчас наспех пьёт чай. Его молодое румяное лицо ещё больше алеет и от лёгкого морозца, по которому только что пробежался, и от горячего чая, и от нового, я бы сказал, весеннего ритма.

– Дел, – говорит он, быстро прихлёбывая из чашки, – вагон и тракторная тележка... Технологические карты я ещё не на все культуры подготовил... А солнце – вот оно, над душой стоит... Минералку надо выбивать. А где её брать? Мы свои 160 тонн уже получили. На 25 тысяч гектаров – это же курам на смех. Надо бы тонн пятьсот-шестьсот. Но где их взять? Прямо хоть на большую дорогу выходи...

Виктор допивает чай, бросает взгляд на часы и, видимо решив, что может ещё пять минут побыть дома, садится с папирозой к печке. После каждой затяжки он приоткрывает дверцу и пускает туда струю дыма. Такая «технология» установилась в доме десять месяцев назад – с тех пор, как родилась Маринка.

– А семена готовить тоже не шуточки, – продолжает Виктор. – Фонд в этом году жидковат, процентов тридцать берём у государства.

– Наверное переходите на новые сорта? – спрашиваю я.

– Да при чём тут сорта, – говорит Виктор, давая в сердцах папиросу. – Лучший хлеб зимовать под снегом остался. Мы его не трогали, давали понежиться подольше, чтоб хорошие семена взять... Скосить то успели, а тут и снег посыпал, гнусная осень была...

– Постой, постой, – прерываю я его. – Значит, «брустверы» на полях, что я вчера видел вдоль всей дороги, – это...

– Ну, – говорит Виктор, надевая полушубок, – конечно, хлеб! Валки неубранные. А ты думал! И хлеб тот, и солому уже в дело не пустишь, заражены грибок. Только жечь, как снег сойдёт...

– Как же так? – Я всё ещё не могу поверить. – Ведь пахали, сеяли, а потом жечь...

– Э, брат, бывает и хуже. – Виктор уже надел шапку и стоит, держась за ручку двери. – Думаешь, мы спокойно мимо этих могильных холмиков ездим?! Недавно прочитал стихотворение, там есть строчки: «Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья, ибо с тревогой на поле своёзираю...» *(Стихотворения я Марку не читал, но он понял, что я мог бы это сделать, если бы захотел, поэтому и вложил вышеприведённые строки в*

мои уста). Так-то. А что сделаешь при нехватке людей? Трактор и комбайн ведь не заводные игрушки, сами в поле не поедут. Механизаторы нам нужны.

...В своё время целинные эшелоны уносили тысячи добровольцев из обжитых областей европейской части нашей страны на новые земли Сибири и Казахстана. И чем больше людей срывалось с насиженных мест, тем крепче была уверенность: целина будет освоена. Каждой паре рук были рады в необъятном степном краю, где первые тракторы готовились вспахать нетронутые степи под первый целинный урожай.

Миновало более четверти века. Новосёлы пустили крепкие корни, стали старожилками. А поезда с Кубани и Дона, с Украины и Донбасса продолжают идти на восток. Только едут в них не новосёлы, решившие навсегда связать свою жизнь с целинным краем, а механизаторы, которые, управившись дома с уборкой, спешат на выручку за Уральский хребет. Земледельцы целины с нетерпением ждут своих помощников: без них не справиться с урожаем. Но в самом этом ожидании, зависимости от механизаторского «десанта» со стороны – немало горечи. А если говорить об экономической стороне дела – не в копеечку, а в миллионы рублей обходится государству такая помощь.

В осень-79 Казахстан дал стране 1 миллиард 262 миллиона пудов зерна. Почти 144 миллиона – доля Кокчетова, где в среднем с каждого гектара получено 14,9 центнера. Но агроном Виктор Гридюшко мне однажды сказал: «Неужели на 14 центнерах так и застрянем? Нам бы и 20 не помешало». Значит, рано кричать «ура», рано бросать в воздух шапки. Да и себестоимость продукции порой непомерно высока. Затраты на производство центнера зерна ниже плановых лишь в пяти районах из четырнадцати, а Володарский район, например, закончил год с убытком более восьми миллионов рублей. Зерно, молоко, мясо, шерсть – всё здесь убыточно.

Убытки объясняются многими причинами. И в первую очередь нехваткой механизаторов.

Северный Казахстан напоминает гигантский аэродром, где, говоря с собеседником, надо постоянно кричать, иначе не

будешь услышан. Только вместо самолётов здесь, в степи, непрерывно гудят, урчат и тарыхтят тракторы и комбайны. Самая характерная примета этого степного края, самый запоминающийся элемент однообразного пейзажа – трактор и комбайн. И конечно, хозяин этих тракторов и комбайнов – механизатор – центральная фигура целины. «От его знаний и профессионального мастерства, опыта, от его отношения к делу в решающей степени зависят конечные результаты работы колхоза и совхоза», – сказано в одном из партийных документов.

Тем не менее дефицит «хозяев техники» сохраняется почти во всех хозяйствах области. Без «заёмных» механизаторов в горячую пору пока не обойтись. В жатве-79 на нивах Кокчетавы работало три тысячи человек. В соседней Тургайской области 10 тысяч.

Каким же образом ликвидировать кадровый дефицит? Ответы на этот вопрос я искал в совхозе «Аканский».

Хозяйство это – племенное. Здесь выращивают племенных бычков и тёлочек. Поле в двадцать пять тысяч гектаров кормит в хозяйстве людей хлебом, а скотину обеспечивает кормами. *(Не, Марк, столько хлеба мы при всём желании не смогли бы съесть, мы его государству сдавали, а хлеб в магазине покупали.)* Полеводство даёт прибыль, животноводство пока убыточно. Так что ордена и медали пока достаются не животноводам, а хлеборобам. Но вот какой ценой?!

Вместе с моим хозяином, Виктором Гридюшко, мы идём в контору на селекторное совещание. Высокий и длинноногий Виктор утверждает, что совхоз послал его в своё время учиться на агронома, приняв во внимание ширину шага. «У агрономов хронические мозоли на ногах, – поясняет он, – в день приходится 20-30 километров отмахать, поэтому дирекция принимает на такую должность только длинноногих». Виктор смеётся. У него своеобразная манера вести разговор: не всегда отличишь шутку, произносимую самым невозмутимым тоном, от серьёзных слов, которые Виктор сопровождает обязательным смешком. Например, он утверждает, что стал в институте ленинским стипендиатом из-за собственной лени: товарищи после лекций часами

играли в футбол, а ему не хотелось бегать, вот и читал учебники. Два лета во время учёбы в институте Виктор работал в родном «Аканском» трактористом, а на период жатвы шёл к отцу на комбайн помощником. «Отцовская наука самая крепкая...» (Ах, Марк, Марк. Так и тянет тебя создать лубочный образ. Был я и трактористом, и помощником комбайнёра у отца, но происходило это в школьные годы, а не в студенческие, и особого впечатления я на него не произвёл. Как-то, подвыпив, отец высказался совершенно откровенно: «Нихера, Витька, с тебя ни тракториста, ни комбайнёра не получится. Я вообще не представляю, что с тебя выйдет. Вот Сашка, – это да! У него хватка к технике есть». Чем вызвал яростный протест матери, которая в глубине души считала меня не совсем уж пропащим для жизни человеком.)

По дороге в контору мы заходим в поселковую больницу проведать отца Виктора. Когда появляется Гридюшко-старший, высокий и крепкий мужчина лет пятидесяти, трудно поверить, что такому человеку может понадобиться медицинская помощь, он и сам смущается своей больничной пижамы, поспешно суёт куда-то в угол скамейки передачу, принесённую сыном, отмахивается от разговоров о самочувствии.

– Завтра пойду домой, – говорит он. – Совсем зима нас разбаловала, по больницам шляемся, небось на жатве о болезнях никто не заикался... Гридюшко-старший как-то больше по обязанности выслушивает домашние новости и начинает расспрашивать сына о подготовке к посевной. Мне интересно, что думает комбайнёр с многолетним стажем о нехватке механизаторских кадров в хозяйстве, и, воспользовавшись «производственным» характером разговора отца с сыном, я вклиниваюсь со своим вопросом.

– Нас, дедов, этим летом на жатву объединили в особый отряд, по ипатовскому подобию. 12 комбайнов, шесть машин для отвозки зерна. Мы на этой дюжине **сорок процентов** площадей убрали, остальное шестьдесят комбайнов утюжили. Правда, нам и поля раздольные отвели, и наладчиков выделили, и передвижную техпомощь, и запчасти, и рацию чуть не в каждой машине установили. А если бы ещё пару таких отрядиков, так никаких помощников на жатву не потребуется...

– В такой отряд подбирают механизаторов только первого и второго класса, – возразил Виктор отцу. – А если туда зачислять бывших школьников и новичков – толку будет мало. Их ещё учить надо.

Мы на этой дюжине сорок процентов площадей убрали, остальное шестьдесят комбайнов утюжили. Правда, нам и поля раздольные отвели, и наладчиков выделили, и передвижную техпомощь, и запчасти, и рацию чуть не в каждой машине установили. А если бы ещё пару таких отрядиков, так никаких помощников на жатву не потребуется...

– В такой отряд подбирают механизаторов только первого и второго класса, – возразил Виктор отцу. – А если туда зачислять бывших школьников и новичков – толку будет мало. Их еще учить надо.

– Дак учите. Зима-то долгая. Нам, дедам, можно и поболеть, а молодым самое время учиться. И о чём вы там думаете?..

– Какие ко мне претензии? – удивляется Виктор. – Я агроном, а не инженер. И вообще... Ты в больнице, ты о здоровье побольше думай.

Гридюшко-старший обиделся. Он встал со скамейки и напрямиком – в палату. Даже не простившись.

– Гостинцы возьми! – крикнул Виктор.

Отец возвратился.

– Своё дело – это своё поле. Ты понял? На кой шут нужна твоя агрономия и техкарты, если осенью убирать поле будет некому? На приезжих надеешься? Для них поле это, может, и чужим кажется, а для тебя оно своё ведь... Не так разве?

...Прав Гридюшко-старший. И могильные холмики валков на кокчетавских полях и мёрзлая картошка под Волоколамском – всё это может случиться, когда человек, крестьянин, перестаёт считать поле своим. Только чего ж сына попрекать? Как и отец, Виктор переживает и мучается, колет ему глаза оттаивающий из-под снега хлеб. «Не попрекайте хлебом меня. Не до веселья, ибо с тревогой на поле своё взираю». Но переживаниями дело не поправишь. Как же, всё-таки пополняются ряды механизаторов?

Поехал он раз по профсоюзной путёвке в санаторий, здоровье поправить, собственно, этот раз и остался единственным. Там врач посмотрел его снимки и спросил: – «Инфаркт давно перенесли?» – «Какой инфаркт?» – «Ну, вам лучше знать, какой? Вот тут на сердце рубцы видны». И тогда отец понял, что с ним тогда было. В уборку прижало его болью в груди так, что невольно стало. Отдал штурвал помощнику, а сам в кону лёг и скрючился. Полежал пять часов, отпустило и дальше стал работать. Вот что такое уборка, если кто не понимает. «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Не пустой звук, эти слова.

В совхозе «Аканский» – это механизаторский всеобуч. Всю зиму на нём занимались пятьдесят человек. Но есть проблемы и с техникой.

– Из 87 комбайнов, с грустью говорит заведующий МТМ Дмитрий Андреевич Башкирцев, – на 20 марта отремонтировано только 56. Срываем план. Но больше до настоящего тепла и не сможем сделать, потому что «Нивы» не входят в помещение. А через год у нас комбайнов этой марки будет половина. Стало быть, вся эта половина будет тёплых дней дожидаться. А там сев, потом косовица, так к страде только будем с комбайнами управляться. Ну и качество соответствующее.

Дальше Марк рассказывает об ученических производственных бригадах, на районный слёт которых он поехал вместе с делегацией Аканской средней школы. Так мы с ним простились и больше не встретились.

Накануне мы пришли с Виктором в совхозную школу, чтоб повидаться с Лавреном. За все эти дни он мне все уши прожужжал: «Какой всеобуч без Лаврена? По крайней мере, триста человек у нас, в «Аканском», Лаврен научил водить и комбайн, и трактор».

Уже в школьном коридоре я убедился, что Виктор не преувеличивал: на больших групповых фотографиях были запечатлены не просто выпускники школы, а члены УПБ очередного года. Без посторонней помощи я отыскал на этих снимках не очень-то успевших постареть аканцев: Володю Дербеденева, Виктора Павлова с товарищами по бригаде, Виктора Гридюшко. А на другой доске под золотой «шапкой» «Первоцелинники» висел портрет Лаврена при орденах и медалях. «Механизатор героической поры», – гласила надпись под снимком.

Лаврентия Васильевича Ильина, руководителя Аканской УПБ, мы нашли в спортзале, где начиналась генеральная репетиция театральных номеров к предстоящему девятому слёту. Лаврентий Васильевич повёл меня в кабинет производственного обучения, принялся показывать макеты и схемы, коробки передач и поршневые кольца – всё своё хозяйство.

– Всё собиралось годами, – говорил Лаврентий Васильевич, – как же этим не дорожить? У нас ведь почти шестьсот гектаров.

Свое поле, вспоминая я слова Гридюшко-старшего. Не с этого ли школьного поля начинается хозяйское чувство у ребят, ответственность и привязанность к родной земле?

– У нас вот как получается, – продолжал Лаврентий Васильевич. В девятом классе ребята сдают экзамен по устройству и эксплуатации трактора. Обычно мы проводим испытания в апреле-мае, так что на лето уже формируется окончательный состав бригады. А в десятом классе вместе с аттестатом вручаем удостоверение тракториста-машиниста широкого профиля. Помоему, неплохо даже для тех, кто в институт собирается поступать – профессия карман не тянет. В прошлом году семнадцать ребят остались работать в совхозе, в этом году из двадцати восьми выпускников двадцать точно до армии пойдут в трактористы и комбайнёры.

В фойе старенького арыкбалыкского клуба многолюдно. Парни и девушки ревниво осматривают форму соперников, их стенды и красочно оформленные рапорты. Прожив последние дни в «аканском», я успел заразиться местническими настроениями, хожу и сравниваю «нашу» УПБ с нижебурлукской, имантавской, лобановской. В красивых и модных комбинезонах-сафари расхаживают члены арыкбалыкской ученической бригады. Где уж с ними тягаться, их УПБ – лауреат премии Ленинского комсомола, зародилась ещё в 1961 году, когда школьные производственные объединения не очень поощрялись. *(Она была одной из самых первых в стране, только ставропольцы могли соперничать с ней!)* Сейчас школьники выполняют весь цикл полевых работ от вспашки до уборки на площади 921 гектар. Всего школой подготовлено 1227 трактористов-машинистов 3-го класса.

Так что же всё-таки такое УПБ? – разматываю я очередной узелок, вернувшись со слёта. Игра? Работа? Форма отдыха для перегруженных учебными занятиями подростков? В Кокчетавской области 190 ученических производственных бригад

объединяют 22 тысячи старшеклассников. В минувшем году, например, школьные бригады выполнили работ на миллион 529 тысяч рублей.

Уже дома, в Москве, я отыскал стихотворение, строки из которого цитировал Виктор Гридюшко. Называется стихотворение «Хлеб», написал его Давид Самойлов.

Не попрекайте хлебом меня
Не до веселья,
Ибо с тревогой на поле своё взираю.
Сам свой хлеб я сею.
Сам убираю.

Снова вспомнились пшеничные валки на кокчетавских полях, стыдливо укутанные снегом. Вспомнились и молодые лица членов школьных бригад. И так хотелось верить, что этим ребятам не придётся повторять горькие первые строки стихотворения, что с полным правом они смогут сказать: «Сам свой хлеб я сею. Сам убираю». Главное, чтобы никогда, ни в какую осень не оставлять его в поле.

Глава 33

ДАЙ БОГ, НЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Меня опять искушали. В один из дней вызвали в Обком комсомола, и предложили должность инструктора в сельскохозяйственном отделе. В маленьком кабинете сидел за столом огромный детина двухметрового роста, второй секретарь Обкома Шайкенов Мереке Молгождарович, который позже, уже в бытность мою директором, работал председателем Арыкбалыкского райисполкома. На этот раз мне хватило ума отказаться. Комсомольская, и, как я понял из собеседования, дальнейшая партийная работа, меня совершенно не прельщали.

Если уж речь зашла о «карьере», то надо рассказать об одной случайной встрече, которая произошла на полях отделе и, неожиданно, имела дальнейшие последствия.

У меня что-то случилось с ногами. Я не мог ходить в обуви, каждый шаг доставлял мне такие мучения, что слезы выступали из глаз, и я приседал на ноги, как та больная лошадь. И не то, что в туфлях, даже в сандалиях. Резь в стопе, как будто меня обули в «испанские» сапожки времён инквизиции. Длится эта неприятность недели две, и закончилась так же неожиданно, как и началась. Второй раз то же самое произошло со мной через двадцать лет в Болгарии, когда мы с семьёй поехали на экскурсию в Варну. Но в этот раз все закончилось в течение суток.

Было лето 1980 года. Мотоцикл, который мне из жалости дал отец, я уже угробил, и он, скоренько подремонтировав его, продал от греха подальше. По селу я с трудом ходил в тапочках, а по межполевым дорогам босиком. Даже камушки, скрывавшиеся в пыли, доставляли мне меньшую неприятность, чем те же тапочки.

Иду я по дороге, наслаждаюсь отсутствием боли, вдруг, навстречу мне бежевая «Волга» тогдашнего председателя райисполкома Каршалова Ерсайна Шотпаевича, который о своем приезде в хозяйство обычно совхозное начальство не извещал и

общался с рабочими напрямую. За что имел от них должное уважение и прозвище «Шаршавый».

Смотрит председатель с интересом на мои пыльные ноги, но ничего не говорит. Расспросил о делах в отделении, поинтересовался, куда я иду. Я честно ответил, что иду в первую бригаду, через поля, чтобы своими глазами оценить их состояние и стадии развития растений. У нас, агрономов, есть такой «пунктик», наше любимое занятие – это смотреть, как растения растут. И не важно, в какой ты сейчас должности. Это остаётся с тобой навсегда. А Каршалов тоже когда то начинал агрономом и слова мои понял как должно.

Он уехал, я пошел дальше. Потом мне рассказали, что несколько дней спустя, на каком-то совещании, он в присутствии всего районного начальства поведал о том, что недавно встретил в «Аканском» совхозе агронома, который ходит по полям босиком, как Мальцев. А когда весной следующего года было принято решение о снятии с должности за провалы главного агронома совхоза «Новосветловский», он обо мне вспомнил и настоял на том, чтобы именно меня туда назначили.

А Штабченко? Ведь он работал дольше, и успел уже пройти школу агронома-семеновода. Он же не виноват, что у него ноги оказались здоровее моих, и к своему «Уралу» он относился не в пример меня более бережно. Да, все могло бы сложиться иначе, но так получилось, что Валерия Анатольевича в совхозе в то время уже не было и он отдавал долг родине где-то под Алма-Атой в звании лейтенанта Советской армии.

Весной 1980 года до нас дошёл слух, что одного из молодых выпускников института из нашего совхоза призовут служить в войска. Нас, молодых, было трое. Мы с Валерой были женаты и имели по двое детей. Витя Сайбель был холостой, и мы резонно решили, что «забреют» именно его. Уверенность наша была настолько сильна, что однажды мы с Валерой даже устроили ему импровизированные проводы, пожелав хорошей службы.

Но время шло, и никого из нас не трогали. Мы уже даже стали думать, что вопрос решился как-то иначе, мало ли чего в

жизни ни бывает, но тут вдруг, как обухом по голове: призывают Штабченко. Он с Ниной и детьми уехал служить, а меня вместо него назначили агрономом-семеноводом.

Фото из той поры ожидания. Справа я, рядом Валера, далее наш замечательный комсомольский секретарь Вася Муштенко и проверяющий из Райкома комсомола.

Ещё одна наша общая фотография из того времени.

Теперь местом моего обитания стала центральная контора. В кабинете главного агронома стояло два стола, большой, и поменьше. Вот за меньшим я и расположился. Был ещё шкаф с книгами и бумагами.

Анатолий Андреевич Дундук уже много лет официально считался заместителем директора совхоза по производству с правом первой подписи, и замещал Мищенко, когда тот был в отпуске или болел. Может быть, именно поэтому, его кабинет находился напротив директорского, а между ними была приёмная, в которой сидела секретарша и её помощница. Секретаршей была Люда Полянская, а помощницей сноха директора, жена его старшего сына, который тоже работал в конторе радистом и из-за интеллигентности своей профессии потихоньку выпивал, что впоследствии вылилось в попытку погугать свою половину ножом по подозрению в измене. Жена положительной сути отчаянных действий не поняла, и он оказался в тюрьме.

Как я уже отмечал, шеф наш, Анатолий Андреевич, был человеком незлым, но поперечным и воспитывал нас в ненависти к «рогатикам». В отличие от масштабного Мищенко он не любил брать ответственность на себя, и, как заместитель, был не особо хорош, стараясь «замылить» вопрос. Но я не хочу ставить это ему в вину, возможно, что были моменты, которые сформировали ту осторожность, о которых я не знаю.

Мне трудно судить и о своей работе, поскольку опыт моего «семеноводства» оказался непродолжительным, заняв всего пять месяцев, причём месяцев послеуборочных и зимних. Самым большим испытанием я считаю время, когда мне пришлось исполнять обязанности главного агронома вместо Анатолия Андреевича, ушедшего в отпуск. Тогда я на своей шкуре почувствовал, что кроме романтических «босых мальцевских ног» существует ещё жёсткая иерархия сельскохозяйственного производства в лице областного и районного управлений сельского хозяйства, и, конкретно, их агрономических отделов. Это, не говоря о политическом руководстве, которое осуществляли

советские и партийные органы. Шли указания и их необходимо было исполнять.

Но свою службу как агроном-семеновод я решил начать с исполнения своих непосредственных обязанностей. Именно в конце года на токах происходила очистка семенного материала, засыпанного во время уборки в склады. И я решил прервать многолетнюю традицию, сложившуюся в совхозе, которая заключалась в доведении семян до кондиций второго класса и начать проводить более тщательную обработку с доведением их до параметров первого класса. Я не был настолько наивен, чтобы полагать, будто это произойдёт только по моему желанию. Нужно было воодушевить на это свершение людей. Анатолий Андреевич отнёсся к моей инициативе скептически, но мешать не стал.

Я подготовил условия социалистического соревнования, в которых указал, что, если отделению удастся довести 50% семян до кондиций первого класса, все участвующие в этой работе люди получают премию в размере половины их месячной оплаты. В том числе агрономы отделений и заведующие токами. При достижении результата в 67% премия будет составлять месячную оплату. Все, кто требовался, эти условия, уже официально напечатанные на бумаге, подписали. И директор, и председатель парткома, и председатель профкома, и секретарь комитета комсомола. Себя я в число потенциальных получателей премии включать не стал.

Пришлось вспомнить навыки былой комсомольской работы, но тока зашевелились. Сам я в основном курировал ток первого отделения, поскольку агронома отделения ещё не подобрали. И что вы думаете, все получилось. Слесаря тщательно отрегулировали веялки, каждый час брались пробы и разбирались на столе на весовой. Материальный стимул, он работает, если его правильно применять. Я обещал людям, что они получат то, что написано, если, конечно, достигнут результата.

Уже после Нового года пришли результаты сданных в контрольно-семенную лабораторию анализов семян, и заветная цифра в 67% стала реальностью. Я был счастлив и горд. Люди радовались будущим дополнительным деньгам, которые всегда кстати. Я составил списки и указал суммы премии согласно условиям соревнования. Сделали ведомость. Пока я решал эти вопросы в профкоме, наступила вторая половина дня. Я зашёл с ней к Мищенко. Он сидел за столом очень грустный, в одиночестве. Прочитал, сказал, что мы молодцы и подписал. Нужна была ещё подпись главного бухгалтера. Я пошёл к нему, мне не терпелось сегодня же вручить деньги людям с первого отделения. Главный бухгалтер повертел бумагу так и смяк, и заявил, что подписывать не будет, поскольку в кассе нет денег. И вообще, что это такое я придумал, вы обязаны по своей работе чистить семена до кондиций первого класса. А почему этого никто не делал раньше? Не знаю, денег в кассе нет.

Я взял ведомость и пошёл снова к Мищенко. Передал ему слова бухгалтера. Он сказал, дай бумагу сюда и позвал секретаршу. Подожди в своём кабинете.

Я сел за стол, оставив дверь открытой. Через несколько минут в директорскую дверь вошёл главный бухгалтер. Стали доноситься все более усиливающиеся голоса, но потом стал слышен только директорский крик. Я увидел, как из двери выскочил с красным лицом бухгалтер. Секретарша сказала, чтобы я зашёл к директору. Мищенко сидел за столом и тяжело дышал. Он передал мне ведомость и сказал, чтобы я шёл в кассу и получал деньги.

Бухгалтеры, они такие. Это их метод, при не совсем понятных случаях, которые можно истолковать двояко, они проявляют принципиальность чтобы потом, в случае чего, сказать, что он был против, но его заставил директор. Вот если бы в ведомости стояла и его фамилия, никаких препятствий бы не было.

Я усвоил этот урок, и, будучи уже настоящим главным агрономом, если составлял условия соревнования, то включал в них не только главного бухгалтера, но и главного экономиста, а

ещё и директора. Себя тоже. И всех своих специалистов, участвующих в деле, и управляющих, и бригадиров. Соревновательность приветствовалась советской властью. И деньги на поощрение закладывались изначально. Не всегда удавалось достичь высоких результатов, тогда и деньги оставались целы. Но если «масть шла», то получали люди. И рабочие в том числе, поскольку прибыль в десятки раз превышала сумму выплаченных премий.

Канторская жизнь имела свои законы и свой распорядок дня. С утра царило рабочее возбуждение, решались какие-то вопросы, в основном, связанные с распоряжениями районного или областного начальства, которые, может и были правильными, да и были таковыми по существу, но мешали привычному ритму. Что такое привычный ритм? Это когда вся система отлажена и все идёт хорошо и по плану. Начальство создано для того, чтобы эти планы ломать, а подчинённые всячески стараются их сохранить. Если бы не было указаний сверху, мало бы что изменилось в привычной жизни. Люди так же кормили бы скот и доили коров. Ремонтировали бы технику, делали снегозадержание, если говорить о зиме. Весной так же сеяли бы, а осенью убирали.

Совхоз – это самонастраивающаяся система и очень устойчивая, поскольку разумная. Поэтому «канторским» не нужно было весь день радеть о хозяйстве, если не предстояло выездов на отделения. Скорее, им надо было реагировать на приказы свыше, и речь шла именно о бумагах, которыми надо было отписаться.

После обеда наступало затишье, и специалисты имели обыкновение ходить друг к другу в гости в кабинеты, находя какой-либо повод. В наш, агрономический, порой набивалось столько, что сесть людям было негде. Несмотря на поперечный характер, Анатолий Андреевич пользовался у других специалистов не только интересом за свою многолетнюю борьбу с «рогатиками», но и авторитетом, как канторский старожил. Специалисты менялись часто, а агроном был «всегда», как и главный прораб Зауэр, великий строитель, и сегодняшний инженер по

технике безопасности Бочкарев, тоже бывший когда-то главным инженером.

Я нашёл для себя в ту пору ещё одно занятие. Попросил у главного бухгалтера, который после того случая обиду на меня не затаил, а, наоборот, стал относиться с уважением, разрешить мне после окончания официального рабочего дня, изучать годовые отчёты хозяйства, которые хранились в совхозном архиве.

– «Кандидатскую решил писать? Понимаю». – И каждый день, когда я просил, выдавал мне по два-три отчёта, над которыми я засиживался часов до 9, пока меня не начинал тревожить настойчиво покашливающий сторож. Так бы он запер дверь изнутри, и был бы спокоен, что один в помещении, а так приходилось бдиль, вроде человек не так просто сидит, а работает с документами. *(Да, стоит удивляться, что жена прожила с ним целых шесть лет.)*

Самым старым был отчёт за 1947 год. Некоторые непонимающие люди презрительно машут руками, мол знаем мы ваши отчёты. А ничего вы, как раз, и не знаете. Я брал в руки эти пожелтевшие от времени фолианты с самодельной прошивкой и меня охватывало чувство благодарности к тем людям, которые создавали своим трудом эти цифры. Кто не понимает, я скажу, что годовой отчёт хозяйства, это такой документ, в котором если находилось несоответствие в одну копейку на миллион рублей, все считалось недостоверным и пересчитывалось заново.

Я листал страницы, и мне все было интересно. Но конечная цель моя была более конкретной. Меня интересовала урожайность сельхозкультур, возделываемых в совхозе во все годы его существования. Жаль, что не с 1935, а только с 1947.

Зачем мне это было нужно? Ни о какой диссертации я и не думал. Мне, вдруг, не стали давать покоя графики солнечной активности, переданные покойным Виктором Андреевичем Ананьевым, заведующим кафедрой растениеводства ОмСХИ. Мне захотелось примерить на них данные по нашему совхозу и определить, чего мы можем ожидать в будущем. Для этого я и обратился к годовым отчётам. Но это было только начало

«большого пути». Меня подтолкнула ещё книга А. Чижевского «Земное эхо солнечных бурь».

Став, впоследствии, как главный агроном, вхож в районный и областной агроотделы, я стал рыскать глазами по стенам, где висели плакаты и диаграммы, показывающие динамику урожайности по годам, хозяйствам и культурам. Но, район наш был молодым, образованным только в 1961 году, и 20 лет, не давали такой чёткой картины и будущих перспектив по урожайности. А вот, в областном управлении сельского хозяйства я столкнулся с человеком, которого сразу признал общим по духу. Это был главный агроном управления (молдаванин) надо найти его фамилию. Он вёл учёт урожайности по области, и его записки начинались с 1933 года. Это было уже очень серьёзно. Я поговорил с ним, он спросил, зачем мне это нужно, я рассказал, и он разрешил мне эти цифры переписать.

О том, что было дальше с моими изысканиями, я расскажу в следующей книге.

Здесь же, заканчивая последнюю главу, посвящённую моей работе в совхозе «Аканский», я сейчас просто перечислю, о чем бы я хотел ещё вспомнить и написать, но, надо идти дальше, поэтому только штрихами.

Коля Немков женился и работал в совхозе от района на радиостанции. Тоня Скоржевская закончила своё обучение в Целиноградском сельхозинституте и стала работать в совхозе вторым экономистом, это что-то вроде идентично должности агронома-семеновода. Главным экономистом была Гекова Таисия Алексеевна, спокойная умная женщина, которую я, будучи агрономом отделения, кошмарил тем, что пытался убедить платить механизаторам, занятым на заготовке сенажа по той же системе, как и заготовителям силоса.

Можно бы вспомнить и ураган, который пронёсся через вторую бригаду, опрокинул комбайны и ушёл в сторону бобынских лесов, выворачивая с корнем сосны и ломая их. Отца, как владельца бензопилы, лесники привлекли к устранению последствий урагана, и он трудился там несколько дней. В благодар-

ность те разрешили ему взять домой несколько поломанных брёвен красного леса, которые, видимо были списаны, и он эти обломки распилил на совхозной пилораме на доски и построил из них баню.

Много чего можно вспомнить, но надо отметить главное. Время моего Куспекского агрономства, если описать его одним словом, было временем ожидания. Ожидания чего? Не знаю. Но я не жил, а находился в каком-то подвешенном состоянии. Попробую пояснить. На отделениях тоже были агрономы. После техникума. Они обустривались на своём месте и начинали жить. Заводили побольше скота, тех же свиней, прокормить которых, имея хорошие отношения с завтоком, агроному легче. Да на отделениях вообще, это приветствовалось – иметь много скота. И вот мои коллеги успокаивались и начинали жить как нормальные солидные люди, деля свой день в равной мере на работу и дом. Совхозное начальство далеко, на месте только управляющий и бригадиры.

А вот я не был солидным человеком, и, подозреваю, что так и не стал им. Меня преследовало чувство, что люди могут подумать обо мне, что я ленив, и вместо того, чтобы находиться в поле вместе с механизаторами, которые уезжали туда на целый день, я околачиваюсь дома и решаю свои проблемы. Это чувство было настолько сильным, что стоило мне по какой-либо причине оказаться днём дома, я всеми силами старался поскорее оттуда убежать. Какой жене это понравится? Я мог сидеть на току и часами разгадывать кроссворды, и мне не было стыдно, а вот прийти домой после обеда и поделаться что-то в сарае – стыдно. Здесь ведь в чем суть. Если механизатор что-то делает дома, значит его отпустили с работы. А меня никто не мог отпустить, я был на окладе и у меня был ненормированный рабочий день. У меня был один начальник – совесть. Но, она, почему то работала односторонне. Семьи это не касалось. Да и зачем что-то делать и обрастать барахлом, если все равно скоро наступит день и тебе скажут, собирайся, ка ты, браток и принимай дела

главного агронома там-то и там-то. А там другая квартира, лучше, потому что положение твоё в деревенской иерархии выше. Это в целом, верно, но насчёт квартир не всегда срабатывает.

Уборка, 11 часов ночи, первая бригада. Комбайны молотят, машины натужно урчат по полю и забирают хлеб. Я могу сесть в машину и уехать из бригады. Я уже здесь не нужен. Моя служба закончилась. Но считаю, что это будет предательством по отношению к бригадиру и водителю машины хозяйки. Мы сидим на краю поля и ждём, когда люди решат закончить работу или ночная сырость заставит их это сделать. Барабаны комбайнов начнут захлёбываться и выплёвывать стебли.

Холодно. Мы поджигаем скирду соломы. Даём знак людям, что мы здесь и они, как закончат, могут сюда подъезжать. Скирда прогорает, мы ногами разворашиваем остатки и ложимся спинами на тёплую землю. В черном небе тысячи звёзд. Они мерцают, и эта картина настолько завораживает, что я запомню её на всю жизнь. Мы лежим и смотрим. Кто мы в этом мире? Душа наполняется тоской, и в то же время восторгом. Ближе к полуночи, комбайны собираются. До стана недалеко и мы направляем их туда. Сырость так и не пришла, что удивительно, и некоторые комбайнёры решают молотить до утра. Бригадир даёт команду К-700-тчику, и он ставит для них на краю поля сцеп Кировских тележек. Машина везёт механизаторов домой. Бригадир и я в кабине. Люди в кузове на деревянных лавках под тентом. Я жду, может быть, выскочит навстречу свету моя собака, тогда я возьму её на руки и полезу в кузов. Один из дней. Дома никто не встречает, а если и встречает, то такое ощущение, что лучше бы не встречали.

Как становятся главными агрономами? Пришёл март 1981 года. Меня вызвали в районный агроотдел. Главным агрономом района в то время работал Дмитрий Дмитриевич Музыка, который вскорости был назначен директором совхоза им. Держинского. Он заставил меня заполнить какие-то бумаги и повёл в кабинет начальника управления сельского хозяйства Шевчен-

ко Владимира Ивановича. Тот скептически посмотрел на мою худосочную фигуру, перевёл взгляд на лицо и сказал:

– Вы кого ко мне привели? Почему он у вас все время улыбается? Он, вообще, нормальный?»

Дмитрий Дмитриевич, видимо привыкший к такой манере начальства, ответил, что нормальный, вот его бумаги, а что улыбается, так это, наверное, привычка у него такая.

– Вы же знаете, какая ситуация сложилась в Новосветловском совхозе. Неужели вы думаете, что он сможет её решить? Там ведь катастрофа.

– Не знаю, – отвечал Музыка, – но Еrsaин Шатпаевич настаивает именно на его кандидатуре.

– Я знаю, на чем настаивает председатель райисполкома, я только не могу понять, почему? Идите, оформляйте документы. Только Мищенко пока ничего не говорите, поставим его перед фактом.

Я вернулся в совхоз и на следующий день зашёл в кабинет директора. Меня опять поразила тоска в его взгляде. Я сел на один из стульев, стоящих возле стены и, уже предвидя его реакцию, сказал: «Меня вчера вызывали в районный отдел и предложили должность главного агронома Новосветловского совхоза. Я не счёл нужным отказаться от этого предложения.»

Он вскочил с кресла и, задыхаясь, закричал:

– Зачем ты это сделал?

– А что я должен был по вашему сделать? В совхозе есть главный агроном, и будет ещё долго.

– Ты не все знаешь, я имел на тебя виды. Ну, я им сейчас все выскажу.

Он набрал номер начальника и стал кричать в трубку. По мере ответов оттуда он сникал все больше и больше. Положил трубку, неожиданно посветлел лицом и спросил:

– Как ты мне сейчас сказал, повтори:

– Мне предложили должность главного агронома, и я не счёл нужным отказываться.

Он встал из-за стола, подошёл ко мне и пожал руку.

– Поздравляю.

Потом мне рассказывали, что он внимательно следил за моими успехами, и как о чем-то важном сообщил с гордостью, на одной из планёрок, что я стал заместителем директора по производству. Видимо, он считал меня своим учеником, хотя мы редко встречались один на один, и был в этом прав. Я действительно считаю себя его учеником и храню самую добрую память об этом незаурядном человеке.